

• P. o. russ. 63^u / 3

P. o. russ 63^u (3

СЕНСАЦИИ

и

ЗАМѢЧАНІЯ

Госпожи Курдюковой

за границую,

ДАНЪ Л'ЭТРАНЖЕ.

Италія.

ТАМБОВЪ.

1844.

212 H

P. o. russ. 63^u (3

[Signature]
1934

СЕНСАЦИИ

ЗАМѢЧАНІЯ

ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ

СЕНСАЦИИ И ЗАМѢЧАНІЯ

ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ

ЗА ГРАНИЦЕЮ,

данъ л'Этранже.

ИТАЛІЯ.

ЦИТАТИ И ЗАМѢНА
ЛОСКОМЪ ИЛИ КОРОМЪ

Байерска
Штаатсбиблиотек
Мюнхен

ИЛИ АТН

[Зимові, вид. 1844]

СЕНСАЦІИ

И

ЗАМЪЧАНІЯ

ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ

ЗА ГРАНИЦЕЮ,

ДАНЬ Л'ЭТРАНЖЕ.

ИТАЛІЯ.

Не ву пле па,
Не лизе па.

..8085

ТАМЗОВЪ.

1844.

[Mjatlev, Ivan Petrovič]

[3.]

ЩЕДРОСТЬ

И

ВНУТРИ

ПОСЛОЖИ КЪ ДѢЛУ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ,
Декабря 8 дня, 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

РИЛАТИ

По нѣмъ на
По нѣмъ на

3408.

ТАМЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ JOURNAL DE SAINT-PÉTERSBOURG.

АВВ

ВВЕДЕНІЕ.

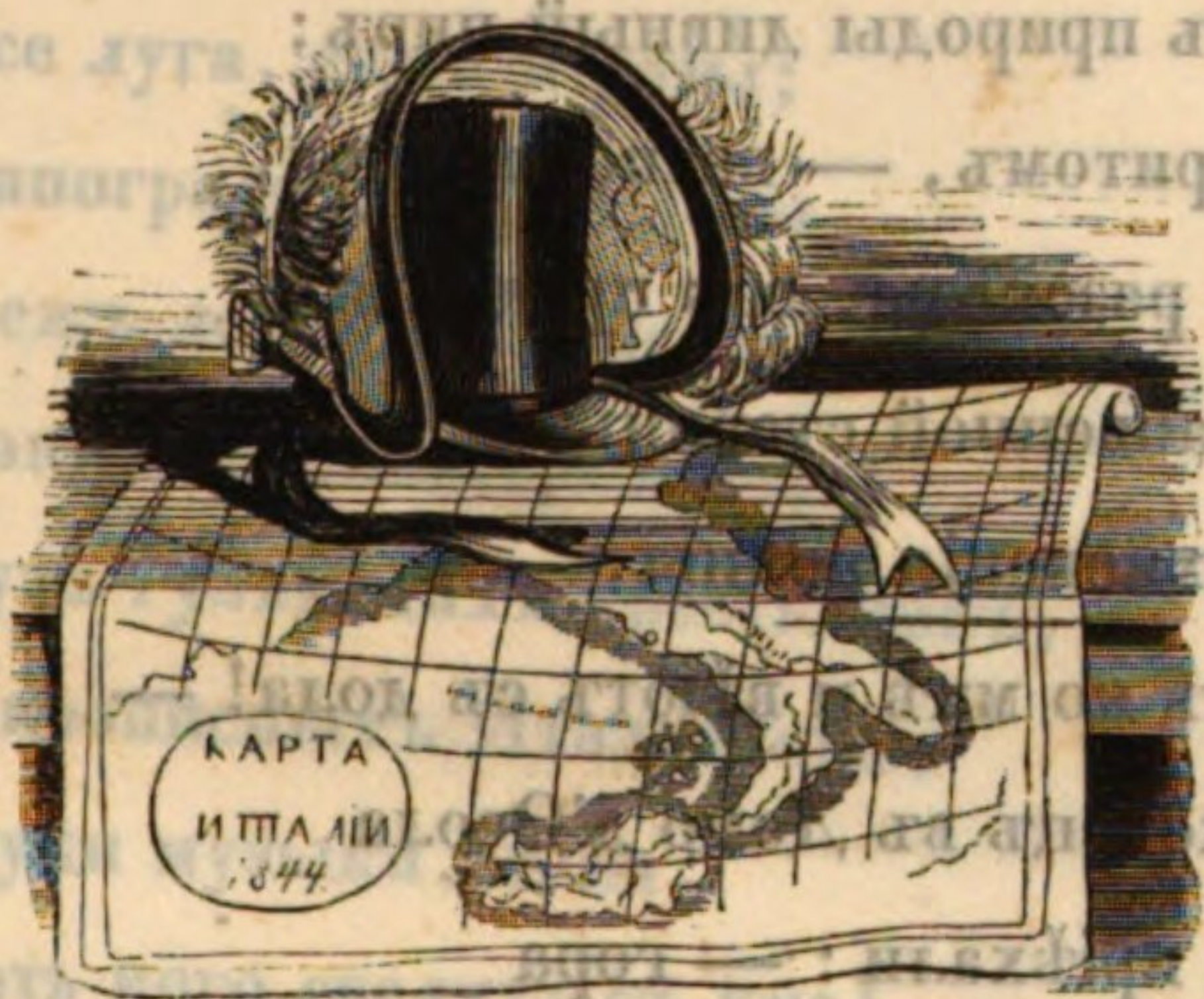
ВВЕДЕНІЕ.

Только възражая изъ горь, —
Изъ опасностей, изъ вѣдъ,
Вдругъ Игнать отъ опасности;
И онъ себя являетъ, —
Въ полнокъ блескъ, красотъ,
Какъ волшебница, — какъ тѣ
Богословныя видѣнья, —

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Только выбрались изъ горъ,
 Изъ опасностей, нашъ взоръ
 Вдругъ Италию открываетъ;
 И она себя являетъ,
 Въ полномъ блескѣ, красотѣ,
 Какъ волшебница, — какъ тѣ
 Баснословныя видѣнья,

Неземныя сновидѣнья,
Что поэту суждены
Въ дни святой его весны:
Все тутъ ароматомъ дышитъ!
Листія едва колышетъ
Упоительный зефиръ;
Тутъ природы дивный пиръ;
А притомъ, — воспоминанья,
Всѣ рассказы, всѣ преданья
Незабвенной старины,
Вдохновенія полны,
Такъ ко мнѣ и вѣютъ съ дола! —
Наконецъ въ Домо д'Осола
Мы пріѣхали: — гора
Тутъ кончается, — ура!
Мы въ Италіѣ, чудо, просто!
Тассо, Данте, Аріосто!
Мнится мнѣ, я слышу васъ,
И въ душѣ такой *экстазъ*,
Что сама бы я запѣла!
Здѣсь порядкомъ я успѣла

И поѣсть, и отдохнуть,
И пускаюсь снова въ путь.
Открывается картина
Безподобная : долина
Вся цвѣтущая , ручей
Изливается по ней ;
Все луга , сады и розы ;
Виноградныя тутъ лозы
Межъ деревьями висятъ ,
Какъ гирлянды ; и нарядъ
Тутъ гуляющихъ крестьянокъ ,
Живописныхъ Итальянокъ ;
Звуки музыки , дома ,
Хоть кого сведутъ съ ума !
Здѣсь ужъ все Италией дышитъ !
И душа какъ будто слышитъ ,
Что въ классической странѣ
И въ завѣтной старинѣ
Свѣтлою мечтой гуляетъ .
Черезъ долину пролегаетъ
Мостъ великолѣпный тутъ :
Креволо его зовутъ .

Все въ Италѣ, какъ извѣстно,
 Живописно, интересно;
 Надобно похлопотать,
 Чтобъ и это описать.

БОРОМЕЙСКІЕ ОСТРОВА

И

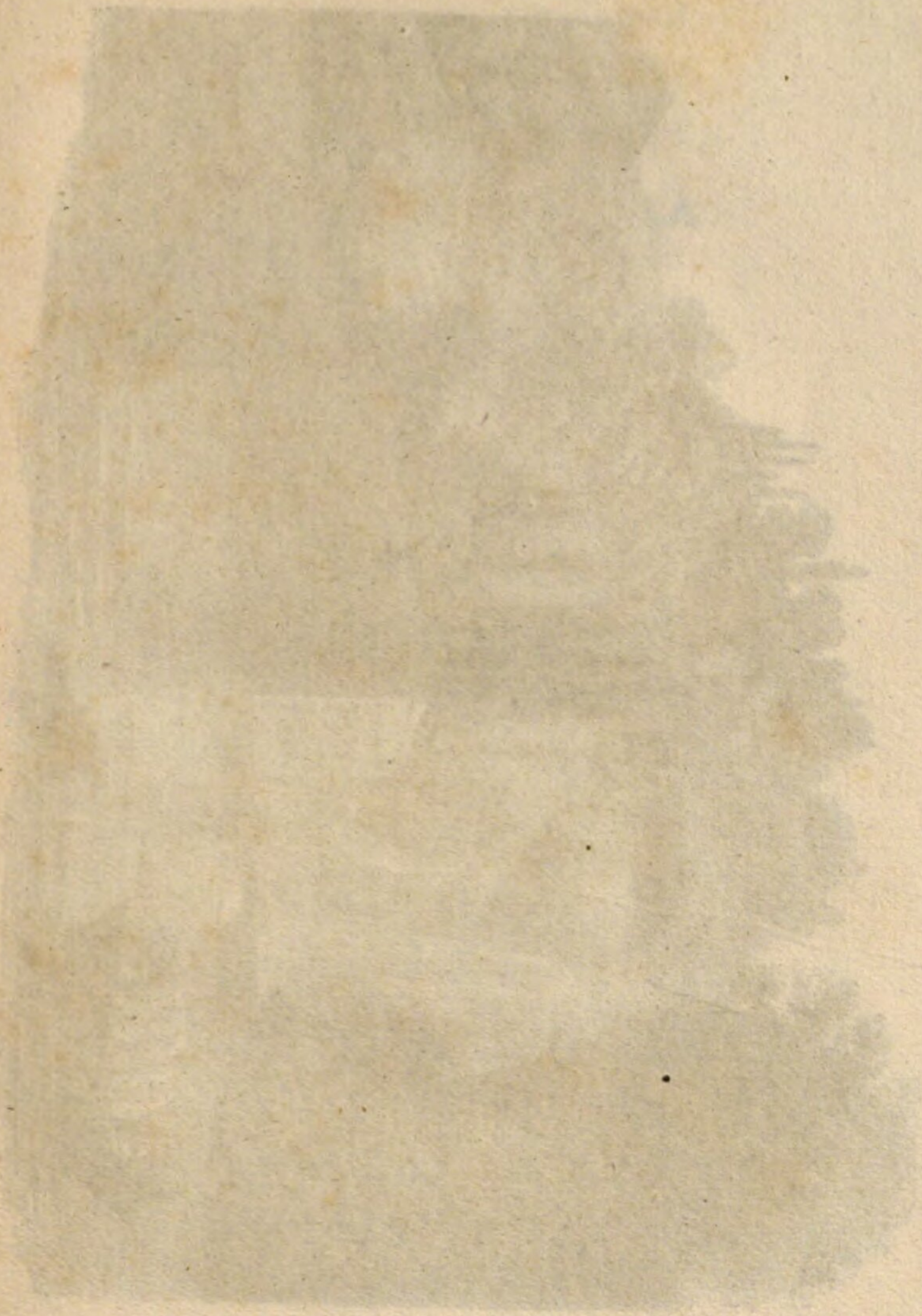
КОМО.

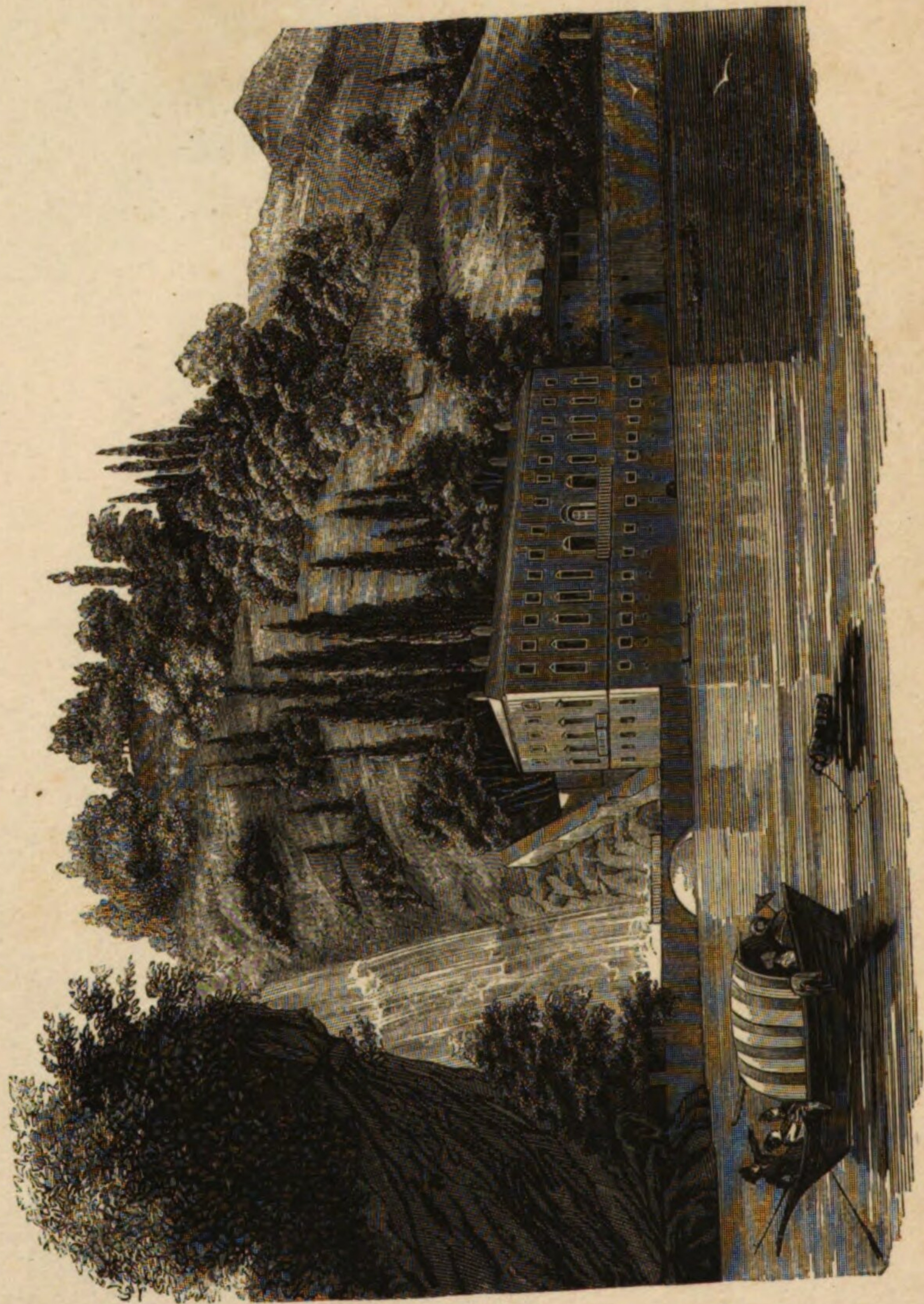
Всё из Италии, как и прежде,
Дивно, чудно, интересно,
Надобно познакомиться
Чтобы в это дело
Всё из Италии, как и прежде,
Дивно, чудно, интересно,
Надобно познакомиться
Чтобы в это дело

БОРОМЕНИСКИЕ ОСТРОВА

и

КОМО

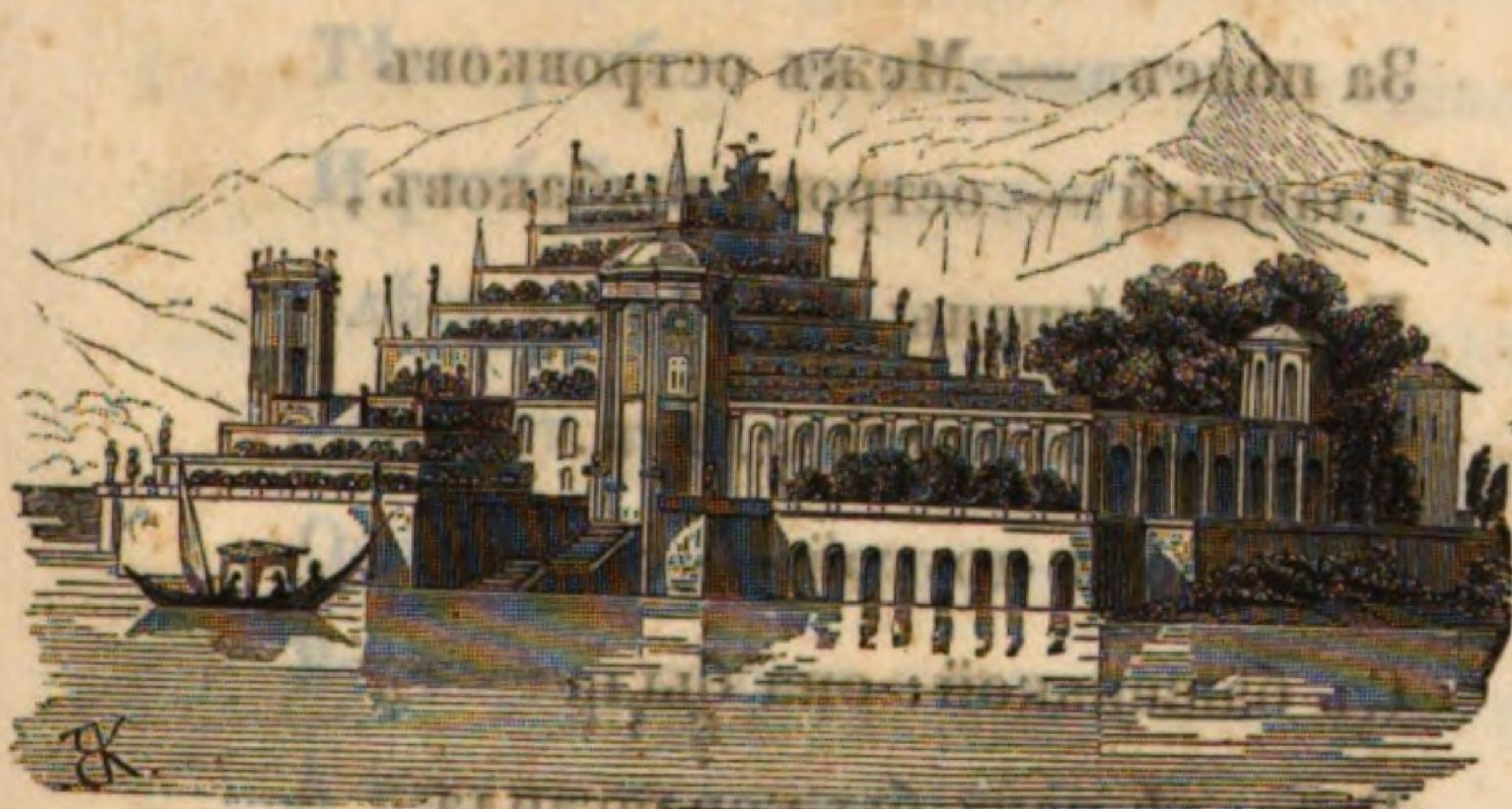

ВОРОМЪЙСКІЕ ОСТРОВА

И

ВЪВЕДЕНІЕ

Вотъ достигли мы Бавены.
 Тутъ роскошнѣйшія сцены,
 Новыя, встрѣчаетъ взоръ;
 Близъ дороги, между горъ,
 Озеро лежитъ большое,
 Совершенно голубое;

Какъ лазурь, его вода;
И по немъ — вездѣ суда
Разъѣзжаютъ — и какіе
Острова тутъ щегольскіе!
Всѣ другіе острова
Передъ ними трынъ-трава:
Калипсо, Пафосъ, Цирцеи
Всѣхъ заткнули Боромен
За поясъ. — Межъ островковъ
Главный — островъ рыбаковъ,
Гдѣ развѣшены все сѣти,
И бѣлье полощутъ дѣти.
Островокъ другой — скала
Съ башенькой: она была
Въ родѣ какъ бы кордегарда
Пяти братіевъ Мадцарда.
Промыселъ ихъ былъ разбой;
Навели здѣсь страхъ такой,
Что и ѣздить не рѣшались,
И ходить здѣсь все боялись,
И весь край былъ аларме.
Но какой-то Бороменъ,

Знатный баринъ изъ Милана,
Захватилъ ихъ атамана,
Брата старшаго, и въ мигъ
Всѣхъ переловилъ другихъ:
Все ихъ прежнее владѣнье,
Обративъ въ свое имѣнье,
Онъ построилъ тутъ дворецъ
Безподобный; но конецъ
Тѣмъ разбою не положенъ,
И разбой не уничтоженъ, —
Здѣсь онъ новый принялъ видъ:
Грабятъ васъ трактирщикъ жидъ,
Особливо а Бавена. —
Въ формѣ только перемѣна;
А кто въ руки попадетъ,
Ужъ того онъ обдеретъ!
Счетъ такой ему представить,
Что копѣйки не оставитъ;
И суда ты не проси,
Не найдешь его *иси*.
У него въ рукахъ полицья,
И на хлѣбахъ вся юстиця.

Только въѣхали, сейчасъ интвнб
 Массой окружили насъ: и интвнб
 И гарсоны, и мамзели, интвнб
 Здѣсь служащіе въ отели: интвнб
 И откуда взялись? интвнб
 Тѣфу ты пропасть! провались! интвнб
 Точно воровская шайка! интвнб
 А хозяинъ и хозяйка; интвнб
 Появились у дверей: интвнб
 Такъ глядятъ, что и онъ дуре; интвнб
 Будто оцѣнять насъ стали: интвнб
 Миледи сперва назвали, интвнб
 Тамъ контессъ, а тамъ пренсесъ; интвнб
 Тутъ хозяинъ мнѣ поднесъ интвнб
 Книгу, чтобъ я расписалась; интвнб
 И я долго любовалась интвнб
 Этой книгой: кель юзажъ! интвнб
 Всѣ исписаны ле пажъ; интвнб
 Имя, званье и примѣты, интвнб
 Жительство и цѣль и лѣта, — интвнб
 И какъ много тутъ имянь, интвнб
 Особливо Англичанъ! интвнб

Они точно наводняютъ
Л Итали; но разѣзжаютъ,
Впрочемъ, нынче уже всѣ,
Э ле Рюсэ, э ле Франсе,
Для моціона, для движенья.

Посмотрите прибавленья
Хоть вѣдомостей столицъ;
Вѣрно нѣсколько страницъ:
Господа, артисты, дамы,
И купцы и даже хамы,
Капельмейстера жена.
А любимая страна
Всё *Италья*; — и понятно:
Какъ тамъ весело, пріятно!
А притомъ какая честь:
Въ генеральши произвестъ
Всякъ готовъ за восемь гривенъ!
Даже тотъ примѣръ не дивенъ,
Что трактирный вдругъ поэтъ
Поднесетъ тебѣ сонетъ,
Гдѣ сравнитъ тебя съ Венерой;
И твоихъ достоинствъ мѣрой

Здѣсь одинъ твой кошелекъ.
Кто копѣйку приберегъ,
Тотъ ступай въ Италию смѣло.
Деньги есть, такъ въ шляпѣ дѣло!

Вотъ *рефлексіи* сюжетъ:
Дамамъ всѣмъ здѣсь тридцать лѣтъ,
Сорокъ два всѣмъ кавалерамъ;
А ужъ титламъ и гонѣрамъ
Просто даже нѣтъ конца!
Именитаго лица
Титулъ каждому достался;
Напримѣръ: здѣсь записался
Нашъ какой-то вояжеръ,
Лиетенантъ де л'Амперёръ.
Какъ, я чай, за нимъ ходили,
Величали и честили,
Здѣсь его за должность ту!
Онъ поручикъ, *воала ту!*
Англичане всѣ милорды;
А какъ поглядѣть на морды,
Пивоваромъ назовешь

Хоть кого, такъ не соврешь.
А Французы съ бородами,
Всѣ ужъ графы, и словами
Закидаютъ; а я чай,
Какъ себя ни величай,
Дома просто парикмахеръ;
Но такой ужъ *шахеръ махеръ*
Есть у нихъ, что я сама
Отъ Французовъ безъ ума!
Нѣмецъ, поглядишь, профессоръ,
Иль гофратъ, или ассессоръ,
И навѣрное ужъ *фонъ!*
Этой книги *се ле тонъ!*
Пишутъ тутъ же о трактирѣ,
Что его нѣтъ хуже въ мірѣ;
Что хозяинъ ободралъ;
И что кушанье онъ далъ
Нехорошее, гнилое;
Или что нибудь другое.
Тутъ найдете и стихи,
И какія чепухи.....
Мятлева я отыскала, ...

Кстати жъ, про стихи, сказала: это
 Онъ на нихъ собаку съѣлъ;
 Даже многимъ надоѣлъ!
 Ба! Иванъ Ивановичъ тоже,
 Нотрѣ ами; что вижу, Боже!
 И прелестная пренсесъ,
 О которой, же конфесъ,
 Отъ Бадъ-Бадена доселѣ
 Я мечтала. — Въ самомъ дѣлѣ
 Весело здѣсь разбирать
 Эти книги; отыскать
 Трафится подъ часъ иную
 Иллюстрацію такую,
 О которой слѣдъ простылъ;
 Но регистръ здѣсь сохранилъ
 Прежній титулъ невредимо,
 Хоть прошла фортуна мимо.

Записалась здѣсь и я,
 И записка вотъ моя:
 «Акулина Курдюкова,
 «Рюсъ, изъ города Тамбова»

«Барыня, пропріетеръ;»
 «Разъѣзжаю пуръ аферъ;»
 «Третій съ небольшимъ десятокъ;»
 Тутъ отъ головы до пятокъ
 Расписала мой портретъ;
 Изъ учтивости, Анетъ
 Компаньѣнкою назвала;
 Харитона жъ величала
 Я курьеромъ. *Лобержистъ,*
 Какъ увидѣлъ этотъ листъ,
 Съ Харитономъ подружился;
 Но онъ сколько съ нимъ ни бился,
 Тотъ ему не отвѣчалъ,
 Только головой качалъ.

Впрочемъ, я не самозванка,
 Я Россійская дворянка.
 У меня въ гербѣ курдюкъ.
 Прадѣдъ нашъ с'ететъ-энъ дюкъ,
 Энъ начальникъ надъ стадами,
 Что съ большими курдюками,
 Тамъ, ла ба, ше ле Киргизъ;

А нашъ дѣдушка, *сонъ фисъ*,
Перешелъ къ намъ волонтеромъ,
И записанъ офицеромъ
У линѣйныхъ казаковъ,
По фамильѣ Курдюковъ.

Чай и ужинъ я спросила;
Острова же положила
Осмотрѣть я поутру.
Пуръ Бавена, с'етъ энъ тру;
Но трактиръ довольно чистый,
А хозяинъ прерѣчистый:
Онъ подробно разсказалъ
Мнѣ Бавены весь журналъ;
Говорилъ о Бонапартѣ;
Но и помѣстилъ на картѣ
Всѣ учтивости свои
И отвѣты всѣ мои.
Я порядкомъ поплатилась,
И на острова пустилась.

Къ намъ причалилъ *энъ бато*,
И мы сѣли *осито*.

Хоть съ холстинною палаткой,
Но *бато* довольно гадкій;
Даже и подушекъ нѣтъ,
Хоть стоялъ онъ и *анъ тетъ*,
Главнымъ, въ лодочной эскадрѣ.

Въ Изола д'аборъ мы *мадре*
Приплываемъ. — Славный паркъ
Англійскій, э *же* *ремаркъ*,
Что растеній тутъ коллекція
Всѣхъ земель; оно какъ лекція
Намъ; *комъ*, *ки дуре*, *пратикъ*
Анъ пасанъ де ботаникъ.
Чая, камфоры, корицы
Тутъ деревья, и теплицы,
Гдѣ большой наборъ цвѣтовъ;
Ели разныхъ тутъ сортовъ
И чудесныя аллеи
Развели тутъ Бороменъ,
И куртины. — *Се плезанъ*,
Какъ спокойно *ле фазанъ*
По аллеямъ здѣсь гуляютъ:

Никогда въ нихъ не стрѣляютъ.
Есть большой старинный домъ
Въ запущеніи большомъ;
Въ немъ хозяинъ не бываетъ,
Никогда не обитаетъ:
Видно всякій Боромей,
Какъ нашъ Русскій Еремѣй,
Про себя лишь разумѣетъ,
И какъ знаетъ, такъ владѣетъ.
Я бы, право, предпочла
Этотъ островъ: тутъ наша
Я природы всей приволье,
Настоящее раздолье.
А въ томъ островѣ, она
Вся искусствомъ стѣснена,
Анъ аби де куръ, Фенелла.
Но пора въ Изола-Белла:
Главный островъ такъ зовутъ;
Много прелестей и тутъ.
Ужъ покуда приплывала,
Отъ восторга я кричала:

Богатѣйшій, чудный видъ!
Точно *комъ юнъ пирамидъ*.
Форма собранной тутъ массы
Зелени, и все террасы
Другъ на другъ, *дизъ иль онъ*;
На верху жъ стоитъ, *анъ бронъ*,
Пребольшущая Ликорна!
Каково? прошу покорно,
Какъ взвезли туда ее!

Но вниманіе мое
Я сначала обратила
На дворецъ, куда входила
Съ нами: *тутъ юнъ просесюнъ*.
Признаюсь, *се ма пасюнъ* —
Слѣдовать за крестнымъ ходомъ.
Посреди толпы, съ народомъ,
Я и шла; но вдругъ *кустодъ*
Знать замѣтилъ насъ, и вотъ
Поклонился намъ учтиво,
И просилъ велерѣчиво,
Чтобъ мы съ нимъ вошли въ *салонъ*;

И намъ двери отперъ онъ.

Согласясь я, улыбнулась,

А процесся потянулась

По саду.

Ле бель-этажъ

Осмотрѣли мы; какъ пажъ,

Ле кустодъ ходилъ за мною;

Богатѣйшею рукою

Точно убранъ *се пале;*

Рококо, си ву вуле,

Но вся мебель золотая,

Бархатная, и какая

Рѣдкостей коллекція здѣсь,

Люксъ старинный точно весь;

Прероскошные покои,

Штофные вездѣ обои,

И парадная кровать,

А при ней, какъ бы сказать;

Бенитъе съ святой водою,

Весь изъ золота, съ рѣзьбою

И съ камнями; топазъ

Изумруды и алмазъ

Размѣстилъ, какъ видно, тутто А
 Въ немъ Челлини Бенвенуто. —
 Зеркала есть, де каминъ,
 И штукъ съ семьдесятъ картинъ;
 Даже мало имъ и мѣста;
 Написалъ ихъ всѣхъ Темпеста.

Про него есть анекдотъ:
 Былъ женатъ Темпесто тотъ,
 Но въ другую такъ влюбился,
 Что съ ней вмѣстѣ согласился
 Онъ жену свою убить;
 И интриги этой нить
 Довела до преступленья.
 Возродились подозрѣнья,
 Начали его искать;
 Оставалось убѣжать,
 Или гдѣ нибудь укрыться.
 Надобно же такъ случиться,
 Что о томъ былъ информѣ
 Здѣшній баринъ Бороме.
 Онъ и пріютилъ Темпесту,

А съ нимъ также и невѣсту
 Соучастницу къ тому жъ;
 Здѣсь Темпеста сталъ ей мужъ;
 Но укрыть отъ угрызенья,
 Отъ душевнаго мученья,
 Се пале его не могъ.
 Онъ, бѣдняжка, занемогъ.

Боромей, для излеченья,
 Родъ придумалъ развлеченья,
 Кисти, холстъ ему купилъ,
 За палитру усадилъ,
 И Темпесто Боромею
 Написалъ всю галерею,
 Семьдесятъ почти картинъ,
 И во всѣхъ сюжетъ одинъ:
 Завыванье непогоды,
 Бури, ужасы природы;
 Но артистъ, что ни пиши,
 Положеніе души
 Изливается невольно;
 А Темпестъ было больно
 Грѣхъ свой тяжкій вспоминать;

И должна была страдать
 Здѣсь душа его, и горе
 Бушевало въ ней какъ море.
 Тутъ второй жены портретъ:
 Хороша, въ томъ слова нѣтъ,
 Только ненависть и злоба
 Такъ у ней и смотреть въ оба.

Въ нижній мы сошли этажъ;
 Стѣны всѣ, анъ кокильяхъ,
 Преузорно тутъ обиты;
 Кажеть замокъ Амфитриты
 Иль Нептуна, средь морей,
 Подъ волнами;
 Тотчасъ явятся Тритоны
 И Наяды; — всѣ колонны
 Мраморныя; ле корнишъ,
 Рамы, плинтусы, тре ришъ;
 Плещуть кое-гдѣ фонтаны;
 Кресла, стулья и диваны,
 Стилъ имѣють какъ-то свой;
 Кабинетъ тутъ восковой

Разныхъ фруктъ, цвѣтовъ; Монгола
 Куклы двѣ; и изъ Скаіола
 Всѣ полы; и наконецъ
 И Кановы тутъ рѣзецъ
 Отличился, и въ пещеру
 Здѣшнюю онъ ввелъ Венеру. —

Тутъ на лонѣ спить она:
 Въ нѣгѣ томной, среди сна,
 Такъ раскинулась прекрасно;
 Такъ мечтаетъ сладострастно;
 Грудь колеблется; краса
 Вся наружи; волоса
 Будто вѣтерки разносятъ;
 Будто поцѣлуя просятъ
 Только дивныя уста,
 Чтобъ открыться, и мечта
 Упоительно объемлетъ
 Всякаго; и онъ не внемлетъ
 Ничему; одна любовь
 Всю его волнуетъ кровь!
 Но мнѣ этого не нужно,

Я мадамъ — и недосужно ;
Дамъ на водку , и пойду
Погулять энъ нѣ въ саду.

Садъ прекрасно разрисованъ ,
И на сводахъ весь основанъ ,
И обдѣланъ каждый сводъ
Въ натуральный будто гротъ ;
А поляны всѣ въ куртины ;
Безподобныя картины !
И деревья тамъ и тутъ ,
Симметрически растутъ ,
И особеннаго класса
Каждая въ саду терраса ;
Тутъ простыхъ деревьевъ рядъ ,
А повыше ужъ висятъ
На деревьяхъ апельсины ;
Померанцы ; тутъ малины
И смородины кусты ;
Тутъ фонтаны , тутъ цвѣты ;
Тутъ роскошная Магноля ;
Ну , такого ужъ раздолья

Нѣтъ нигдѣ! — Вотъ, *антре ну*,
 Говорили въ старину
 Про сады Семирамиды;
 Кажется мнѣ, безъ обиды
 Можно ихъ не уронить,
 Если съ этими сравнить.
 Вотъ на самый верхъ взобралась;
 Тутъ ликорной любовалась;
 Боромеевъ гербъ она.
 Дорожила старина
 Этимъ замкомъ феодальнымъ,
 Чтобъ въ колѣнъ самомъ дальнемъ
 Доблесть помнили отцовъ,
 И не прятали концовъ,
 Какъ теперь, подъ складки блузы,
 Какъ ихъ спрятали Французы,
 Съ умысломъ, сомнѣнья нѣтъ,
 И какъ нынче, наши *беть*,
 Ихъ примѣру подражая,
 Приняли, не замѣчая,

Роль весьма не седюизанъ,
 Безтолковыхъ обезьянъ!
 Что смѣлится вдали, вѣдомо въ
 Чего дѣла въ дощ отъ : глинныя
 Сверху видъ весьма пространный;
 Но эффектъ его престранный.
 Тутъ вдали встрѣчаетъ взоръ
 Цѣпь Альпійскихъ дикихъ горъ
 Тутъ любитъ дорогой
 Онъ обдѣланной, пологой;
 А тутъ въ зеркалѣ воды
 Отражаются сады
 И роскошныя палаты
 Боромеевъ ; и объаты
 Пламенемъ высокихъ чувствъ.
 Мы поэзію искусствъ
 И природы ублажаемъ,
 Ихъ душою понимаемъ,
 И привѣтствуемъ ихъ міръ.
 Воротилась я въ трактиръ,
 Отдохнула и поѣла,
 И въ Арону полетѣла.

Есть въ Аронѣ юнѣ статью,
 Въ память, видно, де вертлю
 Карла Боромея, дѣда
 Нынѣшнихъ; его побѣда
 Знаменита надъ чумой.
 Мнѣ не вѣрилось самой,
 Что не башня, а статуя
 На горѣ; и я толкуя
 Съ почтительною,
 Говорила: *се клоше!*
 И онъ сталъ тому смѣяться,
 И сказалъ мнѣ: помѣщаться
 Могутъ въ ней персонъ хоть шесть;
 Если кушанье принесть
 Въ Боромееву статую,
 Лѣстницу найдешь крутую,
 И ступай хоть *данъ ле не*,
 Если хочешь *дежене*.
 И я очень удивилась,
 Но войти я не рѣшилась,
 Потому что я толста;
Же не сви пазъ-анъ эта

Даже и пролѣзть въ статую;
Сцену сдѣлаю такую,
Что смѣяться будутъ мнѣ: —
Чего *Дѣе на па доне*.
Тутъ найдутъ предметъ *легенды!* —
И достигъ *Сесто Календы*
Мнѣ пора бы, же *л'аву*;
Озеро переплыву,
Въѣду наконецъ въ Ломбардью,
И таможенную гвардью
Тамъ найду; *эль э северъ*;
Трудно съ ней имѣть *аферъ*.

Здѣсь курьезнаго не встрѣтишь
Ничего; одно замѣтишь:
Черезъ озеро паромъ.
Переправилась на немъ,
И таможни достигаю;
Поразшарятъ, ужъ я знаю,
Думала; но на паспортъ
Посмотрѣлъ какой-то чортъ
Старый, въ старомъ сюртучикѣ,

Расписаться на афишкѣ
 Приказалъ, и отпустилъ;
 Только книжку захватилъ
 Пѣсенъ Беранже и сказки
 Де Бальзакъ, что безъ развязки.
 Харитонъ на водку далъ,
 И рыдванъ мой поскакалъ
 По дорогѣ де Варезе.
 Ужъ скажу же белъ паэзе!
 Безподобный пейзажъ:
 Все сады тутъ, де виллажъ,
 Виллы, рощицы, ограды;
 Межъ деревьевъ винограды
 Составляютъ комъ юнъ вутъ;
 Весело и ѣхать тутъ;
 Сердцу, кажется, знакомо.
 Только ночью въ городъ Комо
 Мы пріѣхали; де л'анжъ
 Тутъ трактиръ, э л'онъ и манжъ
 Хорошо, какъ мнѣ сказали,

Да и тутъ же доказали: *отдѣл оцроТ*
 Ужинъ дали щегольской! *и ни он И*
 Изъ трактира видъ какой! *и ни он И*
 Гавань полная народомъ, *и ни он И*
 Съ лодками и пароходомъ; *и ни он И*
 Озеро *д'анъ тре бо стиль, и ни он И*
 А тутъ площадь *э ла виль, и ни он И*

Только что я встать успѣла,
 Тотчасъ городъ осмотрѣла:
 Онъ хорошъ, *иль н'е на маль, и ни он И*
 Есть большая катедраль, *и ни он И*
 И лицей, и академья; *и ни он И*
 Юнъ статью, какъ будто премья *и ни он И*
 Вольту, *пуръ ле галванизмъ, и ни он И*
 Здѣсь стоитъ; патриотизмъ *и ни он И*
 Комо этимъ отличился; *и ни он И*
 И скульпторъ распорядился, *и ни он И*
 Чтобъ тутъ Вольтовъ столбъ стоялъ *и ни он И*
 Изъ рублевиковъ; *и ни он И*
 Самого жъ шинелью, фракомъ, *и ни он И*
 Надѣлилъ надменнымъ зракомъ; *и ни он И*

Точно будто конкеранъ.
 И по мнѣ, иль а се ранъ!
 Онъ завоевалъ науку:
 Выкинулъ такую штуку,
 Съ мѣдью цинкъ когда случилъ,
 Что возможность получилъ
 Съ электричествомъ равняться,
 Даже съ нимъ и состязаться.

Широскафъ ушелъ тро то;
 Такъ взяла я энъ бато,
 То есть, собственную лодку.
 Болѣе гребцамъ на водку
 Я конечно заплачу;
 Но за то, куда хочу
 Я поѣду невозбранно,
 И свободно и пространно
 Осмотрю, что только есть —
 И скажу, здѣсь лодкамъ въ честь,
 Что прекрасное устройство
 И комфортъ, и все спокойство.
 Но середкѣ столъ стоитъ,

И матерьею обить
Зонтикъ, и подушки тоже; —
На бесѣдочку похоже.
Очень ловко было мнѣ;
Я взяла *энъ дежене*,
И отправилась съ Анетой.

Точно щеголь разодѣтый,
Межъ озерами маркизъ,
Это озеро кажись.
Что-то барское, бонтонно,
Живописно, благовонно, —
Всѣ прекрасные сады,
Замки, дачи, всѣ слѣды
Утонченности и вкуса.
Мифологіи боюся,
А хотѣлось бы сказать,
Что изъ озера играть
Вышли на берегъ русалки,
Эти виллы, Одескалки,
Женно, Пиццо, вилла д'Эстъ;
И не то, чтобы modestъ,

Королевскія палаты! —
 Такъ роскошны, такъ богаты!
 Всѣ цвѣты сюръ ле террасъ;
 И вездѣ комфорта трасъ;
 А кругомъ скалы. — Сначала
 Прямо въ виллю д'Эстъ пристада;
 Тутъ богатый славный домъ,
 И террасы все кругомъ;
 Рѣдкостей же нѣтъ ни сколько;
 Залы, садъ большой, и толького отъ
 Въ ней жила Пренсесъ де Галъ.
 Вензель только данъ ма сальнипови;
 И театръ здѣсь сохранили;
 Но ее здѣсь не любили,
 И не помнятъ ужъ о ней.
 Къ лодкѣ воротясь моей,
 Къ Франку, доктору, на дачу
 Завернула, на удачу.
 Здѣсь близехонько она;
 Но такая сторона,
 Что нѣтъ докторамъ и дѣла.

Я жъ съ нимъ видѣться хотѣла, и
Чтобъ узнать, что ѣсть могу, и
Чтобы было а монъ гу
И въ Италѣ неопасно. —
Принялъ онъ меня прекрасно;
И любезенъ, и уменъ;
Русскихъ очень любить онъ;
Знаетъ Русскую натуру.
Здѣсь онъ дѣлаетъ фигуру;
Часто ходятъ на совѣтъ;
И Наслѣдника портретъ
У него виситъ въ гостиной.
Но вояжъ еще мнѣ длинный
Озеромъ, — э же ле китъ.
Продолжался мой визитъ
Полчаса. — Я съ нимъ простилась,
И плыть далѣе пустилась.
Разбѣгается мой взоръ
Эти виллы между горъ,
Эти роши, водопады,
Померанцы, винограды

И оливы тутъ и тамъ,
 По роскошнымъ берегамъ,
 Пышные дворцы, селенья,
 И эффекты отраженья
 Этого всего въ водѣ, —
 Я подобнаго нигдѣ
 Не увижу; какъ красиво!

Вотъ и *вилла Самарива!*
 На горѣ стоитъ дворецъ,
 Но близъ озера конецъ
 Парка чуднаго и сада.
Перистиль и колоннада
 Безподобны, а внутри
 Дивно, гдѣ ни посмотри, —
 Вкусомъ, выборомъ, манерой.
 Межъ картинъ, Амуръ съ Венерой
 Здѣсь *Апьяни*; юнъ *Жоконда*
 Очень цѣнить *ту ле монда*,
 Потому-что рѣдки нынче
 Всюду Леонарды Винчи. —

Между статуй, Паломедъ
Де Канова; видѣнь слѣдъ
Вкуса, генья отпечатокъ;
Вплоть отъ головы до пятокъ,
Вся статуя говоритъ; —
Въ томъ Канова и меритъ:
Жизни духъ какъ бы запаянъ
Въ мраморъ, если имъ изваянъ.
Но искусства образецъ
И Торвальдсена рѣзецъ
Здѣсь являетъ — похощенья
Александра; — выраженья
Не найду, чтобъ передать,
Что за прелесть! Ну сказать
Словомъ, торжество скульптуры!
Разныя еще фигуры
Де психе, де кюпидонъ
Тутъ найдешь; мезъ алонъ донъ —
Ихъ описывать не стоитъ.
Но меня то беспокоитъ,
Что еще далекій путь:
Хорошо бъ на все взглянуть,

Хотя мелькомъ; а домани
Быть ужъ надобно въ Миланѣ.

Къ лодкѣ воротясь бѣгомъ,
Я поѣхала; кругомъ
Дивные все неизажи:
Горы, рощицы, *вилажи!*
Лекко, гдѣ Манзони взялъ
Спозовъ, милый идеалъ,
Ищетъ мысль моя здѣсь бабья. —
Вотъ достигли Коденобья;
Рыбаковъ тутъ *ранде-ву.*
Я теперь переплыву
На ту сторону; *вилажью*
Тутъ по имени Беллажю,
И трактиръ хорошій тутъ.
Виллу жъ на горѣ зовутъ,
Помнится мнѣ, Сербеллони.
Видъ тамъ чудный на балконѣ!

Но пора ужъ мнѣ назадъ.
Этихъ дачъ здѣсь цѣлый рядъ.

Болѣе другихъ примѣтна
Вилла Мельдзи; прекокетна!
Много статуй и картинъ;
Роскошь мебели; одинъ
Тамъ портретъ Наполеона
Стоитъ истинно поклона.
Паръ Апьани; — получилъ
Его Мельдзи самъ, какъ былъ
Предсѣдателемъ Милана.

Наконецъ вотъ и Плиньяна!
Въ ней роскошный водопадъ,
И бѣжитъ онъ прямо въ садъ
Здѣсь, съ утеса прекрутаго,
Близъ квадратнаго, большаго
Дома, коего стѣна
У горы возведена.
А отъ дома мостъ проходитъ
Черезъ водопадъ, наводитъ
Страхъ на всѣхъ, кто поглядитъ,
Какъ вода клубясь бѣжитъ!
Но вотъ чудо, кромѣ шутки,

Истощается онъ въ сутки
Раза съ два, и нѣтъ воды.
Дива этого слѣды
И причину ужъ искали
Оба Плинья, — написали
Каждый свой о томъ трактатъ;
И вѣковъ тому назадъ
Ужъ осьмнадцать, это странно,
Какъ природа постоянно
Чередой своей идетъ;
А что смертный создаетъ,
Рушится и истлѣваетъ.
Здѣсь хозяинъ не бываетъ,
Даже не живетъ никто.

Дальше ѣдетъ *ле бато*;
Скоро доплывемъ, и баста!
Но вотъ *вилла* мадамъ Паста,
Между скалъ и лѣсомъ тутъ.
Я люблюсь на пріютъ
Той пѣвицы вдохновенной,
Слава чья, по всей вселенной,

Такъ молвой разнесена.
Но вотъ и сама она
На балконъ свой выступаетъ,
Артишоки покупаетъ,
И торгуется за грошъ.
Какъ нарядъ ея хорошъ!
Чепчикъ старый, душегрѣйка;
А, я чай, вѣдь есть копѣйка
У бѣдняжки, про запасъ.

Вотъ по сторонамъ у насъ
Торно, Вико и какъ разъ
Въ гавань вѣдемъ. Слава Богу!
Завтра раньше въ путь-дорогу;
Нынче поздно, э же фенъ.
До свиданья жъ а деменъ!

Такъ мойвой разнесена,
 Но вотъ и сама она въ
 На балконахъ свой высту
 Архиповъ похвасталъ
 И торжествуетъ за трономъ,
 Какъ развѣтъ въ зорони,
 Реплика старей, динер
 А, вай, вай, вай, вай
 В бѣдѣ, вѣдѣ, вѣдѣ,
 Вотъ по сторонамъ у насъ
 Точно, Вико и вай разъ
 Въ таванѣ вѣдѣ, вѣдѣ
 Завтра вѣдѣ, вѣдѣ, вѣдѣ
 Нынѣ поздно, а же
 До свиданья же в бѣдѣ
 Скоро дождется, вѣдѣ
 Но вотъ вѣдѣ, вѣдѣ
 Между вѣдѣ, вѣдѣ
 В вѣдѣ, вѣдѣ
 Вѣдѣ, вѣдѣ
 Но вотъ, вѣдѣ, вѣдѣ

МИЛАНЪ.

CHAPTER

Faint, illegible text, possibly a signature or title, located below the illustration.

III.

МИЛАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вотъ я въ городъ Миланъ!
Точно въ радужномъ туманъ
Погрузясь, мечта моя
Расходилась, вижу я: —
Все минувшее очнулось,
Оживилось, встрепенулось,

Да и стало предо мной,
 Такъ какъ листъ передъ травой!
 Вижу: Лонгобардовъ націю;
 Шарлеманья коронацію;
 Старика *Піеръ л'Ермитъ*,
 Какъ онъ за собой манитъ
 Православныхъ въ Палестину;
 И Принцесу Валентину
 Вижу бѣдную въ слезахъ;
 Вижу, какъ наводятъ страхъ
 Тутъ *Висконти*, а тутъ *Сфорца*;
 Шарлекена ратоборца
 Вижу съ Королемъ *Франсуа*;
 И, престранно *пуръ муа*,
 Вижу Папу *Гильдебрандта*,
 Настоящаго гиганта
 Самовластья *де л'эглизъ*!
 Передъ нимъ, что *Леонъ Дисъ*,
Сиксте Кенъ? ну, просто пѣшки!
 Каковы его насмѣшки,
 Съ *Ганри Катромъ л'Ампереръ*?
 Страшны — *ма паролъ д'онеръ*!

Вотъ желѣзная корона
На главѣ Наполеона,
И при немъ побѣды сынъ,
Принцъ Евгенийъ, исполинъ,
Витязей остатокъ вѣка!
Безъ боязни, безъ упрека,
Честь и вѣрность на щитѣ,
И въ могучей красотѣ!

Такъ въ пылу моихъ мечтаній,
Зазѣвалась я въ компаньи
Знаменитыхъ этихъ лицъ;
Какъ вдругъ подошелъ Австриецъ,
Полицейскій беобахтеръ,
Спрашивать про мой характеръ!
А какая нужда чай
До меня? Нѣтъ! отвѣчай
Или въ городъ не пускаеть,
И шлахбаумъ не подымаетъ!
Мой характеръ: тихъ и добръ,
Я сказала: *же сви собръ*,
Не кокетка, не жеманка,

И не сплетница; — дворянка, —
Какъ дворянкѣ быть должно!...
Ха, ха, ха! ему смѣшно
Показалось объясненье.
Точно, недоразумѣнье
Вышло: нуженъ былъ паспортъ.
Ну, спросилъ бы старый чортъ!
Вотъ онъ взялъ паспортъ, читаетъ,
И съ натурою свѣряетъ
Мой портретъ, *синьялеманъ*
Писанный *анъ аллеманъ*.
«Кругловатая фигура;
«Волосами бѣлокура;
«Щеки вздутыя; а носъ
«Плосковатый и курносъ;
«Ротъ съ претолстыми губами;
«Ростъ аршина два съ вершками, ...
«А особенныхъ примѣтъ,
«Кромѣ бородавки, нѣтъ!»
Все исчисливъ по портрету,
Харитона и Анету
Онъ не сталъ ревизовать;

Да какая бы и статья?
Это люди крѣпостные,
Ужъ не могутъ быть иные
Какъ въ ревизскихъ внесены!
Вотъ въ Миланъ мы впущены.

Городъ, Питера не хуже,
Только улицы поуже.
Кирка есть, е де пале,
Даже есть, си ву вуле,
И бо мондъ и экипажи;
Только разница въ атлажъ.
Не четверкой на уносъ,
Какъ у насъ; — по мнѣ, вопросъ:
Не они ли въ этомъ правы?
Хоть рассмотримъ для забавы
Нашъ Россійскій атлажъ!
Этотъ дикій ассамблажъ
Разношерстныхъ и усталыхъ
Лошадей, большихъ и малыхъ,
Скачущихъ во весь опоръ;
Хомуты, на мѣсто шоръ,

Связанные ремешками;
 Надъ передними конями
 Властелинъ *пети гарсонъ*,
 Деревенскій *полисонъ*;
 Онъ задорливый и смѣлый,
 Раскричась какъ угорѣлый,
 Барабанитъ лошадей
 Плетью, свитой изъ ремней;
 А на козлахъ, для контраста,
 Рожа старая, брадаста,
 Русскій нашъ *Автомедонъ*;
 И его не жди *пардонъ*!
 Лошадь справа — коренная;
 Знать судьба ея такая,
 Она прямо подъ кнутомъ;
 Такъ и бьетъ ее *сетъ омъ*,
 Безъ разбора, безъ отлички,
 Только просто по привычкѣ!
 Отъ переднихъ лошадей,
 Нѣсколько аршинъ ремней,
 Анъ *гирландъ*, висятъ до дышелъ!
 Ну нельзя, чтобъ тутъ не вышелъ

Аксиданъ, и *Die se kely!*
 Совершенный *пеле мель*
Данъ ле съѣздъ, на поворотахъ,
 Въ перекресткахъ и въ воротахъ,
 Только кучеръ заглядись;
 И какъ терпитъ *ла полисъ!*

Вотъ извѣстный *аркъ Симплона*;
 Строенъ въ честь Наполеона;
 Какъ сломали *сонъ эне*,
 Онъ сталъ аркомъ *де ла не*,
 И стоитъ ужъ въ честь Франциска!
 Нечего сказать, пресклизка
 Почестей *стеся, времанъ!*
 Даже *пуръ ле монюманъ*
 Новые явились шефы,
 Измѣнились барельефы,
 И опять онъ *апропо*
 Всѣхъ преданностей *депо!*
 Не такая ли карьера
 И инаго Каммергера?
 Былъ *ройомъ*, тутъ сталъ *амтиръ*;

Онъ перемѣнилъ мундиръ,
 И по прежнему дежурить,
 Шаркаетъ и балагурить,
 По пословицѣ, не с'на:
 Кто ни попъ, тотъ и папа!

Вотъ тутъ *сиркусъ олимпикусъ!*

Ну, будь сказано не въ пику-съ
 Вамъ, честные господа,
 Де Миланъ не тѣ года,
 Да не тѣ уже и вѣки;
 Да и сами вы не Греки!
 Миновалась *сетъ эпокъ,*
 Гдѣ лавровый былъ вѣнокъ
 Общей цѣлью состязанья!
 И другаго воздаянья
 Не хотѣлъ, кто побѣдитъ,
 А ла курсъ перебѣжить,
 Иль въ нарядной колесницѣ
 Пролетитъ подобно птицѣ,
 Иль поборетъ *сонъ риваль,*
 Иль сразитъ *энъ анималь:*

Тигра, льва, пантеру, барса!
Даже и такого фарса,
Чтобы жизнь за то отдать, —
Никому и не сыграть!
И народъ теперь толпою,
Какъ волна въ слѣдъ за волною
Не нахлынетъ *данъ л'аренъ!*
Наберутъ, а пенъ, а пенъ,
Для торжественныхъ спектаклей,
Да и то не безъ *обстаклей*,
Сотни двѣ, иль три зѣвакъ,
И не въ тогахъ, *данъ ле фракъ;*
Хлопаютъ они въ ладоши,
Но уже гораздо плоше! —
И къ чему? — не *гладьятёръ*,
Не боецъ, — простой актеръ,
Иль фигляры, родъ Турньера
Представляютъ; а *пантера*
Безъ зубовъ и безъ когтей;
И боецъ бойца не смѣй
Поборотъ, ударить больно;
Одного *самбланъ* довольно;

Да теперь, гдѣ леопардъ,
 Тигръ и левъ, — тутъ коръ де гардъ;
 И будь звѣрь чуть-чуть нахальный,
 А л'енстанъ: мусье кварталный,
 Слѣдствіе, просе вербаль,
 Даже пуръ энъ анималь,
 Если задушилъ барана,
 Иль свинью; — тотчасъ буяна
 Въ клѣтку, на цѣпь, и прощай!
 А хозяинъ отвѣчай
 За него, въ случай протеста!
 Такъ ужъ сиркъ тутъ не у мѣста;
 Онъ красивъ, онъ элганъ,
 Ме се не к'энъ балаганъ!
 Тутъ я паръ ле рю пустилась,
 Любовалась и дивилась
 Колоссальной красотѣ
 Всѣхъ домовъ. Анъ верите
 Точно царскія палаты!
 Но какъ будто сномъ объаты
 Жители; се ме романъ

Де ла бель о буа дорманъ!
 Никого нѣтъ у окошекъ,
 У дверей, — ни даже кошекъ!...
 Правда данъ ле ре д'шосе,
 Магазиновъ есть ассе!
 Даже слишкомъ, я считаю,
 И никакъ не понимаю,
 Покупатели-то кто?
 Вояжеры, иль плуто,
 Другъ у друга аферисты?
 Но, однако жъ, есть модисты,
 И имъ нужны де шаланъ!
 Мнѣ все кажется: Миланъ,
 Родъ трагической актрисы;
 Безъ румянъ, изъ-за кулисы
 Смотрить; только ла куронъ,
 И нарядъ, и медальонъ,
 И ту мантию, что имѣла,
 Еще скинуть не успѣла!
 Или старая боте!
 Прежняя вся ваните!
 И всѣ прежніе наряды;

Но улыбка та, тѣ взгляды,
 И та свѣжесть, пышный цвѣтъ,
 (Принадлежность юныхъ лѣтъ)
 Всѣ изгладились, пропали,
 И любовники отстали!
 Но еще *парѣ абитюдѣ*,
 Прекокетный *атитюдѣ*; —
 И подъ часъ еще мечтаетъ,
 Что сердцамъ повелѣваетъ!
 Есть кофейные дома;
 Но Австрицъ не безъ ума,
 Чтобы только кофей пили:
 Тутъ гуляютъ *алмазины*;
 Э же *трузъ*, *ке се тре сажъ*!

Вотъ въѣзжаетъ экипажъ
 Подъ какую-то аркаду.
 Расположены тутъ сряду
Лезъ аршивъ, *ле трибюно*;
 Но мнѣ это все равно.
 Путь я дальше продолжаю,

И вотъ наконецъ въѣзжаю
 На главнѣйшій здѣшній *пласъдэнъ*
 Не могу свести я глазъ,
 Съ *катедрами* превосходной;
 Монументъ преблагородный!
 Что за пышность, *кель ришесъ*, —
 И поэзья и *ноблесъ*!
 Какъ изъ мрамора молитвы
 Всѣ шпили! — Во время битвы,
 Гдѣ Италия вся дралась,
Дюкъ Висконти Галеасъ
 Посулилъ ее построить,
 Чтобы совѣсть успокоить,
 Отягченную грѣхомъ.
 Онъ былъ *энъ тре мешантъ омъ*, —
 Интригантъ, хитрецъ ужасный,
 И роднѣ весьма опасный;
 Дядю, брата онъ убилъ, —
 Весь свой родъ перегубилъ;
 А *Миланъ* ставъ властелиномъ,
 Вздумалъ подвигомъ единымъ,

Икупить *ту се пеше*; *и покаян* и той Н
 Съ небомъ заключить *марше*; *и вид* и Н
 И постройкой катедральной,
 Отъ расправы, *дискать*, *дальной*, Н
 Данъ *л'анферъ ше сатанасъ*, *и вѣтъ* и С
 Отбояриться за разъ! *и покаян* и той Н
 Можетъ быть такъ и случилось! *и покаян* и той Н
 Онъ-се *на*; но полюбилось *и вѣтъ* и Н
 Это зданье мнѣ весьма! *и покаян* и той Н
 Какъ узорная тесьма, — *и покаян* и той Н
 Весь карнизъ его *изваянъ*; *и покаян* и той Н
 Позабудуть, что былъ *Кайнъ* *и покаян* и той Н
 Этотъ *дюкъ*; — *постерите* *и покаян* и той Н
 Будеть все жъ его *ванте* *и покаян* и той Н
 За прелестное строенье. *и покаян* и той Н
 Въ синемъ небѣ отраженье *и покаян* и той Н
 Этихъ мраморныхъ шпилей *и покаян* и той Н
 Мысль раждаетъ: — *тѣхъ аллей*, *и покаян* и той Н
 Что въ садахъ *Семирамиды*! *и покаян* и той Н
 Разные узоры, виды, *и покаян* и той Н
 Де се *флешъ*; — *пу л'онъ дуре*: *и покаян* и той Н
 Это рядъ богатырей, *и покаян* и той Н

Или греческихъ героевъ!
 Въ родѣ мраморныхъ обоевъ
 На стѣнахъ, де ту ле сенъ
 Ле статю, э ле десенъ!
 Мнѣ никакъ не утерпѣлось
 Внутрь увидѣть захотѣлось
 Я вошла пуръ энъ моманъ,
 Ну, ей Богу! се шарманъ!
 Пышно, мрачно, величаво!
 Какъ войдешь, сейчасъ направо
 Преузорная купѣль!
 Во всѣхъ нишахъ де шапель,
 Все оживами аркады,
 Арабески, колоннады,
 Вре готикъ, де бо витро.
 Живописны, даже тро,
 Потому, что слишкомъ темно
 Данъ л'эглизъ; но такъ огромно,
 И такой аспе северъ,
 Что тебя а ла пріеръ
 Не хотя располагаетъ,
 И душа воспоминаетъ

Мрачную святую даль,
 Гдѣ ни скорби, ни печаль,
 Ни болѣзнь, ни воздыханья;
 Но гдѣ жизнь безъ окончастья,
 Послѣ бурей жизни сей,
 Ожидаетъ всѣхъ людей.
 И помыслишь объ отвѣтѣ
 Не хотя; на блѣдомъ свѣтѣ,
 Страсти ослѣпляютъ насъ;
 Но ихъ нѣтъ, въ тотъ грозный часъ,
 Гдѣ предстанешь предъ Судьею
 Съ обнаженной душою!

Ме лесонъ лезъ иде иуаръ!
 Остается мнѣ а вуаръ
 Здѣшней кирки монументы,
 Всѣ статуи, орнаменты;
 Вотъ тутъ Сентъ Бартелеми!
 Ну, ужъ этотъ тре маль ми:
 Даже кожу съ него сняли,
 Облупили, ободрали,

Потому, что Богомъ силъ
 Многобожникамъ грозилъ!
 Фанатизмъ его измучилъ.
 А онъ кожу нахлобучилъ
 На себя, какъ *пелеринъ*;
 И опять, что Богъ единъ,
 Сталъ повѣствовать народу!
 Отпустили на свободу;
 Но уже *тутъ экорше!*
 Что за гадость, *кель пеше!*

Но вотъ здѣсь, за *метръ отелемъ*,
 Что-то схоже съ подземельемъ;
 Всѣ лампы *алюме!*
 Се Сантъ Карло Бароме!
 Благодѣтель былъ Милана!
 Онъ былъ въ родѣ талисмана.
 Здѣсь во времена чумы,
 Всѣ встревожились умы,
 Злоба, страхъ, оцѣпенѣнье,
 Шумъ, народное волненье;

Какъ чудовище, недугъ отъ, чмотоП
 Устремляется, и вдругъ ннжодотонИ
 Гибнетъ всё, краса и младость, твнвФ
 Мужество, веселье, радость, я ано А
 Все туманомъ облекло; тияя, вдоэ вИ
 Все на землю полегло, отр, атапо И
 Какъ пшеница послѣ бури; чон глѣтО
 Помертвѣло все въ натурѣ; ннтсуптО
 Самый воздухъ, какъ свинецъ жукъ оИ
 Тяготить; супругъ, отецъ, дѣт вѣ отИ
 Мать, семьи своей дичится;
 Всякій за себя боится,
 Леденѣтъ въ жилахъ кровь, тоя оИ
 Милосердіе, любовь, — эжохз от-отИ
 Ужаснувшись, отлетѣла, рдвнмв. зсИ
 Точно какъ душа изъ тѣла; нннвО эО
 Дружба, фрейндшафтъ, л'амитъе, твнвИ
 Точно будто бы въ мытьѣ глѣд лнО
 Полинявшая матерья, нѣмѣдн оя азъЭ
 Какъ на шляпкахъ нашихъ, перья вѣИ
 Марабу, панданъ и'оражъ; вѣтэ, вдоэЭ
 Самобытность, ле куражъ, двн, амИШ

Опустились и повисли;
Ни одной высокой мысли,
Ни порыва не блеснетъ!
Вотъ тутъ къ алтарю ведетъ
Дѣву юноша влюбленный,
Совершить обрядъ священный,
Цѣль, награду жизни всей;
Но взглянулъ, и что же? въ ней
Видитъ признаки недуга,
И бѣжить, оставя друга,
Чтобы жизнь свою спасти!
Тутъ, съ груднымъ ребенкомъ мать;
Тутъ два старца умираютъ;
А тутъ грабятъ, обдираютъ
Стражи пьяные больныхъ;
Омерзѣнье, робость въ нихъ
Умолкаютъ для стяжанья;
Но средь воплей и стenanья,
Вдругъ одинъ, спокоенъ, тихъ,
Какъ святой Архистратигъ,
Ангелъ жизни, исцѣленья,
Въ полномъ блескѣ облаченья

Архипастыря идетъ
 Баромей, въ рукахъ несетъ
 Для больныхъ дары святыя;
 Его взоры неземныя
 Небо видятъ между тучъ;
 Вѣры свѣтлый, дивный лучъ
 Въ нихъ безоблачно сіяетъ,
 И надежду поселяетъ
 Въ души страждущихъ, и вдругъ
 Удаляется недугъ.
 Все воскресло, оживилось!
 Вотъ какъ чудо совершилось!
 Вотъ какъ имъ спасенъ Миланъ!
 Презатѣйливый романъ
 Написалъ про то Манзони.
Le custode, Чичероне,
 Показалъ мнѣ тутъ а ку,
 Богатѣйшую раку;
 Я дала ему на водку,
 И просилась за рѣшетку;
 Но онъ пропустить не могъ:
 Заперта, и на замокъ!

Тутъ я наняла мальчишку,
И полѣзла съ нимъ на крышку.
Я читала, даю ле гудъ,
Что тутъ безподобный видъ.
Точно видъ весьма пространный;
Но сблизилъ эффектъ престранный
Этихъ всѣхъ шпилей анъ пьеръ!
Точно будто симетьеръ
Между небомъ и землею!
А внизу передо мною
Городъ, комъ сюръ ла ладонь;
Только шумъ его и вонь
Не доходятъ такъ высоко;
А его объемлетъ око,
Какъ картину, въ одинъ разъ;
И здѣсь изумляетъ глазъ
До Павии понорама!
Но престранная я дама:
Я забыла, постильонъ
Ждетъ внизу, и Харитонъ
И Анета чай дивятся,

Гдѣ дѣвалась я, — бояться; я тут
 Деми постъ я заплачу
 Постильону; по плечу
 Потреплю я Харитона;
 Дамъ Анетѣ два бонъ бона,
 И все будетъ хорошо.
 Но устала я; же шо,
 И ла фенъ тревожитъ нервы;
 Но здѣсь сюръ ле курсъ дей серви
 Есть трактиръ, де тре бонъ стиль —
 И зовутъ его ла Виль.
 Вотъ въ трактиръ я дотавилась;
 Только что расположилась
 Руки вымыть, чепчикъ снять,
 Распустить корсетъ, — какъ глядь,
 Самъ хозяинъ мнѣ приноситъ
 Кушанье, и тотчасъ проситъ
 Мой паспортъ пуръ ля полисъ.
 Тьфу ты пропасть, провались!
 Да я развѣ карбонарка,
 Или бѣглая кухарка,
 Что меня такъ стерегутъ?

Все равно, *дасъ истъ зеръ гутъ:*
Карауль, — такъ будетъ тише!
Вотъ читаю я въ афишѣ,
Нынѣче Норма и балетъ,
Поскорѣе, взявъ билетъ,
Съ лонъ-лакеемъ поскакала
Я къ театру *де ла Скала*,
И спасибо, что *си витъ*
Я отправилась: гудитъ
Ужъ оркестръ, что въ немъ есть мочи;
Вотъ я выпялила очи,
И гляжу: приходитъ жрецъ
Съ цѣлымъ причтомъ; молодецъ!
Затянулъ онъ панихиду!
Я не подавала виду,
Что разтрогана, сижу,
И украдкою гляжу,
Что-то будетъ? Вотъ двѣ жрицы,
А за ними все дѣвицы
Въ бѣлыхъ саванахъ идутъ
Парочками, и поютъ,

Кажется мнѣ, *Каста дива*.
 Но что вижу я? — вотъ диво!
 Иль мерещится такъ мнѣ?
 Эту Норму, я во снѣ
 Или на яву видала;
 Гдѣ-то съ нею я бывала;
 Но зовутъ ее, какъ бишь?
 Посмотрѣть бы данъ л'афишъ,
 Вѣрно въ ней ее назвали:
 Шоберлехнеръ!.... ужъ не та ли
 Шоберлехнеръ, дайте срокъ,
 Что была мамзель Даллокъ!
 Лѣтъ двѣнадцати не больше,
 Въ Питерѣ у насъ, и въ Польшѣ
 Отличалась сколько разъ!
 Дядя, сюръ ля контрабасъ
 Все разыгривалъ дуэты,
 И навязывалъ билеты!
 Точно, помню, и сама
 Въ ложу точно безъ ума
 Она смотреть; вотъ спустилась
 Занавѣсъ; она явилась,

Въ платѣ Нормы, данъ ма ложъ;
Мы раскланялись, и что жъ?
Тутъ другъ друга мы узнали,
Съ нею цѣловаться стали!
Но вотъ начался балетъ!
А какой его сюжетъ,
Правду молвить, я не знаю;
Только вижу, примѣчаю,
Что какой-то тутъ король
Далъ другому са пароль,
Что на дочкѣ сына женить,
И никакъ ужъ не измѣнить
Слову царскому; и вотъ
Аплодируетъ народъ!
Только сынъ влюбленъ въ другую;
Я невѣсту-де бракую,
Не женюсь на ней, — и вотъ
Удивляется народъ!
Какъ, бракуешь?.... Для сосѣдства
Ты женись, не то наслѣдства
Я лишу тебя; — и вотъ,

Огорчается народъ!
Что жъ? не нужно мнѣ короны,
Мнѣ народные поклонны
Ни по чемъ, сударь! и вотъ,
Обижается народъ!
Но невѣста вдругъ явилась,
Заплясала, закружилась,
Вкругъ себя ведетъ ногой,
И согнулась дугой,
И три раза повернулась,
И умильно улыбнулась.....
Восхитился молодой
Королевичъ, и стрѣлой
Къ милой дѣвушкѣ стремится,
Пляшетъ, вертится, кружится,
То прыжокъ, то антраша;
Какъ она-де хороша!
Болѣе всего ногами,
Точно будто бы щипцами,
Что-то съ пола достаетъ;
Руку на сердце кладетъ
И протягиваетъ ногу,

Изъявить души тревогу;
Вдругъ ребенчекъ — любовь,
Вмѣстѣ сводить ихъ, и вновь
Па де дѣ и полетѣли,
И другъ друга завертѣли,
И ногой переплелись!
Иль э танъ ке са финисъ,
Онъ приличіе забудетъ!
Ну довольно; будетъ, будетъ!
Свадьба рѣшена! и вотъ,
Восхищается народъ,
Славить торжество невѣсты!
И на всё свои есть жесты,
И для всѣхъ ужъ жестъ одинъ;
Точно будто рядъ машинъ!
Размахнуть руками вправо,
Это значить: славно! браво!
Руки влѣво, вздернувъ носъ,
Это значить: вотъ вопросъ!
Рукъ обѣихъ опущенье,
Это значить: огорченье!
Топъ ногой и вверхъ кулакъ,

Это ужъ обиды знакъ!

А кружатся, и танцуютъ,

Это значить: торжествуютъ!

Ноги подняты анъ л'еръ,

Это значить: ахъ ке феръ!

Ежели л'амуръ захочетъ,

Ужъ кого не обморочить!

Ноги вправо: же вуз эмъ!

Ноги влѣво: фетъ де мемъ!

Но довольно, я устала,

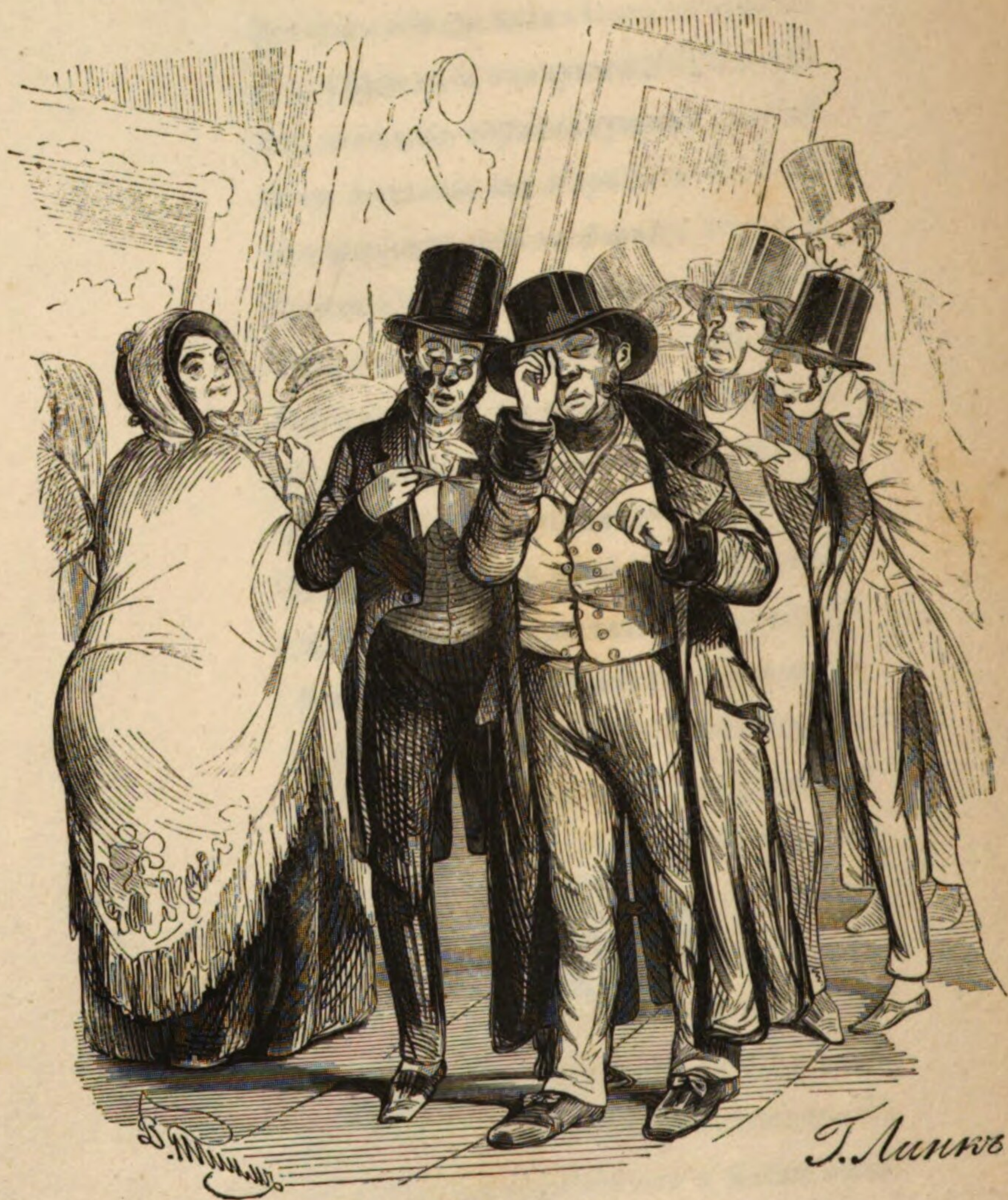
И не нужно мнѣ финала;

Дома ужинъ бы застать;

Я поѣмъ, и лягу спать!

IV.

МИЛАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Проспала я какъ колода!
Вмѣсто чая; (какъ здѣсь мода)
Выпила я шеколадъ,
И пошла су лезъ аркадъ
Посмотрѣть: на магазины,
На фарфоры, на картины,

Э сюръ ле литографи,
Эти кеск ель синифи,
Ядра, колесо и гадкій,
Весь согнутый надъ лопаткой,
Въ рубищахъ, солдатъ старикъ!
И написано тутъ: сикъ....
Я ужъ дальше не читала;
Догадалась изъ начала,
Вѣрно вздоръ; тутъ де фромажъ
Пребольшущій эталажъ;
Тутъ очки, люнеты, чашки,
Тутъ игрушки, тутъ фуражки,
Точно нашъ Гостиный дворъ!
Но не слышенъ этотъ хоръ
Неотвязный, какъ жужжанье
Пчелъ, шмелей или писчанье
Комара, въ тиши ночей,
Сонъ когда бѣжить очей;
Только къ намъ въ ряды явился
Ужъ откуда ни возьмися
Баринъ, барыня, для васъ
«Что угодно есть у насъ:

«Брюки, шляпы, панталоны,
«Сукна, ситцы, балахоны,
«Ленты, сахаръ, кофе, чай!» —
Ты иди, не отвѣчай,
Все равно, ужъ не отстанутъ,
Пока въ лавку не затянутъ;
Но что это за коммерсъ?
А томбе, а ла ранверсъ,
Комъ онъ ди, всему же мѣра!
Въ академью де ла Брера
Отправляюсь: говорятъ,
Что въ ней собраны подъ рядъ
Всѣ шедёвры..... И на зданье
Стоитъ обратить вниманье,
Пышное, широкій дворъ,
Всё вокругъ де корридоръ,
Перистиль; ну все въ порядкѣ;
А на лѣстничной площадкѣ,
Беккарія ла статю.
Съ цѣлью истинной вертю,

Весь вдался онъ въ преступленья,
И въ начала, и влеченья
Человѣческихъ натуръ;
А за тѣмъ онъ, а лѣтъ туръ,
Разобралъ и наказанья;
Доказалъ, что истязанья
Безполезны въ пюнисьонъ;
Положилъ онъ градасьонъ
Сообразныя пороку;
Всякое онъ лыко въ строку
Не велѣлъ постановлять,
Чтобъ возможность оставлять,
Иногда для исправленья,
Словомъ молвить, — взоромъ генья,
Онъ проникъ данъ се хаосъ;
Весь ли разрѣшилъ вопросъ?
Всё ль удобоисполнимо!
Это мы, покамѣсть, мимо!
Ме боку д'юманите,
И какой *сагасите*
Въ каждой мысли, въ каждой фразѣ.

Я какъ Русская, въ Наказѣ
Искру, брошенную имъ,
Вспомнила, и вмѣстѣ съ симъ
Вспомнила Екатерину!
Всю великую картину,
Славныхъ подвиговъ ея
Обняла душа моя!
Искры генья раздувая
И роскошно разсѣвая
Просвѣщенья сѣмена,
Знаменитая жена,
Разбирать мечты умѣла
Философы, и для дѣла
То изъ нихъ рѣшилась взять,
Что могла согласовать
Съ духомъ вѣры, православья
Нравовъ, и самодержавья!
И не общій *волюнте*
Быль *принципъ*, а *шарите*,
Вѣковѣчное начало,
Основанье составляло
Всѣхъ ея трудовъ для насъ!

*

Но рефлексьямъ я вдалась,
 А пора мнѣ въ галерею
 Отдаю я лонъ-лакею
 Парашлюй, и вотъ вхожу:
 Что жъ д'аборъ я нахожу?
 Тутъ жандармы и полиция
 Говорятъ мнѣ: экспозиция
 Выставка здѣсь де бозъ аръ
 А по-Русски, такъ базаръ
 Живописной разной дряни
 О синьори Итальяни!
 Видно и для васъ прошелъ
 Этотъ вѣкъ безсмертныхъ школъ
 Рафаэля, Гвидо Рени!
 Не найдешь теперь и тѣни
 Ихъ талантовъ позитифъ
 И для васъ императифъ!
 Надобно, чтобъ покупали
 Ужъ за то писать вы стали
 Поскорѣй и кой-команъ!
 Съ рукъ сошло бы сѣлеманъ!
 Болѣе всего портреты,

Или на заказъ сюжеты;
И ужъ Боже сохрани,
Чтобъ мелькнулъ въ нихъ *де жени!*
Не поймутъ и забракують,
Да еще раскритикуютъ.
Здѣсь портретовъ цѣлый фронтъ:
Съ книгой, съ розой, *митъ эйнъ гунтъ*,
Съ крестикомъ, и что за хари!
И къ чему всѣ эти твари,
Написали свой портретъ?
Никому въ нихъ нужды нѣтъ!
А все хочется въ потомство!
Чтобы съ нимъ свести знакомство,
Цѣлый вѣкъ иной кряхтитъ!
Тотъ Европу возмутить,
Тотъ ночей не досыпаетъ,
А иной стихи кропаетъ;
А какъ взять, такъ суета,
Сновидѣніе, мечта!
Но досадно вояжеру!
Все *шедѣвры*, въ эту пору,
Для потребности такой.

Позавѣшаны тафтой.
 Вотъ уже седьмая зала,
 Ничего я не видала,
 Кромѣ этихъ *багатель!*

Наконецъ вотъ Рафаэль!
 Превосходное творенье;
 И Маріи обрученье
 Съ Іосифомъ! Его сюжетъ:
 Какъ пророкъ, и какъ поэтъ,
 Рафаэль, имъ вдохновенный,
 Выразилъ обрядъ священный
 Такъ таинственно, что съ нимъ
 Мы, одушеваясь, летимъ
 За предѣлъ земныхъ понятій,
 Вырываясь изъ объятій
 Свѣтской нѣги, суеты,
 На крылахъ святой мечты —
 Въ тѣ превыспреннія сферы
 Мы уносимся, гдѣ вѣры
 Намъ сіяетъ дивный свѣтъ,
 И гдѣ праведнаго ждетъ

Беззакатная денница!
Какъ всѣ выражены лица!
Съ сокрушеніемъ какимъ
Анна тутъ и Іоакимъ
Дочь на бракъ благословляютъ!
Съ нѣжностью какой ввѣряютъ
Іосифу ее, какъ кладъ!
Іосифъ какъ спокоенъ, радъ!
Какъ Марія благодатна!
Какъ вся святость ей понятна
Обрученья, и она
Какъ послушна, какъ скромна!
Волоса — струи златыя
По плечамъ; а неземные
Взоры, долу опустясь,
Безотвѣтно покорясь
Гласу Высшаго велѣнья,
Ожидаютъ исполненья
Всѣхъ пророченныхъ чудесъ:
Сочетанія небесъ
Съ прегрѣшившею землею!
Такъ, искусною рукою,

Живописцы старины,
 Вдохновеніемъ полны,
 Или мысль передавали,
 Иль молитву изливали!
 Вотъ что живопись была!
 Нынче са не плю села.

Тутъ еще одна картина
 Знаменитаго Гверчина:
 Авраамъ *авекъ* Агарь;
 Повинуясь *а вельаръ*,
 Прочь Агару отсылаетъ,
 И на путь благословляетъ;
 Но ему ужасно жаль!
 Такъ невольная печаль
 Сердце всякій разъ туманить,
 Какъ оно проситься станетъ
 Въ безпредѣльность, въ высоту;
 Здѣшней жизни суету
 Знать жалѣетъ, и стѣсняется,
 Въ небеса когда стремится! —
 Авраамъ намъ путь открылъ

Къ откровенью: — отпустилъ
Онъ Агарь, любовь земную,
И взялъ Сарру, ту святую
Небожителей любовь,
Безпредѣльную; и вновь
Тутъ встрѣчается идея,
Псалмопѣнье, эпопея!
Но какъ хороша Агарь!
Выражаетъ *сонъ регаръ*
Столько истинной печали,
Столько грусти, что едва ли
Я бъ разсталась съ ней; слеза
Навернулась на глаза,
И жемчужиной скатилась
На щеку; не удивилась
Я, когда мнѣ рассказалъ
Кто-то, что ее считалъ
Фавориткою своею
Бонапартъ; — и только ею
Во всю жизнь былъ восхищенъ
Знаменитый лордъ Бейронъ!
Точно, схоже съ ихъ натурой,

Любоваться той фигурой,
Пламенной любви земной,
Что завидуетъ съ слезой
Выспренной любви небесной,
И ихъ генію извѣстной
Цѣли ихъ высокихъ думъ, —
Но къ которой гордый умъ
Имъ постановлялъ преграду,
Точно обреченный аду
Духъ отпадшій, ангелъ тьмы!

Вотъ теперь доходимъ мы
До Албаньевой картины,
Похищенья Прозерпины.
Эта ужъ *д'енъ отре стиль*:
Тутъ эклога, тутъ *идиль*,
Праздникъ, торжество природы.
Вокругъ дерева амуры
Составляютъ хороводъ! —
Какъ лазуренъ неба сводъ,
Какъ все дышетъ тутъ весною,
Нѣгой, рѣзвостью, игрою!

Тутъ любви, веселья пиръ;
Даже кажется зефиръ
Межъ листьями будто дышетъ,
Ихъ едва, едва колышетъ;
Какъ амуры хороши!
Ну, другой такъ напиши
Ктонибудь и въ наши годы!

Но миѣ не даютъ свободы
Любоваться *а монъ эзъ*;
Увлекла меня *ля пресъ*
Въ этотъ залъ, гдѣ Тинтореты,
Веронезы;... а сюжеты:
Больше Соломоновъ судъ!
Удивительно, какъ тутъ
Рѣжутъ бѣднаго ребенка,
Точно будто поросенка,
На двѣ части, чтобъ узнать,
Настоящая кто мать!
Это критика процессовъ;
При разборѣ интересовъ
Такъ обрѣжутъ здѣсь и тамъ,

Что иной готовъ бы самъ
 Отъ имѣнья отказаться, —
 Чтобы только не тягаться!
 Чтобъ тутъ Соломонъ узналъ?
 Или здѣсь, его *риваль*
 Межевая экспедиця?
 Только что страшна юстиця!

Но вотъ здѣсь уже и дверь,
 А не рано, чай, теперь;
 Же *вудре* еще бы нынче
 Видѣть Леонарда Винчи:
 Ла *сентъ сенъ*, — извѣстный *фрескъ*,
 Хочется узнать мнѣ *кескъ*,
 Много я о ней слыхала,
 Даже что-то и читала;
 Ме *пуръ вуаръ ле Леонардъ*,
 Мнѣ въ Гусарскій *кордегардъ*
 Иль казарму, нужно лично
 Показать. Неприлично,
 И не кстати межъ гусаръ
 Дамъ быть; — ме *пуръ лез'аръ*,

Я на *эндесанс* рѣшилась,
 И, перекрестясь, пустилась.
 Что-то будетъ? но смѣшно,
 Даже я скажу, грѣшно,
 Что повѣрили солдатамъ,
 Сорванцамъ и Эростратамъ
 Этакой святой *табло!*
 И какъ въ голову пришло?
 Ихъ, кажись, довольно знаютъ;
 Иногда употребляютъ
 Прескоромныя слова;
 Имъ вѣдь это тринь трава!
 Тутъ должны бы были монахи;
 А то на шестахъ рубахи,
 Шаровары, кель скандалъ!
 Ну что дѣлать, с'етъ эгаль!
 Вотъ тутъ лѣсенка и двери;
 Какъ сказали — *форестьеры*;
 Дверь намъ тотчасъ отперта;
 Я, не разѣвая рта,
 И не начиная рѣчи,
 Только подымаю плечи

Отъ восторга; предо мной
 Точно Вечери Святой
 Чудное изображенье;
 И какое выраженье
 Тутъ Спасителю дано!
 Какъ божественно оно!
 Какъ сіяетъ всепознанье,
 Милосердье, состраданье!
 Въ мірѣ Богочеловѣкъ,
 Жертвою Себя обрекъ,
 Чтобы міръ спасти Собою!
 «Пасху нынѣ вы со мною
 «Вкусите въ послѣдній разъ,»
 Говоритъ Онъ: «среди васъ
 «Есть предатель.» — Удивленье,
 Скорбь, забота, оскорбленье
 На лицѣ учениковъ!
 Леонарда смыслъ таковъ
 Вѣрно былъ: контрастъ представить,
 И Спасителю оставить
 Одному спокойный видъ,
 Между тѣмъ какъ всѣхъ мутить,

Это страшное открытѣе;
Но великое событѣе
Вечери Святой не то!
И напрасно имъ взято,
Временное уличенѣе;
Нѣтъ, — Святое всесоженѣе,
Жертва вѣчная, завѣтъ,
Вотъ что должно быть сюжетъ,
Хлѣбъ когда благословляетъ
Нашъ Господь, и возглашаетъ:
Вотъ моя и плоть и кровь!
Но тогда бѣ одна любовь
Выражалась, и контраста
Не могло бы быть. Но баста,
Что ужъ толковать! но мнѣ
Жаль картины: на стѣнѣ
Писана она, и видно,
Что съ ней часто преобидно
Поступали; прежде дверь
Проломали, а теперь
Холодъ, жаръ ее коробятъ,
Пыль садится, не пособятъ.

Удивляюсь, *се домажъ!*

А чудеснѣйшій *увражъ!*

Но пора мнѣ въ Амброзьяну;

Смерть боюсь, что не застану,

Опоздаю, а *дезъ еръ* :

Говорятъ, *консерватеръ*

Всякій день за столъ садится.

Въ это время пусть стучится

Ле кюръе ; какъ ни стучи,

Принесутъ пока ключи,

Дожидайся на площадкѣ ;

И по мнѣ, оно въ порядкѣ.

Хорошо бы и у насъ,

Если бъ былъ всему свой часъ ;

Но у насъ оно не въ модѣ!

Я поспѣла: *ле кустоде*

Только что собирался вонъ,

Какъ я постучалась ; онъ ;

Позднимъ оскорбься визитомъ,

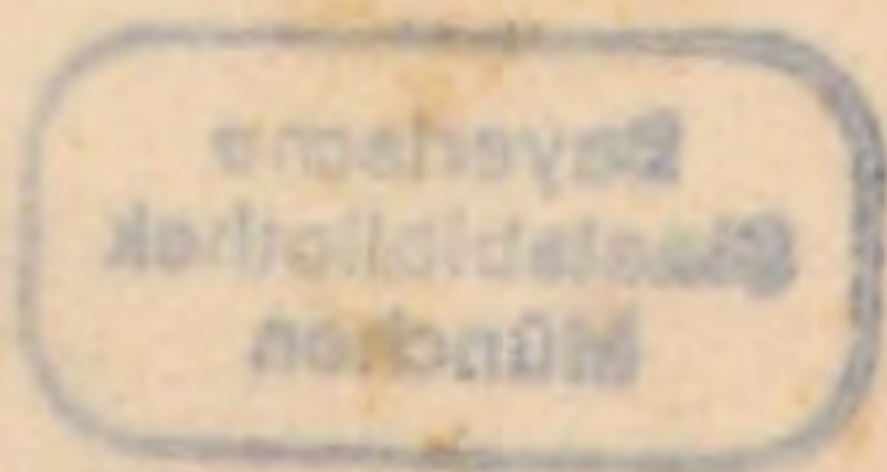
Принялъ съ видомъ пресердитымъ ;

Книги, рѣдкости, *табло*

Показалъ мнѣ *о гало*;
 Я все видѣла, но только
 Не понравилась ни сколько
 Мнѣ коллекція *де фрескъ*,
 И картонъ *тре жигантескъ*,
 Школы мудрецовъ — *Аѳины*!
 Говорятъ — проектъ картины;
 Хоть рисунокъ и хорошъ,
 Правилень весьма; но что жъ?
 Нѣтъ эффекта никакого;
 Драгоценность онъ, ни слова
 Рафаэлевой руки;
 Но однако жъ пустяки
 Все разсматривать подробно!
 Жалости, по мнѣ, подобно,
 Видѣть бѣдныхъ Англичанъ
 Въ галлерейхъ; *поверъ жанъ*
 Не пропустятъ даже фигу,
 Вѣчно повѣряютъ книгу
 Рейнгарта и мадамъ Старкъ;
 Въ чемъ же состоитъ *ремаркъ*?
 Сами иногда не знаютъ,

Но въ обязанность вмѣняютъ, всеяно II
 Какъ укажетъ что слуга, да для эя R
 Закричавъ: то, то, га, га, да впоп э II
 И сыскавъ данъ деръ либрето, ой II
 Жанбеллини, Тинторето, а потрѣя II
 Молвить си, лукъ гирь, цѣль изъ, ой III
 Хоть пожалуй и случись, — а твояго T
 Что перемѣнили нумеры, онъ изъ, а то X
 Все равно, хоть тутъ бы умеръ, II
 Не увѣрить ихъ кустодѣ, твояго эффе II
 Что табло уже не тотъ!

Тутъ, межъ рѣдкостей Египта, все
 Три, четыре манускрипта, и то эя
 Писанные не при мнѣ,
 Да исторія д'Ене,
 Энеида, и ремарка
 Собственной руки Петрарка;
 Тутъ Овидіусъ Назонъ,
 Но все подъ стекломъ, — резонъ,
 Чтобы не было интриги;

Двѣ молитвенныя книги
На Славянскомъ языкѣ.

Но *кустоде* въ колпакѣ
Сдѣлался ужасно скученъ;
Вѣрно голодомъ замученъ;
Ужъ не дать же умереть, —

Поскорѣ доглядѣть
И уйти; — но вотъ распятыя
Гвидо Рени: — все понятъ
О Спасителѣ Христѣ
Отразилось на холстѣ!
Долъ, весь сумракомъ объятый!
Тотъ великій часъ девятый,
Гдѣ, распнувъ земную плоть,
Смерть за насъ пріялъ Господь;
Всѣ извѣдавъ посрамленья,
Оплеванье и біенья,
Оцетъ съ желчью Онъ вкусилъ,
И торжественно почилъ!

Всѣ страданья прекратились

А уста еще молились,
Духъ когда Онъ издаде!
Злу простилъ Онъ и враждѣ!
Онъ проститъ и прегрѣшенью!
Къ сокрушенному моленью
Милостивъ, доступенъ Онъ!

Дай мнѣ вѣдать Твой законъ;
Украти земныя страсти;
Жизни бури, и напасти
Дай мнѣ съ вѣрой перейти;
Умъ и сердце просвѣти
И очисти помышленья;
Цѣломудрія, терпѣнья,
И любви даруй мнѣ духъ;
Исцѣли души недугъ;
И завѣтъ, Твоею кровью
Намъ оставленный, съ любовью
Дай и съ вѣрой мнѣ вкусить;
Дай мнѣ здѣсь въ смиреньи жить;
Путь мой на землѣ устрою,
Дай достигнуть и покою,

Что Ты уготовилъ намъ ;
Не судя насъ по грѣхамъ
Плоти , нами здѣсь носимой ;
Но любви неизмѣримой ,
Благости Твоей воньмя ,
Господи , помилуй мя !...

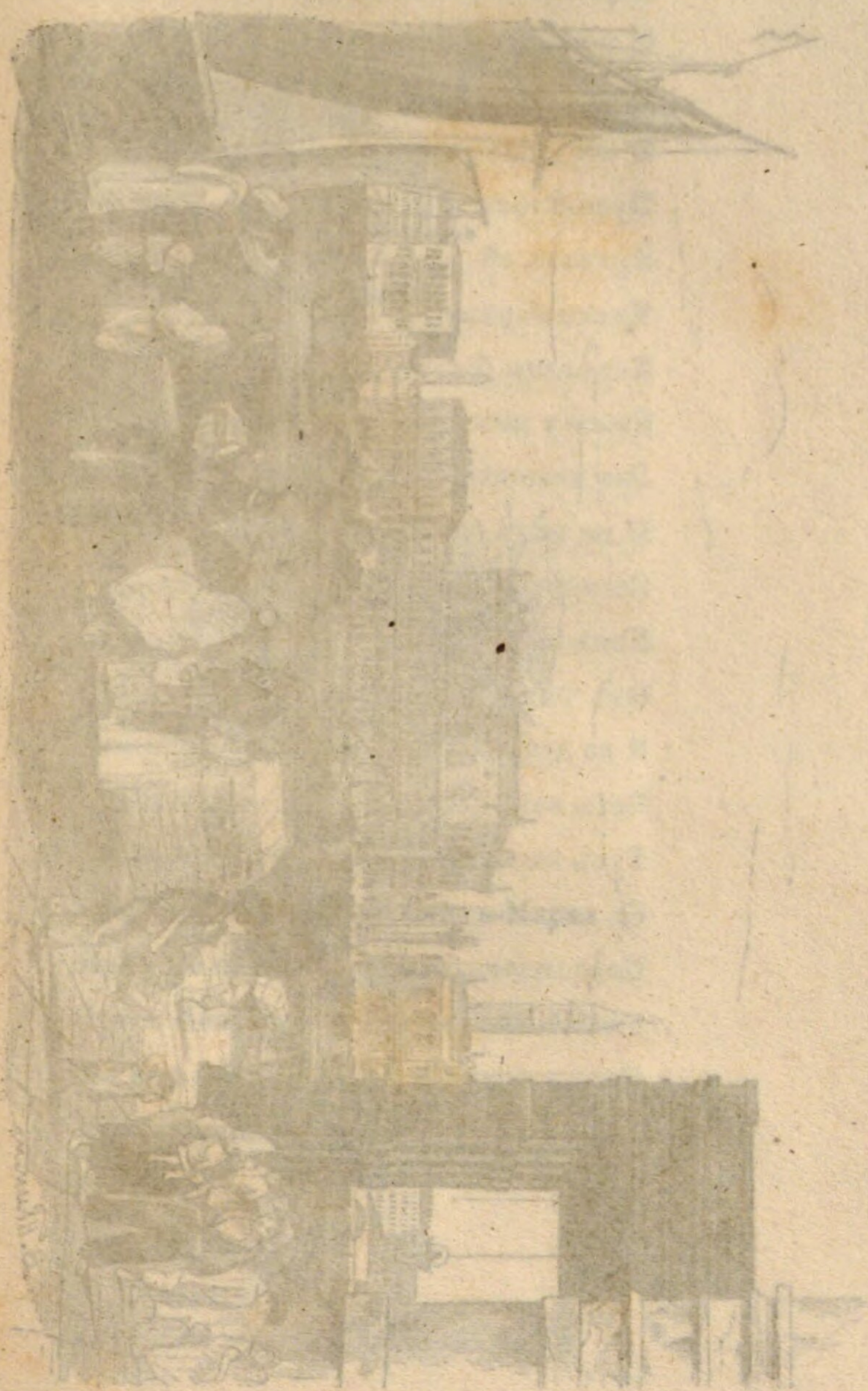
Рѣшѣнъ отъ Твоего

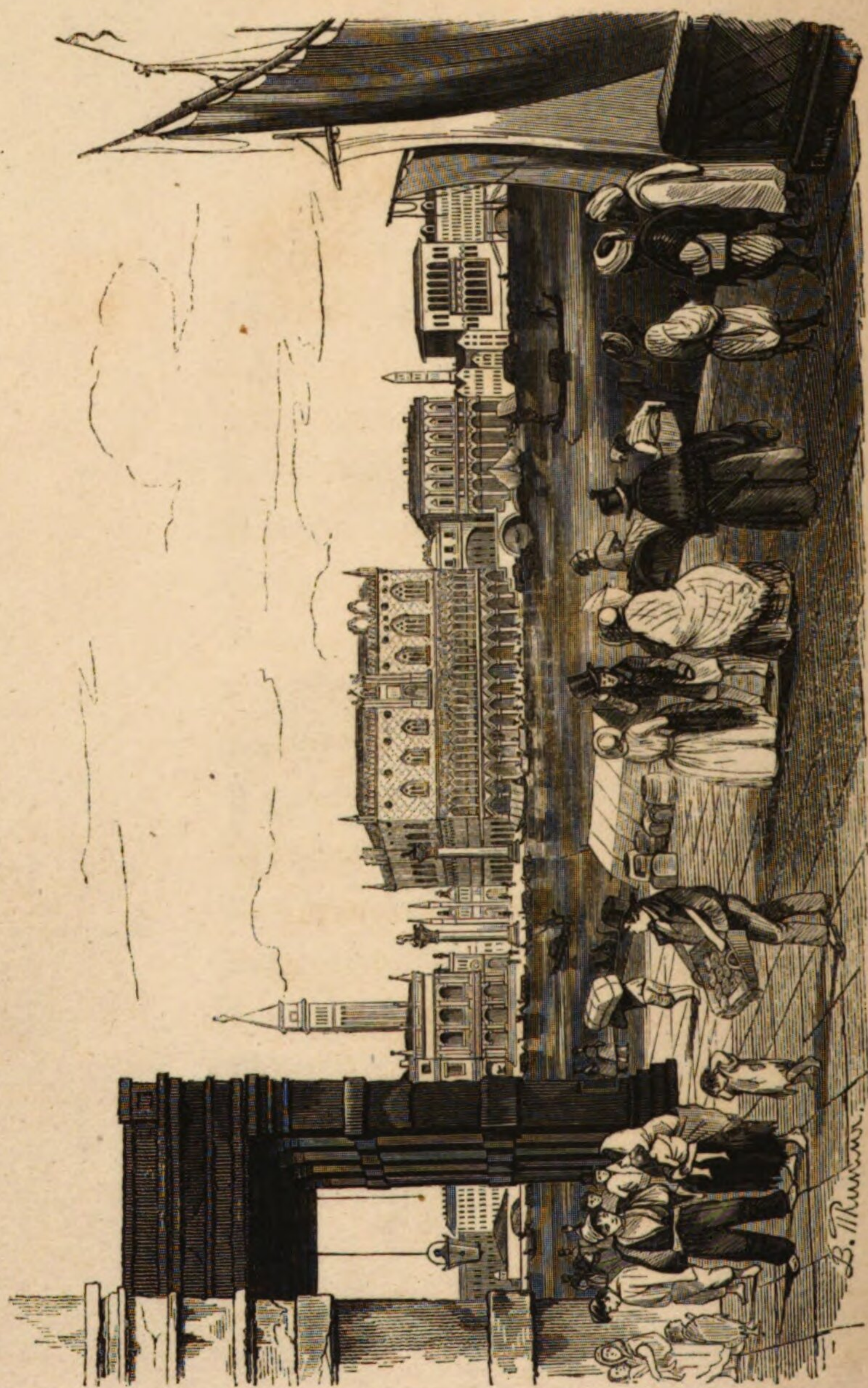
Духа еще живъ въ немъ въ духъ
Духъ же; и ономъ аще нѣтъ, и то
Въ простотѣ, и ономъ аще нѣтъ, и то
Въ простотѣ, и ономъ аще нѣтъ, и то
Въ простотѣ, и ономъ аще нѣтъ, и то
Въ простотѣ, и ономъ аще нѣтъ, и то

Дай мѣ видѣть Твое законъ
Урока и Твоего закона
Жизни буре
Дай мѣ съ зрѣной перейти
Умъ и сердце просвѣтитъ
И оисти помышленъ
Цѣломудрѣ, терпѣнѣ
И любви даръ мѣ духъ
Испѣвъ думъ и слугъ
И павѣтъ, Твоею кровлю
Нашъ оставленъ, съ любовью
Дай и съ зрѣной мѣ зрѣнъ
Дай мѣ зрѣнъ съ зрѣнъ
Путь мой на земли устрою
Дай достигнута и родъ

ВЕНЕЦІЯ.

BEHEIIR.

Виды и формы ; а также их значение и применение

Предательство, видя, что единично Н

И военные учения

Ихъту и , ватсуини И

ВЪВЕДЕНІЕ

Pravila ei Constat de Duce.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Королевичи были дожины, —

Ръка ѿ нѣхъ те гасимовъ

Этот плакат, посвященный

В августе 1941 года в Н

Съ мѣсяцъ въ годъ

More than 100 years ago

182

Вот как разсуждают : а-во б-во

Д

Для меня готова барка, вышю я ту

Отправляюсь... Льву Сантъ-Марка 49

Надо же отдать поклонъ. ЭВЕНДЖЕН

ЭТОТЪ ЛЕВЪ, ОЕ СА КОЛОНЪ, СНА ДМОСЪ

На весь міръ металъ перуны; шжүдйО

Покрывались лагуны, тихо-тяжелой

Д

Для меня готова барка, вышю я ту

Отправляюсь... Льву Сантъ-Марка 49

Надо же отдать поклонъ. ЭВЕНДЖЕН

ЭТОТЪ ЛЕВЪ, ОЕ СА КОЛОНЪ, СНА ДМОСЪ

На весь міръ металъ перуны; шжүдйО

Покрывались лагуны, тихо-тяжелой

Кораблями разныхъ странъ;
И коммерція анъ гранъ,
И военные успѣхи,
И искусства, и утѣхи
Процвѣтали а Венизъ.
Правилъ ей Консель де Дисъ,
Книги бархатной вельможи;
Королями были дожи,
Былъ у нихъ ле бусанторъ,
Энъ плашкотецъ, весь анъ оръ;
И на воду опускался
Съ моремъ дожъ когда вѣнчался;
Какъ подумаешь, геласъ!
Отъ чего не родилась
Я во время этихъ свадебъ;
Вотъ какъ разсуждаю: я-де бѣ
Тутъ вошла въ ривалите
Съ моремъ, — э де монъ котелъ
Нарядилась бы Сиреной;
Газомъ анъ аржанъ, какъ пѣной,
Окружилась бы; и что жъ?
Можетъ быть, мусье ле дожъ,

Видя и меня, и море,
Предпочелъ бы, въ этомъ спорѣ,
Дамы бѣлокурый ликъ
А ла меръ Адриатикъ!
Это дѣло сантимента!

По каналу *дела* Брента,
Что межъ дачъ и какъ въ саду
Тянется *депюи* Паду,
Подвигаюсь понемногу;
И вдругъ крикнула, ей Богу,
Удивилась:

Предо мной

Море синее, волной
Мнѣ привѣтствуетъ играя,
И роскошно догарая
Солнце, небо золотить.
Запоздалая, летитъ
Въ дальней влагѣ небосклона,
Исчезая, Галціона!
Какъ мечта о прежнихъ дняхъ,
Невозвратныхъ, въ небесахъ

Иногда намъ засіяетъ,
 И въ туманѣ исчезаетъ!
 Но вотъ вдругъ среди валовъ,
 Средь зыбей, ряды домовъ,
 Точно лебеди всплываютъ;
 Въ золотѣ, въ огнѣ сіяютъ
 Тамъ и сямъ главы церквей!
 Помнится, данъ л' *Одисей*
 Говорить Гомеръ: изъ пѣны вѣтеръ
 Выплывали такъ Сирены,
 И плескались въ волнахъ,
 И рѣзвились при лучахъ
 Догорающей денницы!

Вотъ Гомеровы страницы,
 Развернула: мнѣ *Венизъ*
 Изъ воды, комъ юнъ сюрпризъ,
 Вынырнулъ передо мною!
 И я мыслей, и душою
 Унеслась въ тѣ времена,
 Гдѣ такъ славилась она!
 И весь бытъ ей, крамолы,

Маскарады, баркаролы,
 Пѣсни, ревность и любовь,
 Инквизиція и кровь,
 Всѣ такъ живо мнѣ явилось,
 Будто бы вчера случилось,
 Будто бы при нихъ была,
 Я сама.

Вотъ тутъ цвѣла
 Красотою Десдемона;
 На челѣ ея корона
 Счастья, нѣги и любви; —
 Вдругъ кинжалъ въ ея крови
 Омываетъ, изступленный
 Мавръ, отчаянный, влюбленный,
 Довѣряясь клеветѣ.
 Тутъ въ безмолвыи, въ темнотѣ,
 Засѣдала Инквизиція;
 Преужасная полиція!
 Десять аргусовъ такихъ,
 Что не скроешься отъ нихъ.
 Тутъ иль ponte дей сюспири,
 Гдѣ въ туманѣ и въ эфирѣ,

Исчезали вздохи тѣхъ,
 Жертвъ несчастныхъ, что на грѣхъ
 Инквизицы попадались,
 И въ мѣшки ей зашивались,
 И бросались въ каналъ.
 Вотъ здѣсь, былъ тотъ карнавалъ,
 Знаменитый, незабвенный,
 Гдѣ со всѣхъ концовъ вселенной,
 Отставные мажесте,
 Философы и боте
 Собирались и гуляли,
 И другъ съ другомъ толковали
 Объ утратѣ ихъ коронъ.
 Вотъ, быть можетъ, тотъ балконъ,
 Гдѣ красавица внимала
 Серенадѣ, и давала
 Знакъ условный, при лунѣ,
 О желаньи промене, —
 И красавица на волѣ;
 И красавица въ гондолѣ
 Съ милымъ другомъ; но супругъ
 Догадался,.... для услугъ

У него всегда есть бравы;
 Тасса между тѣмъ октавы,
 При плесканіи волны,
 Раздаются; и полны
 Страсти, нѣги, упоенья,
 Безъ заботы, безъ сомнѣнья,
 Бдутъ нозъ черезъ аманъ;
 По каналу Малеманъ;
 До Пьяцеты доплываетъ
 Ихъ гондола; тутъ гуляетъ
 Незнакомый домино;
 Подошелъ, и рѣшено:
 Трупъ любовника въ каналъ,
 Да и поминай какъ звали!
 Вотъ тутъ дандоло плыветъ;
 Дожъ сокровища везетъ
 Похищенные у Турокъ;
 Много золотыхъ фигурокъ,
 И четверку лошадей,
 Что стояли, какъ трофей,
 А Пари у Бонапарта!

Девятнадцатаго Марта
 Русскій нашъ побѣдный штыкъъ
 Выручилъ э сетъ антикъ,
 И опять онъ на Сантѣ Маркѣ
 Тутъ свиданіе на баркѣ
 Л Амперера Шарле Кеиъ,
 Съ Папою; тутъ се кокенъ,
 Какъ бишь ихъ, ле Кондоміери;
 Тутъ Марино де Фальери
 Дожъ, за то что накутилъ,
 Головою заплатилъ
 За свою неосторожность;
 Но едва ли есть возможность
 Все припомнить; не берусь
 Я за это. — Барберусъ
 Былъ, Фредерикъ былъ, Отелло
 И мамзель Біанка, Капелло,
 Фоскари, Мусье Тисъень,
 Также былъ энъ Венисъень,
 Поживемъ и погуляемъ,
 Такъ подробнѣе узнаемъ;
 Но теперь мы а л'отель

Пристаемъ. *Мусье Даньель*
Вѣрно приготовилъ ужинъ.
Этотъ пунктъ довольно нуженъ!
А демень ле рарете,
Если Богъ дастъ *ла санте.*

Прехорошее начало:
Ужъ дорогой закачало,
Пока ѣхала сюда;
Здѣсь по улицамъ вода!
Нѣтъ извошиковъ шумящихъ,
Этихъ ванекъ дребезжащихъ
По избитой мостовой,
Какъ у насъ; — иной порой,
Съ ними право не до шутки,
Не дадутъ заснуть минутки.
Здѣсь все по водѣ скользить,
Такъ ничто и не шумить;
Всѣ извошики — *гондолы!*
Вмѣсто криковъ — *баркаролы!*
Даже въ нихъ я узнаю
Наше: «баюшки баю!»

Ужъ за то, лишь лечь успѣла,
Въ ту жъ минуту захрапѣла,
И проспала, а ске ди
Харитонъ, жюскъ а миди!

Тутъ спросила я котлету,
И пустилась на *Пьяцету*
И на *пьяцу де Сантъ Маркъ*,
Чтобы сдѣлать *ме ремаркъ*,
Прямо *ривой де Скіявони*,
Я а *пье*, дошла къ колоннѣ,
Гдѣ извѣстный левъ стоитъ
Де Сантъ-Маркъ; престранный видъ:
Левъ поджарый и крылатый,
И работы небогатой,
Бронзовый, съ большимъ хвостомъ;
Бѣдный и его с'ѣтъ *омъ*,
Что глоталъ имперіи, троны,
Приказалъ стащить съ колонны
И увезъ къ себѣ въ Парижъ.
Тамъ онъ проторчалъ, какъ шишъ,
Для какихъ-то странныхъ видовъ,

Передъ домоу инвалидовъ;
Но при мирѣ возвращень,
И опять сюръ ла колоннъ
Онъ постановленъ въ Венецѣи;
Какъ палладіумъ древней Грецѣи,
Здѣсь красуется теперь
Этотъ баснословный звѣрь.
Но колонны двѣ, — сюръ л'отръ
Теодоръ стоитъ л'апотръ,
Также очень нехорошъ.

Но л'ансіенъ пале де дожъ
Здѣсь вниманія достоинъ;
Онъ готически построенъ,
Богатѣйшею рукой;
Точно видъ его такой,
Что задуматься заставить,
И Венецію представить,
Какъ владычицу морей,
Во всей славѣ прежнихъ дней!
Эти дни давно минули;
Но вы точно заглянули,

Такъ сказать, *комъ ву вуле*,
 Въ старину, *паръ се пале!*
 Вотъ и *пьяца де Сантѣ-Марко*,
 Какъ блистательна, какъ ярко,
 Смѣло поражаетъ взоръ
 Эта кирка, вся *анъ оръ!*
 Родъ *аламбры*, иль мечети;
 Вдохновенъ Каналети
 Здѣсь понятно, и оно
 Славно какъ передано
 Его кистью несравненной;
 И почти во всей вселенной,
 Вы найдете *се табло*,
 Отраженіе *данъ л'о*
 И эффекты перспективы,
 Въ нихъ особенно красивы.
 Но *Сантѣ-Маркѣ* и самъ собой
 Безподобенъ, — золотой,
 Весь почти изъ мозаика;
 Вкругъ чудеснаго портика
 Много греческихъ иконъ;

Это знакъ, что нашъ законъ,
 Всюду царствовалъ бывало;
 Но меня что восхищало —
 Это сюръ ле метръ отель,
 Энъ табло времанъ тель кель,
 Какъ Успенскаго собора!
 Не могла свести я взора
 Умиленнаго съ него,
 И для сердца моего
 Такъ повѣяло отчизной,
 Что дохнула новой жизнью;
 Изъ чужбины, я душой
 Вдругъ перенеслась домой;
 Такъ понравилась картина,
 Что шедевры Сансовина
 Проскользнули, будто ихъ
 Не бывало; — цѣлый стихъ
 Здѣсь по-гречески написанъ;
 Но по-гречески, *зи висенъ*,
 Я не знаю; лонъ-лакей
 Также мой неграмотѣй,
 Такъ осталось непонятно;

Но однако же пріятно
Видѣть прѣзъ, что въ старину
Здѣсь молились комъ ше ну,
И я тоже помолилась!

Тутъ, на площадь воротилась;
Площадь чудная, кругомъ,
Будто бы одинъ лишь домъ,
Такъ похожи всѣ фасады;
Неразрывныя аркады,
Какъ старинный коридоръ
Д'ёнъ куванъ, прельщаютъ взоръ,
И всю площадь окружаютъ;
Венецьянскіе гуляютъ
Денди тутъ, э ле боте;
И находятъ д'ёнъ коте
Лавки, то есть, магазины;
Богатѣйшія витрины
А де л'отре де кафе
Щегольскія тутъ а фе;
Удивительно красивы
Здѣшніе прекуративы,

Такъ зовутъ се *батиманъ*;
Въ старину, *пробаблеманъ*,
Весь казной онъ занимался,
А теперь купцамъ достался
Большей частью; с' *этъ эгаль*,
И казеннаго не жаль,
Иностранцамъ особливо!
Развѣвались горделиво
Здѣсь на трехъ большихъ шестахъ,
Въ честь республики и въ страхъ
Всѣмъ врагамъ ея, бывало,
Знамя три; но ихъ не стало,
А торчатъ одни шесты,
И особой красоты
Пьедесталь ихъ префигурный.
Рѣдкостью архитектурной
Я считаю этотъ родъ,
Какъ бы вамъ сказать, воротъ,
Что къ аркадамъ примыкаютъ
Веръ *Сантъ-Маркъ*, и составляютъ
Отъ *Пьяцеты* перспективъ.

Хоть они *энъ не массивъ*,
Но довольно благородны;
Два Арапа превосходны,
А надъ ними *де* часы,
Гдѣ фигурки, для красы,
Представляются, но скверно,
Что идутъ они невѣрно,
Безпрестанно отстаютъ —
Говорятъ, или бѣгутъ;
Знать давно ихъ не чинили.

Виз' а ви тутъ Кампаниле,
Колоколя *де л'еглизъ*;
Какъ взойдешь на верхъ: *Венизъ*
Вся видна передъ тобою,
Окруженная водою,
Всѣ каналы, *ту ле ке*,
Острова и вдалекѣ
Даже горы Апеннины
Или Альпы, и картины
Лучше нѣтъ, когда она,
Паръ ла муъ освѣщена!

Или, утренней зарею,
 Какъ за дальнею горою,
 Разогнавъ туманъ и паръ,
 Солнце, точно какъ пожаръ,
 Вдругъ покажется и рдѣетъ!
 Вся окрестность пламенѣетъ,
 И всѣ куполы церквей
 Золотятся отъ лучей!
 Чтобъ удобнѣе всходили
 Вплоть до верха Кампаниле,
 Вмѣсто лѣстницы, покаты
 Здѣсь устроенъ, и ганцъ глатъ!
 Хоть верхомъ ступай, пожалуй,
 Нѣтъ опасности и малой;
 И съ начала, се *tre ge*;
 Но ужасно *fatigue*,
 Я была, когда взобралась,
 И насилу отдышалась.
 Что за множество шпилей,
 Куполь, кирокъ, *de палей*!
 Что за множество каналовъ,
 Острововъ, мостовъ, кварталовъ!

Городъ, хотъ куда, *табля!*
 И сидитъ себѣ *данъ л'о,*
 Среди волнъ, и мало горя!
 Точно какъ владыкѣ моря
 Покорилася вода!
 Но что стоило труда
 Овладѣть стихіей влажной?
 Это подвигъ очень важный!

Я спустилась *сюръ ла пласъ,*
 И пошла *пуръ прандръ юнъ гласъ*
 И оржата два стакана,
 Подъ аркады у Флорьяна.
 Знаменитъ кафе Флорьянъ.
 Всѣ народы *де л'Орьянъ,*
 Турки, Греки, Персіане,
 Его гости, и крестьяне;
 Платятъ просто *редевансъ.*
 Здѣсь въ Венецѣи *л'элегансъ*
 У Флорьянъ сидѣть и кушать
 Шеколадъ, *де гласъ,* и слушать
 Музыку, что всякій разъ

Здѣсь играетъ сюръ ла пласъ, Ф гласъ
 Зорю бьютъ когда Австрицы, адтосъ И
 Дамы, дезъ абс, дѣвицы, нкопво гласъ И
 Тутъ сидятъ, — немудрено! по уярдъ И
 Это общій казино! атини нпдѣмъ гласъ А
 И разубранъ онъ прекраснѣе, н атѣ И
 И внутри; по мнѣ, напрасно, и адотъ Р
 Потому, что всѣ сидятъ, атурдъ оярдъ Т
 У дверей, и не глядятъ, оярдъ гласъ И
 Въ комнаты; но Англичане, и атѣ И
 Тутъ всегда на первомъ планѣ; эъ, у
 Ужъ воля де гранъ уазо! атѣ И
 Я видала ихъ озъ о. нодъ, атѣ И
 Развѣ лучше, чѣмъ другіе? атѣ И
 Даже хуже; и иные, атѣ И
 Такъ торгуются, что страхъ!
 Но объ этихъ пустякахъ, атѣ И
 Что и говорить! Флорьяна, атѣ И
 Не узнаешь безъ изъяна! атѣ И
 Но онъ былъ ами де керъ, адъ, атѣ И
 Де Канова ле скульптеръ; адъ, атѣ И

Былъ Флорьянъ подагрой боленъ,
 И всегда страхъ недоволенъ
 Какъ сапожникъ приходилъ,
 Мѣрку снять съ ноги просилъ;
 А безъ мѣрки шить! — такого
 Нѣтъ и мастера. Канова,
 Чтобы положить конецъ
 Горю друга, взялъ рѣзецъ,
 Изваялъ его онъ ногу
 И тѣмъ прекратилъ тревогу.
 Ты ле де давно ужъ моръ,
 И кандидеръ и скульпторъ;
 Но нога цѣла донынѣ!
 И, быть можетъ, въ честь святынѣ.
 Такъ Флорьянъ и *визите*.

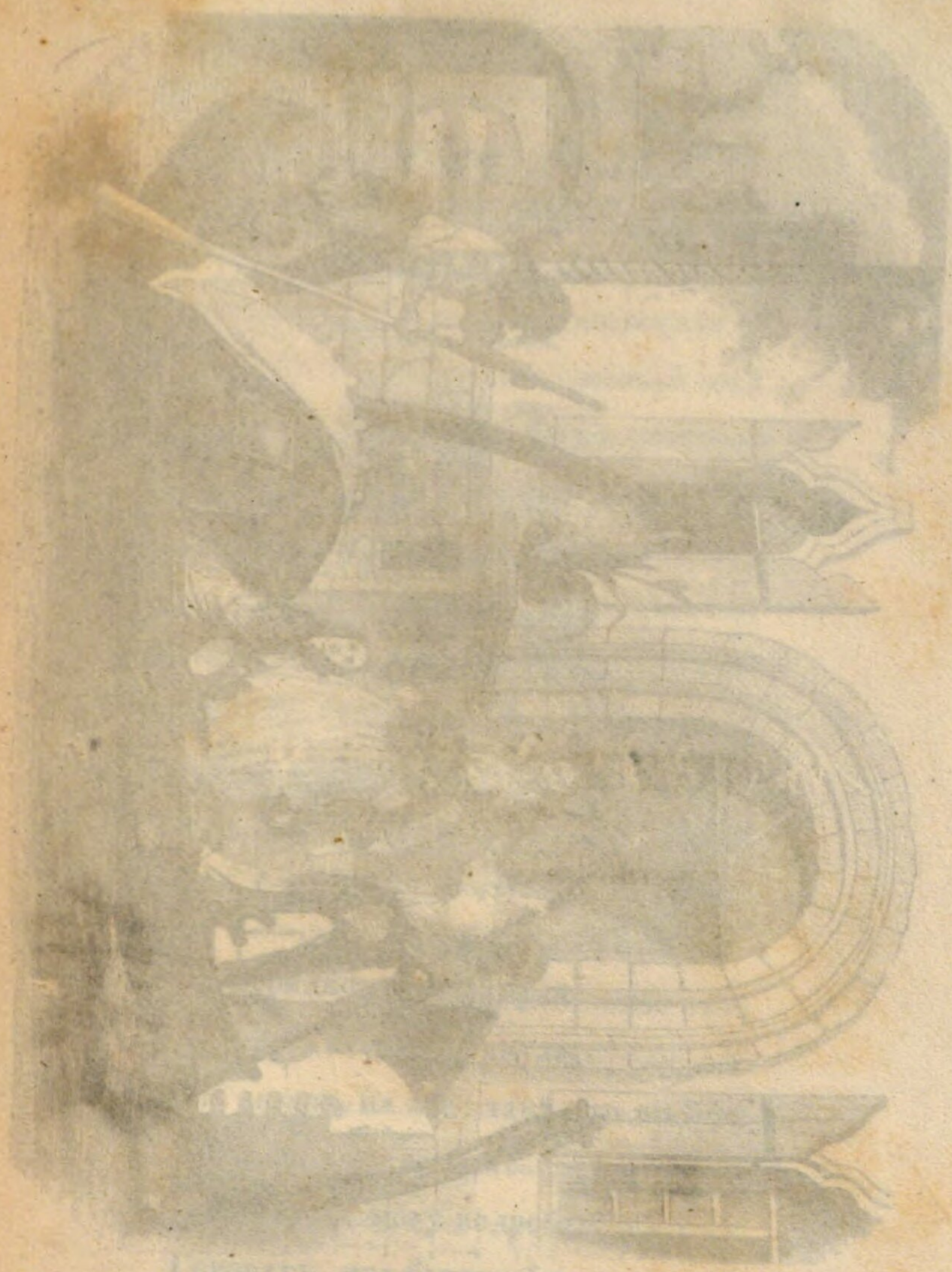
Вотъ еще *кюрьозите*:
 Вся покрыта голубями
 Площадь здѣсь, и надъ шпилями,
 Сюръ ле домъ, сюръ ле корнишъ,
 Ты куда ни поглядишь,
 Голуби сидятъ; сначала

Видѣла, не понимала
 Я, откуда взялись
 Этѣ массы а *Венизз!*
 Но мнѣ это объяснили.
 Какъ *паръ ту*, въ *Италии* были
 Въ старину, *боку дюзазз*
 Что исчезли; и нельзя жъ
 Иначе; здѣсь въ *Воскресенье*
 Вербное, обыкновене
 Было, кучу голубей
 Выпускать изъ всѣхъ церквей,
 Привязавъ сперва бѣдняжкѣ
 Къ каждой лапкѣ по бумажкѣ;
 Полетятъ д'аборъ, и вдругъ
 Всѣ попадаютъ; — вокругъ
 Тма народу ожидаетъ
 И упавшихъ собираетъ,
 И несетъ къ себѣ домой
 Какъ раздачу; но порой
 Голуби освобождались
 Отъ бумажекъ, разлетались
 И почти всѣ сюръ ле домъ

Де Сантѣ Маркѣ, махнувъ крыломъ,
 Собирались и сидѣли. *Вотъ онъ, вѣнчанъ, вѣнчанъ.*
 Тутъ ужъ тронуть ихъ не смѣли;
 Мѣсто свято. И народъ *отъ нихъ онъ*
 Къ нимъ разнѣжился; и вотъ *и такъ*
 Разъ на сходѣ положили, *и такъ*
 Чтобы ихъ на счетъ кормили *и такъ*
 Де ла виль э де л'эта; *и такъ*
 Благородная черта! *и такъ*
 Но хвалена свѣше мѣры, *и такъ*
 Потому, что пансьонеры *и такъ*
 Голуби, *депюи се журъ,*
 Расплодились черезъ чуръ; *и такъ*
 И бывало прилетаютъ, *и такъ*
 Куда только пожелаютъ, *и такъ*
 Кушая, *комъ де шануанъ,*
 Здѣсь казенный *авуанъ.*
 Сядутъ иногда коломбы *и такъ*
 Пресвободно, на тѣ пломбы, *и такъ*
 Подъ которыми *дезъ омъ,*
 Сокрушаясь *Дье се комъ,*
 Лѣтъ десятка два и болѣ, *и такъ*

Угнетаются въ неволѣ!
Справедливо ли оно?
Прекратилось давно
Здѣсь народное правленье;
И въ обычьяхъ измѣненье
И въ коммерціи д'алоръ;
И Венеціи, съ тѣхъ поръ,
Туръ а туръ, д'аборъ Французы,
Тамъ Австрицы дали узы;
Ле патріотизмъ слабѣй;
А все кормятъ голубей!
И однимъ имъ, можетъ статья,
Нѣтъ причины сокрушаться,
Что не та уже Венизъ,
Что была о *танъ жадисъ*.

Господи, что окаянное

VI.

ВЕНЕЦІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

В порядкомъ отдохнула
У Флорьяна, и взглянула,
Анъ пасанъ, на все; такъ что жъ?
Я теперь пале де дожъ
Разсмотрѣть могу подробно.
Говорятъ, что безподобно

Все внутри; и слова нѣтъ!
Ужъ судя *паръ ла* ложетъ,
То есть, по сѣнямъ швейцара,
Не жалѣли здѣсь товара
И искусства; *са* *наре*
Еще больше на дворѣ.
Барельефы тутъ и группы
Де *статю*; но только глупы:
Всѣ почти *де* *пюдите*;
И смотрѣть, *анъ* *верите*,
При людяхъ, такъ даже стыдно!
Все такъ натурально видно!
Не хотя опустишь взоръ.
Двѣ *ситерны* есть *анкоръ*
Пребогатыя; — писали,
Что когда ихъ запирали,
Безъ воды была *Венизъ*.
Это просто *де* *бетизъ*!
Въ каждомъ домѣ есть и краны
И колодцы; — но романы
Данъ л'Истуаръ, — и не грѣша,
Какъ *ле* *беръ* *данъ* *ла* каша,

Прибавляются для вкуса;
 И я доказать беруся,
 Что иной бы не читалъ
 Въ вѣкъ истории, если бѣ зналъ,
 Что въ ней нѣту аллегорій.
 Но вотъ памятникъ истории
 Настоящей на лицо:
 Здѣсь парадное крыльцо;
 Эта лѣстница гигантовъ,
 Какъ урокъ для интригантовъ,
 Тутъ стоитъ она; на ней
 Сколько сгинуло людей
 Расскажу безъ коментарій:
 Архитекторъ Календарій
 Ее строилъ, и дворецъ
 Имъ же начать; но хитрецъ,
 Сколько видно, былъ замѣшанъ
 Въ революцїи, и повѣшенъ.
 И Фальери, самъ же *Дожь*,
 Основатель, на вельможъ
 Напустилъ народъ: — схватили
 Бѣдняка и отрубили

Голову ему за то;
 По ступенямъ осито
 Обезглавленное тѣло
 Кубаремъ здѣсь полетѣло!
 Мусье Бейронъ, ле поэтъ,
 Тутъ трагедіи сюжетъ
 Отыскалъ; любовь прибавилъ,
 И событіе прославилъ,
 И приплелъ тутъ свой романъ.
 На крыльцѣ лезъ орнеманъ,
 Всѣ работы Санцовина;
 Другъ Тицьяна, Аретина
 Этотъ славный былъ скульпторъ.
 Тутъ, пройдя энъ корридоръ,
 Очутилась я въ салонахъ.
 На стѣнахъ и на плафонахъ,
 Ты куда ни обернись,
 Анъ персонъ мадамъ Венизъ,
 Въ видѣ Греческой богини,
 Или древней героини!
 Юнъ эспесъ д'апотеозъ,

Говоритъ она : *эль козъ инъ эъ атъ*
 Со святыми и съ богами *атъвпътъ*
 Въ родѣ свиты этой дамъ *съ эюъ эъ*.
 Ле вертю , *эли грѣхи* , *ониръ Мъжъ*.
 Всѣ поэзы чепухи , *эъвпъдъ атъвпъдъ*
 И амуры , и *нады* , *ониръ Мъжъ*
 И всѣ бредни Илліады ! *ониръ Мъжъ*
 Охъ , ужъ этотъ мнѣ Гомеръ ! *ониръ Мъжъ*
 Народилъ *танъ де шмеръ* *ониръ Мъжъ*
 Сочиненьями своими , *эъ ониръ Мъжъ*
 Что иные , въ слѣдъ за ними ,
 Гиль такую ужъ несутъ , *ониръ Мъжъ*
 Что и сами не поймутъ ! *ониръ Мъжъ*
 Но достойно замѣчанья , *ониръ Мъжъ*
 Что всѣ здѣшнія преданья , *ониръ Мъжъ*
 Юнъ *истуаръ* почти *комплетъ* , *ониръ Мъжъ*
 И Тицьянъ и Тинторетъ *ониръ Мъжъ*
 Здѣсь Венецію исписали . *ониръ Мъжъ*
 Тутъ Чиконья начертали , *ониръ Мъжъ*
 Какъ *посламъ* *дасть* *одьянъ* , *ониръ Мъжъ*
 Тутъ надменную *Бизансъ* *ониръ Мъжъ*
 Дандоло беретъ осадой ; *ониръ Мъжъ*

Тутъ съ великою досадою
 Отступаетъ де *Бергамъ* и нѣтъ
 Ле дюкъ д'Эстъ; а дальше тамъ,
 Дожъ Марино де Гримани,
 Вверхъ поднявъ ле *дуэ мани*,
 Предъ Мадонной, а жену;
 Благодатную жену
 Маркъ съ святыми провожаетъ,
 И какъ будто наблюдаетъ
 За Венецею съ небесъ.

Какъ хорошъ *Поль Веронезъ*!
 Здѣсь Европы похищенье.
 Пресмѣшное приключенье:
 Былъ Юпитеръ, энъ куреръ,
 Какъ извѣстно, аматеръ
 И интригъ и амуретокъ,
 Соблазнитель всѣхъ кокетокъ,
 И хорошенькихъ дѣвицъ,
 И замужнихъ молодицъ;
 Разъ онъ ужастъ какъ влюбился
 Въ одну нимфу; какъ ни бился,

Ничего достигъ не могъ;
 Но какъ баснословный богъ,
 Даръ имѣлъ онъ превращаться;
 Чтобы легче, звать, добратся,
 Форму принялъ онъ быка.
 Ужъ такого дурака
 Я никакъ не понимаю.
 Часто, — я сама страдаю,
 Хочется того, сего;
 Но какъ сердца моего
 Похотѣнья ни суровы,
 Все бѣ я не пошла въ коровы.

Здѣсь у всякой залы есть
 Свое имя; вѣрно, въ честь
 Пржняго употребленья,
 Важности и назначенья.
 Въ первой залѣ, говорятъ,
 Былъ Венеціи Сенатъ,
 Трибуналы; того ради
 Назвали ее Прегади.
 Видны тутъ еще ле сталь,

Стулья де се трибуналь,
 Гдѣ сенаторы сѣдѣли;
 Если бѣ и теперь явились,
 Хоть сейчасъ опять сѣдѣли.
 Это: ле салонъ де Дисъ,
 Гдѣ тираны засѣдали;
 Съ трепетомъ здѣсь отворяли
 Въ старину, чай, эту дверь;
 Здѣсь гостиная теперь.

Это зала: де Буссола,
 Гдѣ извѣстная ла гола
 Дель Леоне; де се тру
 Выбирались поутру
 И записки и доносы;
 И тогда ужъ шли допросы,
 Истязанья и тюрьма.
 Пребольшая кутерьма!
 Эта зала еще Педжіо,
 И зовутъ Анти Коллежіо;
 Посмотрю теперь ле пюи
 Тутъ чуланы окурден,

Прежде были казаматы,
 Но тюрьмами здѣсь богаты;
 По всей крышѣ, ту дю лонъ,
 Расположены ле плонъ.
 Целико и Казанова
 Тутъ сидѣли; но я снова
 Говорю, что де бетизъ
 Написали про Венизъ,
 Что ужъ тюрьмы такъ ужасны,
 Для здоровья такъ опасны,
 И сидѣть нельзя ни какъ;
 Это просто де чердакъ!

Но пора домой обѣдать,
 Кухни здѣшней поотвѣдать;
 А потомъ, не худо мнѣ,
 Прогуляться при лунѣ;
 Мысль осуществить поэта:
 Ла Біондин' инъ Гондолетаръ,
 Мой обѣдъ былъ не богатъ,
 Только съѣла а яа гатъ,

Vermiшели двѣ тарелки,
 Да еще двѣ, три бездѣлки,
 Энѣ каплуны, авекъ дю ри,
 Штучекъ шесть де пуасонъ фри,
 И полъ-блюда макаронъ,
 И десятка два маронъ.
 Тутъ съ Анетою сошла,
 И гондолу наняла:
 За весь вечеръ, *тре дукати*.
 Описать ее ужъ кстати:
 Лодка очень недурна;
 Домикъ чернаго сукна;
 Дверцы, окна и розеты,
 Кузовъ траурной кареты.
 По середкѣ дю бато,
 Спереди большой кутъ,
 Иль топоръ, или сѣкира,
 Для красы и для *плезира*,
 Потому, что никакой
 Нужды нѣтъ въ немъ; надъ водой
 Онъ торчитъ, не прикасаясь;
 Но межъ барокъ пробираясь,

Онъ опасностью грозитъ; О
 Для того, знать, и прибить; Н
 Чтобы барки сторонились; И
 Въ домикъ мы помѣстились; Т
 Спереди стоитъ одинъ; О
 Гондольеръ; но господинъ; Н
 Задній гондольеръ, въ гондоль; Т
 И въ его единой волѣ; Ж
 Амбаркацья: селѣ шефъ; И
 И октавой уснулъ; Б
 Стражей, и мнѣтло; А
 Только Тассовскій напѣвъ; О
 Позабыли гондольеры; И
 Это жалко. Я той вѣры; И
 Что ихъ пѣснь была чудна; И
 Здѣсь въ то время, какъ луна, И
 Блескомъ дивнаго сіянья, А
 Обдавала эти зданья; И
 Что такъ дышатъ стариной; И
 И заснувшею волной; И
 Отражаются въ каналъ; И
 Какъ мечта, въ туманной дали; Б

О счастливыхъ жизни дняхъ,
 Непріятности, и страхъ,
 И заботы миновались;
 Только чувства тѣ остались,
 Что запали въ глубину
 Нашихъ душъ, и старину
 Такъ всегда для насъ чаруютъ,
 Живописно такъ рисуютъ,
 Что и нынѣшней бѣды,
 Затираются слѣды.

А здѣсь Тассовы октавы
 Отголоски были славы,
 И любви, и всѣхъ затѣй,
 И забавъ минувшихъ дней,
 Смерть Клоринды иль таль форма,
 Пасса, пасса э паръ ке форма!
 И Армида, и Танкредъ,
 Весь волшебный этотъ бредъ,
 И интриги, и баталы,
 Все богатырей Италии,
 И какъ часто подъ шумокъ
 Этихъ пѣсней, въ уголокъ

Прятался иной пріятель,
 Венецьянки обожатель,
 И давалъ условный знакъ
 О свиданьи; такъ иль сякъ,
 Только друга ожидая,
 Венецьянка молодая
 Вдругъ являлась на балконъ;
 Между тѣмъ сюръ ле мемъ тонъ
 Гондолеры продолжали,
 И октавой усыпляли
 Стражей, нянекъ, ле мари!
 Право, какъ ни говори,
 Я бѣ сама была готова
 Здѣсь забыть про Курдюкова,
 И Француза съ бородой,
 Будь онъ только молодой
 И наружностью пріятенъ,
 Полюбить; по мнѣ, понятенъ
 Межъ гондолей и октавъ
 Маленькій фотъ д'ортографъ,
 По каналу все палацци

Дей гримани, дей дураци
 Мончениго, Дандоло
 Отражаются данъ м'о,
 Точно отклики былаго!
 Правда, видишь у инаго,
 Вмѣсто оконъ, де лубки;
 Отслужили старики,
 И не то, что прежде были,
 Но однако жъ сохранили
 Отпечатокъ старины.
 Краснорѣчія полны
 Ихъ затѣйные фасады,
 Арабески, колоннады;
 И когда на нихъ глядишь,
 Далеко мечтой летишь;
 Тутъ мелькаютъ куртизанки,
 Ихъ ужимки, ихъ приманки;
 Тутъ сидитъ надменный дожъ;
 Тутъ востритъ въ потѣмкахъ ножъ
 Мужъ ревнивый, изступленный;
 А тутъ крадется влюбленный
 Непримѣтно отъ него,

И свиданья своего
Достигаетъ невредимо!

Но что невообразимо,

Это роскошь *дезь эглизъ*.

Всякій разъ, когда *Венизъ*

Карой неба угнеталась,

И надъ нею разражалась

Неожиданно напасть,

И чума, разинувъ пасть,

Городъ весь опустошала,

И свирѣпая гуляла

Межъ испуганныхъ людей,

Вѣра пробуждалась въ ней!

Храмы ея воздвигались!

И какъ памятникъ остались

Для потомства и поднесъ.

Мы любимъ имъ здѣсь.

Кіези такъ *делла салуте*,

Гдѣ расписаны на *вуть*

Язвы всѣ — такъ *Реданторъ*,

Пышностью плѣняютъ взоръ.

Далѣ плыветъ гондола, и вѣднѣ Н
 Тутъ Армянъ и домъ, и школа; и тѣмъ
 А тутъ Лидо, и каналъ
 Заключаетъ арсеналъ,
 Гдѣ готовились оковы,
 Отъ Венеціи суровой,
 Всѣмъ сосѣднимъ племенамъ,
 И откуда по морямъ,
 Флотъ, могучій и крылатый,
 За добычею богатой
 Отправлялся въ старину;
 И сердитую волну,
 Съ пѣной мутной и зеленой,
 Разсѣкалъ стрѣлой каленой.
 Тутъ хранится бусанторъ,
 Но не пышный,
 Какъ онъ древле красовался,
 Оставъ лишь одинъ остался;
 То есть, руль, бока, и киль.
 Этотъ оставъ — де ла виль —
 Мнѣ судьбу напоминаетъ,

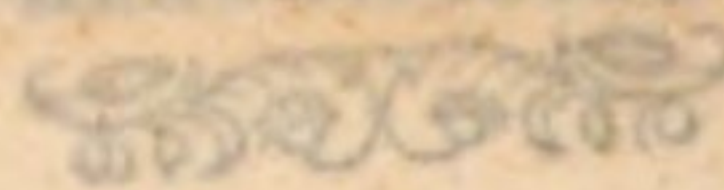
И исторью представляет:
Какъ Венецья, бусанторъ
Испыталъ *ле ку дю соръ!*

Тутъ коллекція, родъ собранья
Инструментовъ истязанья,
Выдумки Италии злой;
Ключъ съ отравленной иглой,
Вѣрности замокъ ревнивый,
Ну наборъ пренекрасивый.

Я однако же *Венизъ*
Осмотрѣла, *куа к'онъ дизъ*,
Вдоль и поперегъ. — Къ обѣду
Нынче въ Местеръ я пріѣду —
И пушусь вояжъ опять
Сухопутно продолжать.
Но навѣрно, гдѣ ни буду,
Я Венецьи не забуду!
Нѣтъ.... въ душѣ впечатлѣна,
Какъ любовница она.

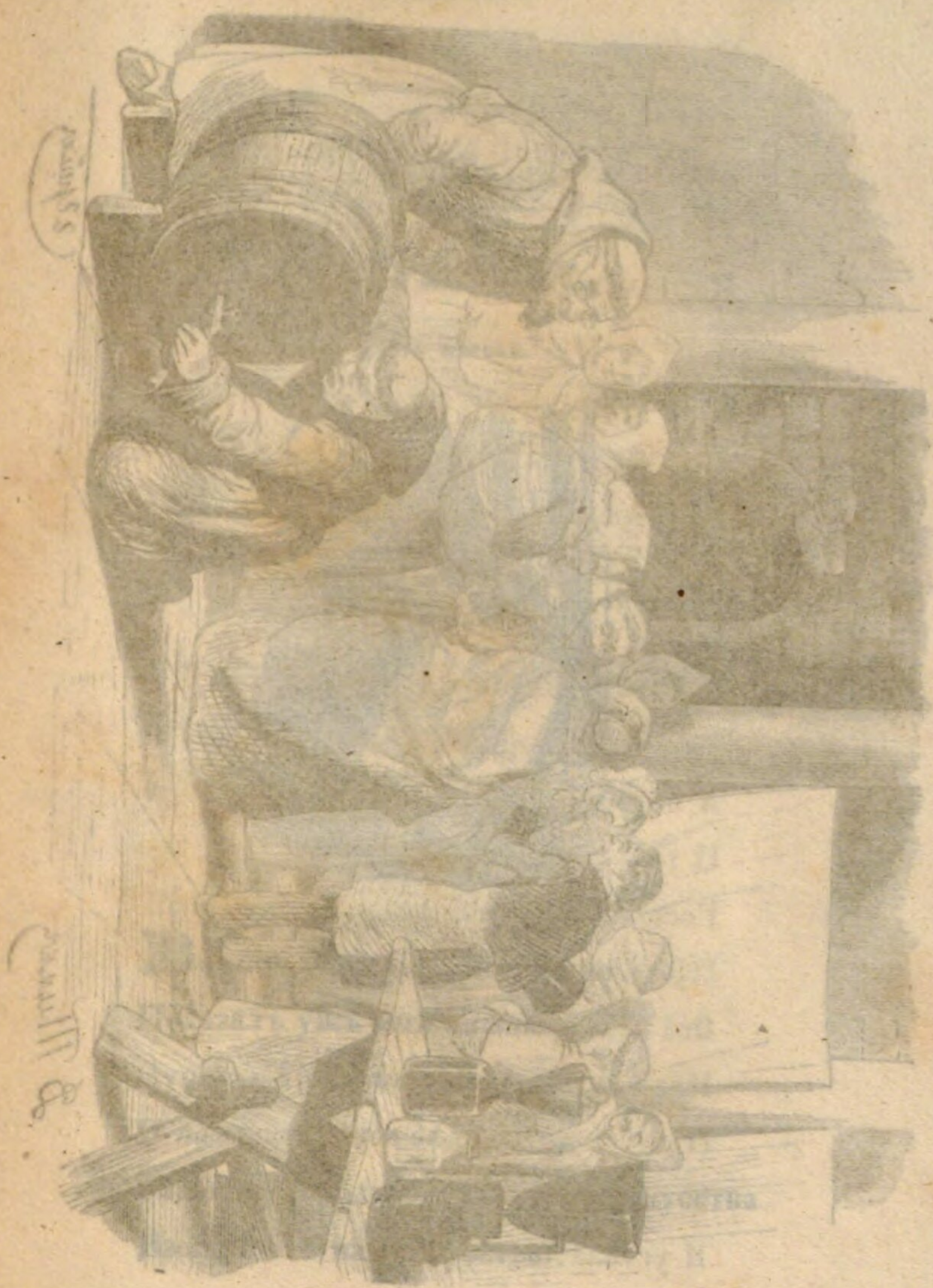

И исторію представлять:
 Тутъ Архидіаконъ, и дьяконъ,
 Какъ Венеря, дьяконъ,
 Испытатъ въ оу чоръ,
 Гдѣ готовилъ, и оу
 Тутъ коллегія, роуа соборная
 Истрѣмительница истязанья
 Валуи италіи злой;
 И оу чоръ отравленной италіи,
 Врѣности заморъ ревнивый,
 Ну надоръ пренерасимый.
 И оу чоръ оу чоръ
 В одною же Венеря
 Осмотрѣвъ, куа и оу чоръ,
 Влоу и понерѣвъ. — И оу чоръ
 Навне въ Местеръ а прѣвъ —
 И пушѣвъ возжѣ оу чоръ
 Сухопушѣвъ оу чоръ.
 Но наварѣно, гдѣ въ оу чоръ,
 И Венеря не задуу,
 И оу чоръ въ оу чоръ,
 И оу чоръ въ оу чоръ,
 Какъ оу чоръ въ оу чоръ.

ФЛОРЕНЦІЯ.

Φ. ΜΟΡΕΤΗΣ

VII.

ФЛОРЕНЦИЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вотъ Флоренція; Ветюрине
 Показалъ ужъ мнѣ кашине,
 Лунго л'Арно, катедраль,
 И палаццо грандъ дюкаль.
 Славный городъ! — Въ немъ искусства
 Изошряютъ наши чувства.

Мостовая, какъ паркетъ;
Но въ трактирахъ мѣста нѣтъ;
Заняли все Англичане.
Видно въ Лондонскомъ туманѣ
Не сидится имъ, и сплошь,
У кого есть только грошъ,
Всѣ переплываютъ море,
И ну ѣздить! — Право, горе
Вояжерамъ прочихъ странъ,
Отъ проклятыхъ Англичанъ!

Вотъ въѣжаемъ; передъ нами
Тріумфальный аркъ съ орлами,
А подальше *коръ де гардъ*,
И таможня; — *прене гардъ*,
Господа контрабандисты,
Щеголихи и модисты!
Всѣ разшарятъ *а ла портъ*.
Нѣтъ, взглянули на паспортъ.
И пустили въ путь дорогу;
И признаться, слава Богу,
Я устала, *э же фенъ*;

Черезъ эти *Апененъ*
 Ыдешь, Ыдешь и устанешь;
 И кусокча не достанешь,
 Червяка чтобъ заморить.

Если по *антре* судить,
 То въ Флоренцѣ некрасиво,
 Пустыри одни; на диво
 Домъ, другой кой-гдѣ стоитъ,
 Но и то, прежалкій видъ;
 А ужъ далѣе, такъ чудо!
 Всѣ *палацы*, и какъ блюдо
 Мостовая, фонари; —
 Что твой даже *ле Пари!*

Цѣлый вечеръ провозилась,
 И едва, едва добилась
 Въ третьемъ *пьянѣ* у Гомберъ;
 Энъ картѣ довольно шеръ,
 И ужасно какъ высоко;
 Мнѣ оно *женанъ* *ун-поко*:
 Часто я должна *сортиръ*;

Всѣ музеи *паркурирѣ* ите атэреР
 Мой проектъ, моя идея. ишеР, ишеР
 Я спросила лонъ-лакея, — вриозуи И
 Мнѣ явился Рафаэль, в адотр вляяреР
 Лонъ-лакеевъ ле модель,
 Энъ жени, энъ иммортель! ив он илэЕ
 Наизусть поэтовъ знаетъ; долФ ля оТ
 Про картину разсуждаетъ, и ириатэуИ
 Какъ первѣйшій конесёръ, иура, амоД
 Словомъ сущій профессоръ! и от и он
 И всегда на комплиментахъ; ажу А
 А шеваль на сантиментахъ ивляе 5Я
 Деликатства; — паричекъ, вриозомИ
 И премодный сюртучекъ. ионт отР
 Мы съ нимъ тотчасъ положили
 Чѣмъ начать; и разсудили ииллИ
 Всего лучше, ква к'онъ дизъ, вляе И
 Комансе паръ лезъ эглизъ. ииотэрт аВ
 И пустились, что есть мочи, ивляе илЕ
 Вплоть до кирки *Санта Кроче*, ажу И
 Потому что л'онъ м'а ди, вэкс оно илИ
 Что ихъ ровно а миди ижлод, в отэеР

Всякій день здѣсь затворяютъ,
 И ужъ больше не пускаютъ
 Опоздавшихъ въ Божій домъ!
 Подыми они содомъ,
 Разкричися, *инфеличи*;
 Все равно, — такой обычай!

Мы поспѣли; я вошла,
 Но съ наружи я почла
 Кирку ту большимъ анбаромъ;
 И подумала, что даромъ
 Такъ спѣшили мы поспѣть;
 Вѣрно нечего глядѣть.
 Но напрасно такъ судила;
 Эта кирка, восхитила
 Мои чувства! и не разъ!
 Всей Флоренціи *префасъ*
 Въ этой кirkѣ; всѣ *грандъ омы*
 Что въ исторіи знакомы
 Особливо *де Флорансъ*,
Пуръ лезъ аръ и *ле сіансъ*,
 Собраны тутъ въ монументахъ;

И въ раздуміа моментахъ
 Ты летишь душою въ даль.
 Всей исторіи скрижаль
 Будто бь предъ тобой развита!
 Этихъ монументовъ свита,
 Точно отзывъ старины! —

Вотъ здѣсь съ правой стороны
 Мишель Анджъ — великій геній!
 Я готова на колѣни
 Передъ нимъ. Архитектуръ,
 Живопись, а ла скульптуръ,
 Все ему далось въ руки;
 И искусства и науки
 Увѣнчали молодца,
 И онъ носить три вѣнца.
 Это всё изобразили
 Въ монументѣ; посадили
 Три статуи грустныхъ бабъ:
 У одной въ рукѣ масштабъ;
 Эта первая фигура,
 Должно быть, Архитектура;

У другой въ рукѣ рѣзецъ, —
 То Скульптура; наконецъ
 Живопись сидитъ въ вуалѣ,
 Погруженная въ печали,
 Приунывъ, и говоря:
 «То была моя заря!»
 Мишель Анджъ, Андрей дель Сарто;
 Рафаэль родъ Бонапарта,
 На холстинѣ, для Мадоннъ;
 Всѣ исчезли, ту с'анъ вонъ.
 Рядомъ тутъ, великій Данте.
 Много о его талантѣ
 Написали; онъ Поэтъ
 И Философъ, слова нѣтъ;
 Его плохо понимаютъ,
 Но за то, какъ уважаютъ!
 На пліантѣ онъ сидитъ,
 И съ отвагой говоритъ:
 «Опорате иль поэта!»
 И тутъ — вырѣзано это.

Тутъ, Алфьери *ле Тражикъ!*
 Монументъ его великъ
 И украшенъ медальономъ!

Но я подошла съ поклономъ
 Къ Макьявелю. *Кель гранд' омъ*
 По Исторіи, и комъ
 Сочинитель и писатель!
 Медицисовъ былъ пріятель,
 Дѣломъ правилъ, и писалъ.
 Подноготную всю зналъ

Государей и народа;

А въ семьѣ, не безъ уroda!
 Былъ пронырливъ и хитѣрь,
 И ужасно какъ остѣрь.
 Прежде просто имъ бранились;
 Наконецъ всѣ согласились,
 Что сонъ пренсъ, и се декадъ,
 Ключъ политики и кладъ!

Три, четыре мавзолея
 Я прошла *де Галилея.*

Математикъ, Астрономъ;
А кому онъ незнакомъ?
Кто во времена ученья,
Не отдалъ ему почтенья,
Какъ начальнику планетъ?
Тутъ висить его портретъ;
Я колѣна преклоняю,
Какъ душою воспоминаю:
Эта борода, се не наловодъ,
Молвили землѣ: «*турне*»
«На себя, и вокругъ солнца;
«Вкругъ тебя же родъ червонца
«Вертится пускай луна,
«Звѣздами окружена.
«Ты же, солнце, ты ни съ мѣста,
«Ни на шагъ изъ-подъ ареста,
«Средоточье будь міровъ,
Вотъ тутъ вся, въ десяткѣ словъ,
Галилеева система.
Для меня оно проблема,
Какъ онъ это отыскалъ?
И чѣмъ это доказалъ,

Мнѣ бѣ спросить его хотѣлось. —
 Впрочемъ, что бы ни вертѣлось —
 Солнце, мѣсяцъ иль ла теръ,
 Се не сонъ на позѣ аферъ.

Кирка Кроче небогата
 Анъ табло, а простовата.
 Одна только есть шапель,
 Де Сибиль, довольно белъ.
 Вся Лаворо Тинторето,
 Но она, какъ родъ секрета,
 Заперта пуръ ту ле жанъ,
 У кого не на д'аржанъ;
 Я вошла, и за три поля,
 Предоставлена мнѣ воля,
 Любоваться по угламъ
 Этихъ четырехъ віель фамъ
 Лицезрѣньемъ, и плафономъ;
 И кустоде мнѣ съ поклономъ,
 За такую багатель,
 Настежъ отворилъ шапель;
 Точно изъ стѣны выходятъ

Ле Сибиль, и страхъ наводятъ: о левъ
 Упадуть того гляди; и въ тѣхъ нѣтъ
 А плафонъ ле параднъ, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Очень живо представляетъ; а до тѣхъ о нѣ
 Книгу Моисей читаетъ, жолотъ вѣтъ въ нѣмъ
 И нога его торчитъ, о то лѣтъ въ нѣмъ

Но пора! хочу плю витъ въ нѣмъ
 Добѣжать до Аннонсьяты! и въ нѣмъ
 Орнаменты въ ней богаты: о то лѣтъ въ нѣмъ
 Есть картины, а де фрескъ, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Одинъ очень романескъ, — и въ нѣмъ
 Это ла Мадонна Сака, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Былъ ужасный забіяка, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Волокита и нахаль, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Андрей Сарто; — бушевалъ, о то лѣтъ въ нѣмъ
 И на съѣзжу попадался, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Очень часто; иль скрывался, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Отъ кварталныхъ здѣсь и тамъ, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Больше жъ по монастырямъ, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Потому, что не входили, о то лѣтъ въ нѣмъ
 Никогда въ нихъ алгвазиламъ, о то лѣтъ въ нѣмъ

Разъ онъ какъ-то накутилъ;
 Аннонсыаты пріютилъ
 Монастырь его на время;
 Но чтобъ былъ онъ тутъ не въ бремя,
 Братья положили такъ,
 Что дадутъ ему энъ сакъ отъ втонъ
 Де пшеницы за Мадонну,
 Отъ полицьи оборону,
 И квартиру и дине,
 Чтобъ ее имъ на стѣнѣ
 Написалъ, съ большимъ искусствомъ,
 И съ экспресьею, и съ чувствомъ.
 Онъ исполнилъ договоръ,
 И теперь иль франъ анкоръ
 Этотъ фрескъ, какъ бы живая,
 Чтенью Іосифа внимая,
 Ла Мадонна такъ глядитъ,
 Будто съ небомъ говоритъ;
 Благодать и вдохновенъ
 Въ ея взорахъ; — откровенъ
 Отражается на ней;
 Смыслу горнему рѣчей

Она вѣритъ съ удивленіемъ;
 Это все съ большимъ умѣніемъ.
 Начерталъ онъ, *пре д'енъ сакъ*,
 Чтобъ оставить людямъ знакъ,
 За какую, *дискать*, цѣну
 Расписалъ онъ эту стѣну.

Фрески есть еще его
Тре фаме; и для того,
 Чтобъ дожди ихъ не стирали
 Ихъ окошками забрали.
 Тутъ представленъ *Сентъ Филиппъ*.
 Громъ разбойниковъ зашибъ,
 А онъ, ну скорѣй въ монахи,
 И стоитъ тутъ безъ рубахи!
 Тутъ творитъ онъ чудеса;
 Но чтобъ описать *ту са*,
 Книги бѣ цѣлой не достало.
 А хорошаго не мало
 Въ *Аннонцятъ* есть *анкоръ*;
 Право, разбѣжится взоръ,
 Какъ начнешь смотрѣть картины,

Арабески, пурпурины, *лаписъ, лаззули, колонны.*
 Болѣе всего плафонъ
 Миѣ въ куполѣ показался; Тинторето постарался
 Въ немъ представить, *л'онъ м'а ди,*
 Весь *дю Данте* парадъ;
 Всѣ тѣ круги, гдѣ внимая
 Беатричѣ и гуляя
 Мыслью творческой за ней,
 Добродѣтельныхъ людей
 Онъ нашелъ на первомъ планѣ;
 А повыше и въ туманѣ,
 Лезъ угодникъ, *ле мартиръ,*
 О которыхъ знаетъ міръ;
 А повыше, неизвѣстныхъ
 Тамъ пророковъ тѣхъ чудесныхъ,
 Тамъ все воинство небесъ,
 И ужъ выше не долѣзъ, —
 Дымъ розе; — но миѣ досада:
 Рай его не стоитъ ада!

Адъ чудесенъ; пургаторъ
Ужъ совсѣмъ не плю си форъ;
А въ раю, такъ просто скука!
Мезъ онъ ди, что въ томъ и штука.

Въ Мишель Анджа ла мезонъ,
И (временъ, авекъ резонъ,) —
Я пошла изъ Анонсіята.
Я считаю, что два брата —
Релижіонъ э ле жени,
И Господь насъ сохрани,
Чтобъ ихъ люди раздѣляли;
Мы бъ тогда сейчасъ пропали.
Мальчикъ рыжій, босикомъ,
Въ курткѣ, отворилъ мнѣ домъ,
И сейчасъ повелъ въ салоны,
Тамъ всѣ стѣны и плафоны
Представляютъ рядъ картинъ,
И во всѣхъ сюжетъ одинъ:
Мишель Анджа похощенья
Вплоть отъ самага рожденья.
Какъ его журила мать,

Какъ учился рисовать;
 Какъ докладывалъ Браманте
 Папѣ, о его талантѣ,
 Какъ ле Папѣ его призывалъ
 И ему работу далъ;
 Однимъ словомъ, всю историю.
 Какъ представилъ онъ меморію
 О постройкѣ де Сентъ Пьеръ;
 Какъ вдругъ сталъ онъ милитеръ,
 Началъ строить фортересы;
 Какъ Посломъ, онъ интересы
 Медицисовъ защитилъ.
 Мальчикъ тутъ меня впустилъ
 Въ Мишель Анжело покои.
 Всѣ поэты, всѣ герои
 Омъ д'эта и де сіялись,
 Коими славна Флорансъ,
 Тутъ разставлены рядами,
 И назначено словами,
 Кто такой и чей портретъ.
 Мишель Анджа кабинетъ,
 Тотчасъ прямо изъ столовой;

Ни одной нѣтъ вещи новой;
Все, что онъ употреблялъ;
Кисть, которою писалъ,
Съ красками его палитра,
И рѣзецъ, и два шюльпитра,
Се десенъ, э се табло,
Се статью, сонъ потъ а л'о,
И лохань и полотенцо.

Тутъ, пошла я въ *Сентъ Лоренцо*.
Это храмъ *де Медисисъ*.
Козмъ, Лоранъ и Леонъ Дисъ!
Тутъ вамъ монументъ воздвигнуть,
И вашъ геній тутъ постигнуть!
Онъ роскошенъ и великъ,
Флорентинскій мозаикъ.
Изразцы изъ *піетра дура*;
Его стѣны э фигура
Точно Римскій Пантеонъ,
Съ дюжиной большихъ колоннъ;
Пышность, щегольство, богатство!
Постигаю святотатство.

Въ этой киркѣ; *се си ришъ*,
Что охотно сохранишь!
Но еще работы бездна,
И попытка бесполезна,
Когда будетъ ашеве.

Поглядѣла, — *э же ве*
Въ катедраль и къ Батистеру;
Этимъ *дезъ эглизовъ мѣру*
Я исполню, *э плю таръ*
Погружусь *данъ ле боз аръ*.
Катедраль, большое зданье,
Можетъ обратить вниманье
Комъ энъ монюманъ готикъ,
И еще какъ мозаикъ
Разныхъ мраморовъ; замѣтимъ,
Что оно должно ужъ этимъ
Быть Флоренцѣи катедраль;
Ибо главный здѣсь *траваль*
Мозаикъ, изъ *піетра дура*.
Недурна архитектура;
Но по мнѣ, для красоты

Слишкомъ много пестроты;
Этимъ только недовольна.
Кампаниле, колоколья
Хороша, *ме л'ентерьеръ*
Могъ бы быть *энъ не мельеръ*;
Здѣсь безвкусье изумляетъ!
Любопытный тутъ гуляетъ,
И не видитъ ничего! —
Де геро сюръ де шево,
Въ барельефахъ, въ стѣны вбиты.
Но они чѣмъ знамениты,
Кто они? — *не же се па!*
Но не я одна глупа;
И кустоде ихъ не знаетъ,
Хотя надписи читаетъ
Онъ отъ скуки иногда.

Но что стоитъ здѣсь труда
И вниманья аматера,
Это двери Батистера.
Тутъ анъ бронзъ, и кель десенъ!
Говорять: ихъ *Константенъ*

Заказалъ и самъ поставилъ
А Бизансъ; сюда жъ доставилъ
Ихъ какой-то Медисисъ
Труа, Катръ, у Сенкъ, у Сисъ.
Я всегда преданьямъ вѣрю,
Вресамбланса ихъ не мѣрю.
Говорятъ, а Сентъ Софи
Двери были, — са сюфи.

Батистеръ, какъ риги, круглый,
И въ стѣнахъ такой же смуглый,
Какъ онѣ; двѣ, три шапель,
По середкѣ юнь купль
Де порфиръ, рѣзбы прелестной;
И изъ мрамора чудесный
Энъ Сентъ Жанъ, такъ бѣлъ, такъ чистъ,
Что зовутъ его батистъ.

Ну, вотъ съ кирками я квита
Послѣ этого визита!
«Нѣтъ, сказалъ мнѣ Рафаэль:
«Есть еще Мари Нувель,

«Хоть ее вы поглядите;

«Я спѣшу въ *Палацо Питти*,

«Но ее какъ миновать?

«Будутъ люди толковать,

«Что вашъ проводникъ зѣвака;

«Осуждать народъ — собака,

«Потеряю всю *пратикъ*.»

Согласилась я; и въ мигъ

Лишь вошла, духъ лодлаванда,

Флеръ д'оранжа, *патъ д'аманда*,

Насъ совсѣмъ ошеломилъ;

Тутъ въ углу, монахъ цѣдилъ

Изъ-подъ крана что-то въ стклянку;

Тотъ съ помадой держитъ банку,

Тотъ воронку, тотъ пузырь!

Это что за монастырь,

Больше въ родѣ магазина!

Я бѣ дала имъ *Жанъ Фарина*

Иль мусье Корбе Пероль

Въ командиры, *на пароль*!

Такъ какъ были мы *Вичини*,

То отправились въ *кашину*,

Гдѣ собирается *бо монден*.

Я во *фьякрѣ*, а *же гонть*

Въ *щегольскомъ* такомъ *хаосѣ*.

Дама въ *розовомъ* *бурнось*

Анъ купе; за ней *шасёръ*,

А при *дверцахъ* *аматеръ*,

Старичекъ *щеголеватый*,

И, какъ видно, *пребогатый*,

На *лошадкѣ*, въ *парикѣ*,

И съ *лорнеткою* въ *рукѣ*.

Тутъ другая дама въ *шали*:

Иль въ *раздумьи*, иль въ *печали*,

Такъ мила, такъ хороша,

Какъ *видѣнье*, какъ *душа*!

Вся *воздушная*, *сквозная*,

Интересная, *больная*;

Но *высокій* *стройный* *станъ*;

Онъ дуре *ке се Діанъ*;

И у ней за *экипажемъ*

Энъ шасеръ, съ большимъ плюмажемъ.
Видно, здѣсь юзажъ такой,
И довольно щегольской.

Вотъ еще *шасеръ* въ коляскѣ;
Дама, въ бархатной повязкѣ,
Хороша, какъ Майскій день;
И сама я стала въ пень,
И въ нее какъ будто въѣлась.
Очень, очень приглядѣлась!
Щеки, какъ огонь горять,
Взоры точно говорятъ —
Но за все, про все смѣется,
И жеманится, и жметъ;
Кажется, *энъ не кокетъ*.
Молчаливъ ея сосѣдъ,
Но собой весьма недурень;
Только нѣсколько нахмурень,
Особливо, *кантъ эль ри*;
Должно быть *се ле мари*.

Вотъ еще *шасеръ*, бурносомъ

Драпируясь, съ длиннымъ носомъ;
 Бѣлокурая мадамъ
 Тутъ сидитъ; а по бокамъ
 Кавалеровъ скачутъ группы.
 Пыль столбомъ отъ нихъ, — какъ глупы!

Вотъ еще *шасеръ*, — о нѣтъ!
 Этотъ иначе одѣтъ:
 Это просто родъ лакея.
 Свѣтлобуряя ливрея,
 Эполеты, эксельбантъ,
 Какъ нашъ Русскій адъютантъ;
 Катре дамъ, и всѣ фигуры,
 Какъ одна, всѣ бѣлокуры;
 Турбушанами висятъ
 Волоса; онѣ сидятъ,
 Улыбаясь, и толпами
 Вкругъ лондо ихъ, съ бородами
 И съ бадинькой *де Франсе*,
 Дѣлаютъ *лезъ ампресе*.

Тутъ несется, какъ бригада,

Англичанокъ кавалькада ;
А за ними *а шеваль*
Ихъ супруги ; очень жаль,
Что мнѣ не далась *ниттура* ; —
Славная бѣ каррикатура !

Вотъ летитъ кабріолетъ ;
Въ немъ по-Англійски одѣтъ
Длинный денди, сухощавый,
Юнъ барбишъ и усъ кудрявый ;
Шляпа *а ла Боливаръ*,
И во рту торчитъ сигаръ.

Вотъ лондо — ковчегъ потопа —
Изъ трактира *де л'Европа* ;
Англичанъ въ немъ юнъ *фамиль* :
Мать, отецъ, *де фисъ, де филь* ;
Какъ они въ немъ помѣстились,
Жен се па, но такъ стѣснились,
Какъ боченокъ *де сельдей*.
А на козлахъ : лонъ лакей !

Вотъ еще лондо не уже,
Только старѣе и хуже;
И сидитъ, прижавшись тутъ,
Дама — точный *Лиллипутъ*;
Краснощекая, глазами
Такъ и вертитъ; между нами,
Хороша, но *тре мешантъ*;
Впрочемъ очень *элегантъ*.
Мужъ бѣднякъ пѣшкомъ гуляетъ;
Дама просто не пускаетъ
Съ ней сидѣть *данъ л'экипажъ*,
Дискать, *са не на л'юзажъ*.

Англичанинъ превысокій
Разъѣзжаетъ одинокій,
На большомъ аргамакѣ,
Въ свѣтлосѣромъ сюртукѣ;
То поклоны посылаетъ,
То къ каретамъ подъѣзжаетъ,
То сигналы подаетъ,
То прохожимъ руки жметъ;

Всѣмъ знакомъ онъ, всѣмъ пріятель,
И всѣхъ барынь обожатель.

Множество *оригино*
Повстрѣчались съ нами; но
Вотъ достигли середины,
Гдѣ построены *кашины*;
Въ этомъ мѣстѣ, *се л'юзажъ*,
Дамы *данъ лезъ экипажъ*,
Кавалеры пѣшеходы,
Всѣ жрецы, богини моды,
Массой, группами стоятъ,
Межъ собою говорятъ,
Точно будто бы въ гостинной;
А нашъ Англичанинъ длинный
Такъ и рыскаетъ; то къ той
Подъѣзжаетъ, то къ другой
Иль коляскѣ иль каретѣ;
У него одно въ предметѣ,
Чтобъ сказалъ о немъ народъ,
Что *воля л'омъ а ла модъ!*

Но пора, ужъ часъ обѣда;
Продолжится здѣсь бесѣда
Тре лонтанъ, а должно мнѣ
Шезъ энъ Рюсъ еще дине.
Его ласки, хлѣбосољство
Замѣняютъ намъ посольство,
Что недавно сюприме.
Всѣми здѣсь онъ эстиме.
Родинѣ, Царю и Богу
Онъ принесъ на жертву ногу
Среди ратныхъ непогодъ,
Намъ же руку подаетъ
На чужбинѣ, и какъ дома
Мы у этого бравъ ома.
Добрая его жена
И любезна и умна.
Поступъ точно королевы,
А улыбка, милой дѣвы.
Мастерица угощать,
Знаетъ каждому сказать
Слово именно родное;
Все семейство золотое;

Дочка юностью цвѣтетъ,
 Точно пѣночка поетъ,
 И танцуетъ, какъ Харита!
 Послѣ долгаго ихъ бѣгства,
 Я прочла имъ мой журналъ,
 И нашла, что на троихъ мальцовъ

Тутъ въ театрѣ меня позвали
 Данъ л'орложъ, а тамъ давали
 Люкресъ Боржя, — с'ѣтъ юнгъ фамъ
 Пренадменная, санъ амъ;
 Яровитая какъ львица,
 И большая баловница;
 И безстыдница; тужуръ
 Дезъ энтригъ; эдеъ амуръ;
 Мужъ ея какой-то дука,
 Но вотъ матерямъ наука:
 Ею сынъ абандоне
 Былъ въ далекой сторонѣ;
 Тамъ и выросъ, и явился
 А Венизъ, и полюбился
 Страшно а мадамъ са меръ,

Что сонъ *фисъ* уѣхалъ прежде,
И что тутъ его ужъ нѣтъ;
Но онъ бѣдный на обѣдъ
Вмѣстѣ съ прочими явился,
Понаѣлся, понапился
Во всю волюшку, и вотъ
Заболѣлъ его животъ;
Рѣзь и судорги и крики;
Прибѣжали *доместики*,
А за ними и она,
Адской радостью полна;
Входитъ, и кого же зрить? роднаго
Сына, при смерти больнаго!
Ну терзаться, ну рыдать!
Сердце говорить: что мать —
И свое сгубила чадо!....
Ништо, ништо, такъ и надо!
Не жалѣла о чужомъ, —
Пусть же плачетъ, — по дѣломъ!
А пропѣли такъ, что чудо!
Но и спать мнѣ лечь не худо.
Я боюсь, что будетъ мнѣ

Боржъя грѣзится во снѣ
 И проклятый этотъ дука,
 Точно ребятишкамъ бука,
 Если бѣ я была Король,
 Я бѣ велѣла, ма пароль,
 Для здоровья, для морали,
 Чтобы по утрамъ давали
 На театрахъ эту блажь,
 Оно было бы плю сажь!

Handwritten text, likely a signature or title, located below the illustration. The text is faint and difficult to decipher, but appears to be written in a cursive script.

S. M. K. 1840

Thurs.

VIII.

ЛОРЕНЦΙΑ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сонъ мой былъ весьма спокойный,
И звонили ужъ къ достойной,
Лорске же ме сви леве.
Витъ одѣлась, э же ве,
По совѣту лонъ-лакея,
Въ лезъ офисъ, гдѣ галлерей

Медицисовъ; цѣлый часъ
 Лѣзу, лѣзу! — добралась!
 Отворяются мнѣ двери,
 И все бронзовые звѣри.
 Въ вестибюль, (родъ сѣней),
 Пара бронзовыхъ свиней,
 Лошадь, волкъ, олень, собака,
 Бюсты старые, родъ брака
 Разныхъ древностей, гранз омъ:
 Медицисъ, Лоранъ и Комъ.

Но, по мнѣ, весьма недурно
 Этотъ бронзовый Сатурно
 Тутъ представленъ; онъ злодѣй!
 Собственныхъ своихъ дѣтей
 Ъсть, какъ будто бы жаркое;
 А Сатурно что такое?
 Время — просто; се ле танъ,
 Ки деворе ссзъ анфанъ!
 Время, точно, все раждаетъ,
 И оно жъ все поглощаетъ;
 Политику, лезъ амуръ,

Славу, знатность *туръ а туръ*.
 Появилось, засіяло,
 И какъ будто не бывало.
 Время, какъ обжора, ѣсть,
 Что найдетъ, э кескъ иль рестъ?
 Эту притчу я считаю —
 Презабѣйной.

Вотъ вступаю
 Въ галерею. *Саркофажъ*,
 Кажется, дю *моенъ ажъ*.
 Гробъ барона или Папы,
 Трости, зонтики и шляпы,
 Вкругъ его *комъ юнъ гирляндъ*,
 И при нихъ стоитъ *драбантъ*
 Анъ ботфортъ, въ *плюмажъ*, съ *шпагой*;
 Посѣтителямъ съ отвагой
 Раздаетъ онъ нумера;
 Но растолковать пора,
 Что такое галерея!
 Вкругъ она всего музея
 Какъ снурокъ обведена,

Де табло, цѣны неважной
И работы невальяжной;
Конёсеры ихъ зовутъ,
Сколько помнится, де крутъ.
Де статью — на колоннетахъ;
Ме ле бо все — въ кабинетахъ,

Надо обойти кругомъ,
 И начать въ концѣ другомъ,
 Гдѣ Морфей, ребенокъ жирный,
 Изъ базальта, тихій, смирный,
 Спитъ на пребольшомъ крылѣ.
Антре ну, са не па ле!
 Сонъ представленъ натурально;
 Но оно не капитально,
 И душѣ не говоритъ.

Меъ энъ Бахусъ тутъ стоитъ:
 Ужъ совсѣмъ другое дѣло.
 Ноги, взглядъ, улыбка, тѣло,
 Все пьяно.... *Ме сетъ иереси*
 Преисполнена *поблесъ.*

Такъ, по мнѣ, бываетъ пьяный
 Тотъ, кто при зарѣ румяной,
 Видя море, небеса,
 Горы, водопадъ, лѣса,
 Въ часъ волшебный пробужденья,
 Богу гимнъ всего творенья,
 Въ нихъ читаетъ, и душой
 Повторяетъ гимнъ святой,
 Отъ земнаго отдѣляясь,
 Свѣтлой вѣрой озаряясь,
 И летя въ надзвѣздный міръ,
 Гдѣ души его кумиръ!...
 Такъ бываетъ пьянъ влюбленный;
 Тотъ, кто думъ сокровенной,
 Всѣмъ надеждамъ, что питалъ,
 Въ первый разъ свободу далъ,
 Въ первый разъ изрекъ признание,
 И находитъ: состраданье,
 Всѣмъ мечтамъ души — отвѣтъ!
 Такъ бываетъ пьянъ — поэтъ!
 Увлекаясь вдохновеньемъ,
 Проникая съ дерзновеньемъ

Будущихъ временъ туманъ!
 Такъ, Кристофъ Колумбъ былъ пьянъ,
 Новый свѣтъ искать пустившись,
 И мечты своей добившись
 Какъ увидѣлъ Америкъ!
 Пьянство, данъ ле танзъ антикъ,
 Было то, что вдохновенъ,
 Что суетъ земныхъ забвенъ;
 Что надежда, что любовь!...
 Волновалась сильно кровь,
 Цѣпи жизни всѣ слагались,
 Двери неба отворялись!
 Бахусъ богъ, же ле консуа,
 Былъ тогда въ чести.

Пуркуа

Нынче пьяницы такъ глупы!
 Посмотрите эти группы,
 Что при кабакахъ у насъ!
 У иныхъ — подбитый глазъ,
 Тотъ, кричить, какъ угорѣлый,
 Того рветъ, а тотъ не смѣлый,

Пробираясь по стѣнѣ, до змочѣ въ отъ
 Спотыкается. Однѣ отъ отъ, ажъ отъ
 Отвратительныя сцены! и аен аэялнѣ.
 А всей этой перемѣны, ииэтѣлѣ, иэвѣ
 Между нами, кто *фотифъ*? — вѣлѣтѣ
 Вѣкъ нашъ — слишкомъ *позитифъ*. И
 Жалко, жалко, жалко, жалко, жалко, жалко
 Но вотъ публику впускаютъ, ииэтѣлѣ
 Въ кабинеты; — ожидаютъ, т ахрѣтѣ
 Что увидятъ энъ *трэзоръ*, ииэтѣлѣ
 А находятъ: въ первомъ, вздоръ —
 Вазы, ковшики, и блюда, ииэтѣлѣ
 (Все непрочная посуда), ииэтѣлѣ
 Анъ теръ кюитъ ле вазъ *этрюскъ* ииэтѣлѣ
 Были рѣдки только *жюскъ* ииэтѣлѣ
 Не узнали мы фарфора, ииэтѣлѣ
 И фаянса, и для вздора, ииэтѣлѣ
 Для такого, — кабинетъ!... ииэтѣлѣ
 Глупо такъ, что мочи нѣтъ!... ииэтѣлѣ
 Интереснѣе, ииэтѣлѣ
 Кабинетъ *де бронзъ* за этимъ, ииэтѣлѣ
 Интереснѣе; замѣтимъ, ииэтѣлѣ

Что *ле* бронзъ былъ въ старину,
 То же, что чугуны *ше* нынѣ.
 Лились изъ него, кастрюльки,
 Вазы, дѣтскія бирюльки,
 Стулья, каски, *ле* кирасы,
 Монументы, какъ у насъ,
 И статуи полководцевъ,
 Даже краны для колодцевъ;
 Сверхъ того, старинный міръ
 Олицетворялъ кумиръ
 Всѣхъ страстей, всѣхъ упованій,
 Наслажденій и желаній,
 Гнѣвъ, обжорство, красоту,
 Иль *и* *аве* *де* *Дье* *пуръ* *ту*! —
 И фантазьи той затѣйной,
 Былъ всегда заводъ литейный,
 Сколько видно, *отре* *фуа* —
 Фурнисёръ, — *воля* *пуркуа* —
 Столько бронзовъ. — Тутъ Венера,
 Тутъ доспѣхи кавалера,
 Тутъ жаровня, тутъ *эркюль*,
 Тутъ котелъ, тутъ *шезъ* *кюрюль*;

Здѣсь двѣ группы на колоннахъ,
 Здѣсь престранный, въ панталонахъ,
 Въ круглой шапкѣ, анжисабоги глгд
 Энъ Эркюль, к'онъ ди тре бо, деелен Н
 Я не вижу; — но прелестный поллонА
 И весьма, весьма извѣстный в ази гд
 Жанболонья здѣсь Меркюръ: фси глвТ
 Точно мысль, же вузъ асюръ, овинноП
 Творческая, мысль поэта, твм йондгд
 Въ мигъ волшебнаго излета рддддддд
 Изъ души, какъ дивный звукъ! н гд
 Выпалъ сакъ увражъ изъ рукъ глвд
 У меня, отъ удивленья; вмддд эрннН
 Столько жизни въ немъ, движенья! А
 Такъ онъ легокъ, элансе! дддддддд
 Ну де ла же сви паса глвд глншвдТ
 Въ кабинетъ дела Ниобе. жоннмн отг
 Интереснѣйшія обѣ: ндддд отот гжУ
 Мать и дочка. Лонъ дуре, гд, рддд гд
 Что ле мраморъ ва плере! н глгдддддО

Нѣтъ поэзы, нѣтъ искусства
 Передать такія чувства,
 Какъ ихъ выразилъ скульпторъ!
 И нельзя, не дать ле торъ
 Аполлону и съ Діаной, —
 Въ ихъ жестокости поганой,
 Такъ всѣ жертвы хороши!
 Понимаешь отъ души
 Бѣдной матери страданье,
 Дезеспуаръ ея, воззванье
 Къ непреклоннымъ небесамъ!
 Слава Богу! чудесамъ
 Нынче время миновалось;
 А что въ старину случалось,
 Ма пароль, с'етъ энкроябль!
 Боги не были бонъ дьябль;
 О контреръ, всегда сердиты.
 Страшны были ихъ визиты!
 Кто немножко не по нихъ,
 Ужъ того гляди, что въ мигъ
 Въ гуся, въ дерево, въ лягушку
 Обратятъ, или въ кукушку;

А пожалуй, и иной
Не уйдетъ отъ нихъ, живой.

Тутъ мы въ залу *де Барочи*

Перешли; — прельщаютъ очи

Все картины *манификъ*,

И *эиъ* столъ *де мозаикъ*;

Всѣхъ видишь: *ла Мадонна!*

По середкѣ небосклона

Удивительный *боте*;

А подъ нею *шарите!*

Въ разныхъ видахъ, тутъ мальчишка,

Тутъ паскудный старичишка,

Тутъ съ ссбакою слѣпецъ,

Тутъ больной; а тутъ купецъ,

Принеся для этихъ бѣдныхъ,

Нѣсколько копѣекъ мѣдныхъ,

Раздаетъ ихъ; *дезъ анфанъ*

На колѣнахъ; *леръ маманъ*

Заставляетъ ихъ молиться,

А имъ хочется рѣзвиться,

Поиграть *авекъ ле шьенъ*

Де л'авегль; се треібенъ, —
 Натурально такъ, что чудо

Тутъ еще весьма не худо:
 Пастырей, волхвовъ визитъ,
 Данъ ла нюи, фонарь горитъ,
 И лампадочка въ кивотѣ;
С'е Жерардо дела Ноте.

Тутъ, Корреджева *Мадленъ*,
 Право, эль ме фе д'ля пенъ
 По причинѣ туалета:
 Даже слишкомъ ужъ раздѣта;
 Для Святой, са не во па
 Выставлятъ такъ сезъ апѣ.

Славный Вандикъ, въ шубѣ волчьей;
Сентъ Сесиль де Карло Долче,
 Мантия, ваза и тюрбанъ.
 Но всѣхъ лучше де л'Альбанъ
 Здѣсь табло; молиться тянетъ
 Всякаго, кто только взглянетъ,

Отъ всей сердца теплоты.
Отрокъ, дивной красоты,
Нашъ Спаситель, среди сада.
Я божественнѣе взгляда
Не видала: къ небесамъ,
Руки поднялъ Онъ, — и Самъ,
Кажется, творить моленье!
И святое вдохновенье,
И любовь въ его чертахъ,
И молитва на устахъ!
Херувимчики витаютъ
По деревьямъ, — и внимаютъ
Благовѣстью ихъ Царя!
Это точно, какъ заря
Дня всемірнаго спасенья, —
Дня на вѣкъ безъ захожденья!

Тутъ двѣ залы *де портре*.
Ну ужъ, *ву ме перметре*,
Это *круты* большей частью.
Да и рожи-то, къ несчастью,
Незавидны. Албертъ Дюръ

Препасквильная *фигюръ* ;
 Голбейнъ, также некрасивый ;
 Рембрантъ, видно былъ плѣшивый,
 Въ шляпѣ сдѣдалъ свой портретъ ;
 Караваджо, Тинторетъ,
 Ле Жоржоне, ле Басано,
 Сальваторъ, Лука Жордано,
 На одинъ почти фасонъ ;
 Рюбенсъ *тре жолі гарсонъ* ;
 Рафаэль хорошъ, недуренъ,
 Мишель Анжо, но нахмуренъ ;
 Ме пуръ л' Аннибаль Карашъ,
 Право, *лонъ дуре к'иль крашъ* ,
 Какъ живой ; Лука Кимбіазый
 Черезъ-чуръ ужъ лупоглазый ;
 Жанъ Беллини старъ, смѣшенъ,
 Здѣсь, горбунъ и пресмышленъ,
 Межъ цвѣтовъ себя представилъ,
 Горбъ свой скрылъ, одну оставилъ
 Рожу только, *воалъ ту* ;
 Могъ бы спрятать онъ и ту,
 Не бѣда бы ; но *экстаза*

Здѣсь весьма достойна ваза
Медицисъ, *ке л'онъ апельъ*;
Велика, *са формъ э бель*,
И изваяны фигуры.
Торжество, *временъ*, скульптуры! —
Ты куда ни поверни,
Сакрифисъ д'Ифизени
Все ты видишь. — Въ другомъ залѣ
Также на пѣдесталѣ,
Ла Венера акрупи;
Говорятъ, *с'етъ юнъ копи*,
Но довольно миловидно;
Маловата, тѣмъ обидно;
Для статуи же *суатре*
Поплотнѣе *лезъ атре*.
А легка для переноски!

Но что зрю! *Мусье Бріоски*,
Русскій нашъ *ресторатеръ*,
Академикъ, аматеръ,
Удостоенъ здѣсь *портрета*;
И каковъ же? Съ *Тинторетомъ*

На одной висить стѣнѣ;
Чай, не грѣзилъ и во снѣ!

Тутъ старинныя скульптуры.

Эти первыя фигуры,

Три Венеры : *ла пюдикъ*,

Женитриче и *мистикъ*,

Схожи всѣ, довольно голы,

И одной какъ видно школы.

Тутъ Меркурій *анъ репо*,

Съ крыльями его шапо.

А онъ голъ, имѣетъ грацію;

Онъ мнѣ произвелъ *сенсацию*,

Признаюсь. А тутъ лежитъ,

Говорятъ : *л'Эрмофродитъ*, —

Что такое, я не знаю;

Омъ и *фамъ*, не понимаю;

Знать эмблема, но чудна!

Говорятъ мнѣ *к'иль й ан а*.

А у насъ на бѣломъ свѣтѣ, —

Толковать про вещи этѣ

Дамъ не весьма *перми*.

Тутъ въ чуланѣ: *де мой*,
 И Египетскія рожи,
 На игрушки тѣ похожи,
 Что въ Ростовѣ продаютъ.
 Для чего ихъ берегутъ,
Жен се па. — Еще фигура
Дэнъ Эркюль; что за натура!
 Въ колыбели онъ, дитя,
 Задушилъ змѣю шутя!
 Тутъ два Пута, два амура,
 А тутъ маска, — ужъ фигура!
 Только что пугать дѣтей.
 Старина полна затѣй.
 Здѣсь *ла скуола Венецяна*,
 И *шедѣвры* все Тицьяна.
 Первый обращаетъ взоръ
 Его чудная *ла Флоръ*;
 У нея въ рукахъ цвѣточки,
 А на ней, oprичь сорочки,
 Ничего; *ме кель детайль!*
 Какъ рисуется *са тайль!*

Точно будто бы живая,
 Вся весной благоухая.
 Все въ ней нѣга, все краса,
 Шея, плечи, волоса,
 Се бо бра, REGARD, улыбка;
 Только есть одна ошибка,
 Энъ Англе мнѣ говорилъ,
 Что сорочку не спустилъ
 Онъ пониже; я согласна.
 Сантъ фамиль еще прекрасна
 Дю Тицьянъ; кель бель и мажъ
 Поля Веронецъ ле Мажъ!
 И еще два, три портрета,
 Да Сантъ сцена Тинторета, —
 И конецъ де се коте.

Виз а ви, ла рарете,
 Кабинетъ галантерейный,
 Пребогатый, презатѣйный!
 Ле бизу старинныхъ дамъ:
 Дезъ оазо анъ филограмъ;
 Да въ оправахъ блюда, стклянки; —

Но толпой тутъ Англичанки
 Съ ихъ мужьями, а тутъ ерѣ,
 Точно будто а демерѣ,
 И не могутъ оторваться;
 Даже мудрено пробраться
 Между ними въ кабинетъ;
 А тутъ, парѣ десю лерѣ тетѣ,
 Ты гляди, коль могъ добиться.
 А чтобъ имъ посторониться,
 Мѣсто дать, — и не мечтай,
 Хоть проси ихъ, хоть толкай!

Тутъ ла саль эколь Французской;
 Но пріятно какъ для Русской:
 Бюсть прекрасный тутъ стоитъ
 Александра; тотъ же видъ
 Кроткій, добрый, незабвенный!
 Александръ благословенный,
 Всей Европы былъ кумиръ;
 Даровалъ Онъ ей тотъ миръ,
 Кѣмъ искусство процвѣтаетъ.
 А какъ Русскій вспоминаетъ

Это время, — на аршинъ
 Выше станетъ. Ж'имажинъ,
 Что Мемнона бюстъ извѣстный
 Отъ того, что интересный
 Звукъ давалъ какъ звуки лиръ!
 Звуки были сувениръ.
 А здѣсь что за воспоминанья!
 И дальнѣйшія преданья,
 Внукамъ ихъ передадутъ.
 К'онъ с'апрошъ э к'онъ экутъ.
 Бургиньона тутъ компанья,
 Тутъ Филиппа де Шампанья,
 Кажется, Сюлли портретъ;
 Тутъ Мазепа де Вернетъ;
 А вотъ этотъ, возлѣ двери,
 Фаброва портретъ Алфьери;
 Тутъ Миньярдъ, а тутъ Вато;
 Ну, уже совсѣмъ не то,
 Что *питура дей маэстри*!
 Эти всѣ *уиъ поко* пестры,
 То есть, яркіи колори,

И немножко попури.
 Клодь Лоренова питура
 Отрё шозъ; ему натура
 Весь открыла свой секретъ.—
 Но за то его тутъ нѣтъ,
 А висить въ другой онъ заѣтъ,
 При Поль-Потрѣ и Рюйздалѣ.
 Тутъ, какъ сводный эскадронъ;
 Де табло мовезъ э бонъ,
 Разныхъ школъ, эпохъ, манера,
 Мьериса, Голбейнъ, Теньера,
 Джюто, Кранахъ, Петеръ Нёвъ.
 Славно какъ представленъ гнѣвъ
 На щитѣ, въ лицѣ Медузы;
 Парикмахеры Французы,
 Хитрецы, но про куафюръ,
 Какъ у ней, же вузъ асюръ,
 Не имѣютъ и идеи;
 Вмѣсто доконовъ всё змѣи!
 Что куафюръ а ла шинуазъ,
 Папильонъ, эпи, франбуазъ,

Вишни, башни, винограды,
 Флеши, діядемъ, торсады,
 Кокелисы де Пари?
 Нѣтъ, — змѣями уברי
 И къ лицу, — чтобы пристало,
 Какъ къ Медузѣ. Толку мало
 Впрочемъ: таковой парикъ
 Могутъ счесть и за критикъ
 Наши дамы; и признаться,
 Есть охотницы кусаться,
 Хотя змѣй ихъ не видать.
 Лучше ихъ не называть;
 Щекотливы эти струны.

Вотъ дошли мы до Трибуны.
 Ла Трибюнъ, ке се ке се?
 Я подумала, и всѣ
 Диксіонеры разобрала
 Понапрасну; не сыскала.
 Должно быть, с'етъ юнъ шапель,
 Юнъ часовня, гдѣ мамзель,
 И дитя пустить спокойно

Можно; все благопристойно,
 Всё приличье, всё десансь,
 Говорить такъ ле боиъ сансь:
 Благочестное собрание,
 Такъ святое и названье!
 Съ этой мыслью я вхожу —
 Изумилась, и гляжу:
 Голая стоитъ Венера,
 А при ней два гладьтера,
 Также каждый безъ штановъ,
 Безъ рубашки, и таковъ,
 Ну.... какъ мать на свѣтъ родила! И
 Я бы дочку не пустила;
 Не пустила бъ и жену,
 Мужъ была бы, антръ ну,
 Только такъ, изъ опасенья,
 Все боялась бы сравненья!
 Вѣдь не всякій сюръ л'антикъ
 Мужъ скроенъ; иной старикъ —
 Косолапъ, другой — горбатый,
 Тотъ толстякъ, а тотъ косматый;
 Ну, покудова одинъ

Купидонъ онъ, — господинъ;
 Взялъ жену и щеголяетъ,
 Про другихъ жена не знаетъ,
 Отъ супруга безъ ума;
 На безлюдь и Ома
 Дворянинъ! Тутъ Англичанки,
 Нѣмки, Русскія дворянки, —
 Только слышишь: ахъ ма сѣръ!
 Какъ прекрасенъ гладьятѣръ!
 То ли мой Егоръ Матвѣичъ,
 Или твой Степанъ Андреичъ?
 И въ подметки не пойдутъ!
 Се сонъ дезъ уродъ! и тутъ
 Брачную теряютъ вѣру.
 Мужъ покудова Венеру
 Разбираетъ: кель жену!
 Что за грудь! а какъ жену
 Дома вечеромъ увидить,
 Сталь ровнять, и разобидить.
 Почему же ма Трибюнъ
 Назвали? По мнѣ, с'етъ юнъ
 Западня для брачныхъ узовъ,

Вѣрно выдумка Французовъ,
 Седюктёровъ, пуръ гате
 Нашихъ дамъ фиделите.

Двѣ безстыдницы, Венеры
 Де Тицьянъ, ужъ свыше мѣры
 Обнаженныя, висятъ
 На стѣнѣ; здѣсь ищетъ взглядъ
 Отъ разврата обороны, —
 И находитъ двѣ Мадонны
 Рафаэля; всѣ черты,
 Дивной неба красоты,
 Такъ невинны, благодатны
 Имъ какъ будто непонятны
 Свѣта козни, зло, развратъ;
 Обѣ такъ онѣ глядятъ,
 Будто бы зовутъ съ собою
 Въ небеса, и чистъ душою
 Взглянетъ только кто на нихъ, —
 Пылъ страстей затухнетъ въ мигъ,
 Все земное исчезаетъ,

И молитва излетаетъ
 Изъ души, какъ оиміамъ!
 Рядомъ тутъ, еще мадамъ
 Рафаэля жъ: Форнарина!
 Безподобная картина;
 И цѣны ей кто не дастъ!....
 Но съ Мадоннами — контрастъ!
 Точно Нимфы и Циклопа!
 С'етъ юнъ фамъ, комъ иль не фо па.
 Славная тутъ Эродьядъ
 Де Луини; говорятъ,
 Копья Леонарда Винче,
 А оригиналь гдѣ нынче?
 Подивитесь! ж'имажинъ,
 Между Мятлевскихъ картинъ!
 За Трибуной еще зала,
 И конецъ. Тутъ отыскала,
 Я знакомый мнѣ сюжетъ:
 Притчу, сказку древнихъ лѣтъ!
 Съ Пютифоршей сладострастной

Иосифъ борется прекрасный!
 Веронезъ орижиналь;
 Но гдѣ этого мораль,
 И какой урокъ мамзели?
 Я не вижу въ самомъ дѣлѣ,
 А учить велятъ всегда.

Вотъ картина хоть куда:
Се ле Лембъ, рай простодушныхъ,
 Добрыхъ женъ, мужей послушныхъ,
 Невоспитанныхъ ребятъ,
 Всѣхъ, на комъ не тяготятъ
 Ни грѣхи, ни преступленья;
 Но про коихъ похощенья
 Не сказать добра, ни зла,
 Анъ энъ мо: какъ отъ козла,
 Какъ Французы переводятъ,
 Намъ когда примѣръ приводятъ,
 Ни дю ле, ни де ла лень!
 И признаться нонъ санъ пенъ,
 Въ свѣтѣ таковыхъ не мало,
 Есть и будетъ и бывало!

Жюль Рюмень изобразилъ,
Какъ Господь ихъ воскресилъ.
Лица всѣ у нихъ овалны;
Очи точно какъ хрустальны,
Брови правильной дугой,
Носъ почти у всѣхъ прямой,
Подбородокъ кругловатый,
И отчасти длинноватый;
Бѣлокуры волоса;
Бѣлы, жирныя мяса,
Прерумяныя ланиты,
И уста полуоткрыты!

Но картинамъ всѣмъ вѣнецъ
Бертинелли молодецъ.
Здѣсь поставилъ родъ букета,
Какъ пришла Елизавета
Въ домъ Маріинъ, и душой,
Съ вѣрой теплой и живой,
Благодатную встрѣчаетъ;
Къ персямъ нѣжно прижимаетъ,
И ужъ взоромъ говоритъ,

Что звѣзда волхвовъ горитъ,
 Что родится въ міръ Спаситель,
 Зла и смерти побѣдитель,
 Что уже разыгрался въ ней
 Тотъ младенецъ, Моисей,
 Илія второй, предтеча!
 Звонъ Божественнаго вѣча
 Слышится въ картинѣ сей;
 Откровенье дышитъ въ ней.
 Благодатная внимая,
 Благовѣстью, и смирая
 Духъ сомнѣнья предъ Святой
 Волей Господа, съ мольбой
 Точно къ небу обратилась!
 Не хотя перекрестилась
 На картину, и пошла
 Я домой скорѣй. Вола
 Три часа какъ здѣсь гуляю,
 Все шедевры разбираю,
 Надобно же знать и честь!
 Да и хочется поѣсть,

Въ животѣ бурчить; не худо
 До котлеточки, — вотъ чудо!
 Только вышла сюръ ла пласъ,
 Задержалъ опять экстазъ,
 Предъ Нептуновой фонтеной.
 Всѣ обрызганные пѣной
 Кони борзые въ водѣ;
 А при нихъ, какъ будто де
 Палфренье, Тритонъ, стремятся
 Удержать ихъ, и боятся,
 А Нептунъ ле дѣе де меръ,
 Поднялъ свой триданъ анъ меръ,
 Къ пробужденію Тамнета,
 Какъ Гомеромъ то воспѣто,
 Кажется, данъ л' Одисей.

Но вотъ прелесть: ле Персей!
 Что за чудное творенье,
 Что за станъ, за выраженье!
 Винкельманъ о немъ сказалъ:
 Мужества вотъ идеаль!
 Точно, грудь его открыта

Какъ Рампаръ, и какъ сердита глѣдъ
 Вся позиця! берегись! —
 Врагъ сдавайся и смирись!
 Твердою какъ онъ рукою
 Держить мечъ, и какъ другою
 Кажеть голову, что имъ.
 Отнята! О же л'эстимъ!
 На добру же, для бѣды твоей.

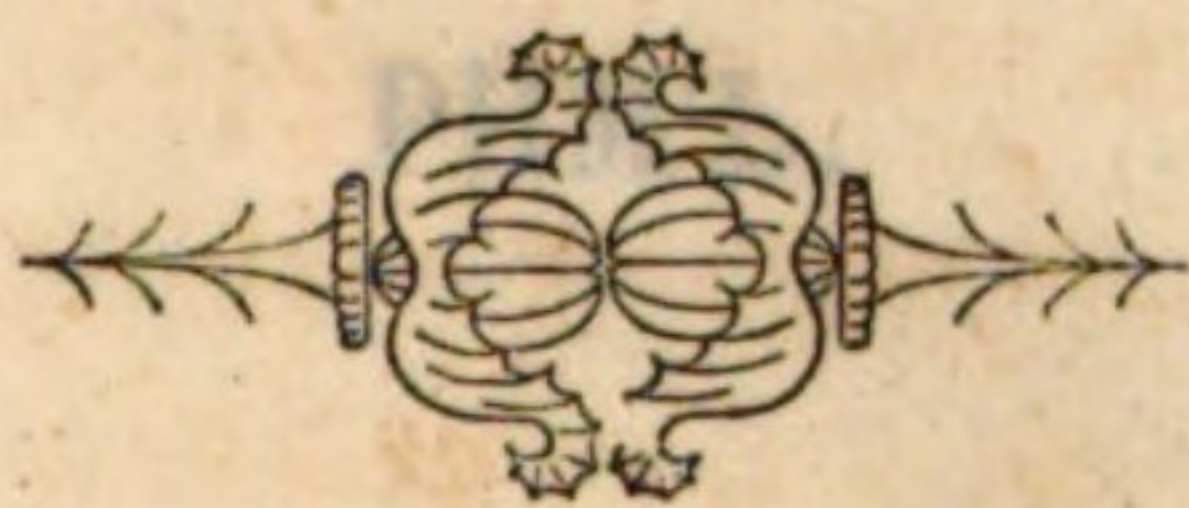
Но здѣсь прелести всѣ въ ложѣ.
 Этотъ раптъ Сабинокъ тоже
 Энъ шедѣвръ де ла скульптуръ.
 Какъ согласны ле фигуръ,
 Композиця какъ богата,
 Сила какъ видна солдата!
 И дезиръ де поседе,
 И въ ней, мысли де седе
 Ужъ мелькають средь испуга,
 Поняли они другъ друга;
 Но какая въ ней краса!
 Какъ віются волоса,
 Какъ она легка, игрива,
 Какъ должна быть щекотлива,

Какъ боится, комъ ель при! —
 А жену — се ле мари?
 Бѣдный, какъ убить онъ духомъ!
 Плетъ не справится съ обухомъ,
 Какъ ни силъся.... Но пора
 Мнѣ домой. Комъ онъ вудра,
 Набралася я сенсацъи.
 На свой пай.
 Двѣ invitaцъи
 Лонъ лакей мнѣ подаетъ:
 А дине меня зоветъ
 Пренсъ одинъ и окурдъи же
 Команъ феръ? Когда бѣ въ Парижѣ,
 Я достала бы де флеръ,
 Дезъ аби, э де тальеръ,
 И сейчасъ была бѣ одѣта
 Комъ иль фо; но какъ Анета
 Здѣсь успѣтъ? Се бьенъ таръ!
 Все равно, а ту газаръ,
 Постараться.... А другая
 Инвитацъя-то какая?

Отъ кого и пуръ кель журъ?
 А демень энъ баль де куръ;
 Время есть распорядиться,
 Но теперь поторопиться.
 Хоть ле пренсъ и тре бравъ омъ,
 Но онъ былъ уже посломъ
 При дворѣ Наполеона,
 Надобно же, для бонъ тона,
 Мнѣ имѣть юнъ робъ а тренъ.
 Де бизу, де плюмъ; а пейъ!
 Же ле танъ, но вивъ, Анета!
 Славно я опять одѣта,
 Платье чудо, де в'луръ розъ,
 И подъ цвѣтъ, какъ разъ пришлось;
 Домино мое — скроили
 Анъ тюникъ, и отпустили
 Хвостъ, почти что на аршинъ;
 А тутъ анъ крепонъ де шинъ
 Фалбала и гарнитуръ,
 И нарочно, для фигуры,
 Выбрали мы амарантъ,
 А на головѣ гирландъ

Бѣлыхъ розъ; вокругъ щиньона,
 Де каме, три медальона,
 Жемчуги, э де коро,
 И большущее перо.
 Аметисты, малакиты
 По всей талии нашиты;
 Башмаки кулеръ де паль,
 Де ганъ бланъ, энъ эванталъ!
 Ну, ужъ въ этомъ туалетѣ
 Хоть куда! Но вещи эти
 Видны только что у насъ!
 Захотѣлось, и какъ разъ!
 Что куаферы, что модисты?
 Русскіе родясь, артисты!
 Русскій только что возьмись,
 Иль фо ке са реюсись.
 Кучеръ въ повара назначень,
 И обѣдъ весьма удаченъ,
 Во второй иль въ третій разъ.
 Да и то ль еще у насъ!
 А Кулибинъ нашъ? а Власовъ?
 Плотники безъ ватерпасовъ!

Строятъ, просто топоромъ!
Но адье! *же везъ а Ромъ!*
Миѣ въ Флоренцыи надоѣло,
И кому какое дѣло, —
Какъ происходилъ обѣдъ!
Эка важность! *се си бетъ.*

Строить, просто топором!
 Но вдре! все вдре! вдре!
 Мне в Форених надо!
 И большущее — о! о! о!
 Аисты! о! о! о!
 По всей тали! о! о! о!
 Башмаки кулер! о! о! о!
 Де лант блант! о! о! о!
 Ну, ужь в этом тудет!
 Хоть кула! Но вдре!
 Видны Видны
 Захотелось, и кудет!
 Что куачеры, что модисты!
 Русские родясь, артисты!
 Русский только что возмиску!
 Иль фо же сн релосис!
 Кучеръ въ повара иленичъ,
 И обѣдъ всѣмъ улаченъ!
 Во второй иль въ третій разъ,
 Да и то, и еще у насъ!
 А Кулибинъ нашъ? а Ватсонъ!
 Илюгики безъ ватерисеонъ!

РИМЪ.

PHIP.

Она пришла вон проситъ...

IX.

РИМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Воатюрье! стой минутку!
 Ты везешь не Алеутку;
 Поклониться дай же мнѣ
 Рима славной старинѣ!
 Да и самъ сними-ко шляпу!
 Въ Римѣ ты увидишь Папу;
 Онъ грѣхи твои проститъ!

Ну, увре карось плю витъ!
Дамъ разгулъ и мажинацы!
Вы, явитесь, мнѣ Горацы!
Ты, Катонъ! ты, Манліусъ!
Ты, Ньюма Помпиліусъ!
Ты, жеманная Лукреція!
Маскарадная Венеція,
Никогда не поняла,
Отъ чего ты умерла!
И у насъ не понимаютъ!
Тѣ же случаи бываютъ
Иногда; ме с'етъ эгаль;
Не хоронимъ мы Весталь,
Я сама.... но вотъ куполя
Де Сенъ Пьеръ, вотъ capitoля;
Знаменитая гора, —
Вотъ весь Римъ! ура! ура!

Какъ люблю я Римлянъ племя;
Какъ люблю все это время
Героизма, дю куражъ!
Миновалось, — се домажъ!

Римскій былъ народъ пресильный,
 Славой, фактами обильный,
 А теперь онъ очень слабъ;
 Командиръ у нихъ ле Папъ,
 Старичекъ, и легіоны
 Капуциновъ; батальоны —
 Де монахи бланжъ э нуаръ;
 Гдѣ дѣвалась ла глуаръ?
 Цинциннаты гдѣ, Нероны?
 Сохранились чичероны
 Только, древности любя,
 Чтобы съ толку сбить тебя;
 И доказывать по справкѣ,
 Гдѣ трактиры, бани, лавки
 Находились у Римлянъ;
 Гдѣ ихъ Преторскій былъ станъ,
 Гипподромы, акедюки;
 Всѣ извилины науки
 Перейдутъ нуръ ариве,
 Только, а не рьенъ пруве.
 Напримѣръ: мусье Висконти
 Тамъ, гдѣ Тринита ди Монти,

Говорить, былъ Авантенъ
 Или Моитъ Капитоленъ,
 Ошибаешься, мейнъ либеръ,
 Авантенъ былъ тамъ, гдѣ Тиберъ!
 Говорить наперекоръ
 Мусье Бунзе, и анкоръ;
 Не доказано на-вѣрно,
 Гдѣ клоакъ максимъ, ситерна.
 Въ третьей книгѣ Титоливъ,
 Ее ставить межъ оливъ;
 А Саллустъ и Діонъ Кацій
 Полагаютъ межъ акацій.
 Преученый разговоръ!...
 А ты слушай этотъ вздоръ
 Здѣсь про каждую руину
 И вниманья дѣлай мину;
 А то скажутъ: кель домажъ—
 Сетъ мадамъ этъ юнъ соважъ!
 Не допуститъ Курдюкова,
 Такъ задѣтъ гонеръ Тамбова;
 Я сама готова имъ

Понаговорить про Римъ,
 Все, что съ молодю узнала
 И въ Милотѣ почерпала.
 У насъ каждое дитя,
 Перескажетъ имъ, шутя,
 Кто былъ Ромулъ, кто Тарквиній,
 Кто Каллигула, кто Плиній;
 А ужъ вѣрно про своихъ
 Станетъ въ пень любой изъ нихъ!

Виновато воспитанье
 Де мадамъ! Вотъ начертанье:
 Наизусть, *л'истуаръ Роменъ*,
 Твердо *жюскъ а Константенъ*,
 Всей Европы географья;
 По-Французски ортографья;
 Крошечку аритметикъ,
 Рисованья и *мюзикъ*.
 Съ этимъ барышня Тамбова,
 Хоть къ вѣнцу совсѣмъ готова,
 А ужъ больше не проси,
 Особливо про *Рюси*!

Ну, теперь поѣдемъ, ладно!
 Сердцу сдѣлалось отрадно;
 Я готова въѣхать въ Римъ,
 Точно будто бы къ своимъ.
 Вотъ я сюръ ла пласъ дю Пёнель;
 Но, ей, ей! совсѣмъ не тепель
 Ле клима де л'Итали!
 На мнѣ платье де шали,
 Куцовейка, и фуфайка,
 А озябла! Ну, ступай-ко!
 Нѣтъ, нельзя: здѣсь а ла портъ
 Разбираютъ мой паспортъ,
 Нѣтъ ли, дискать, карбонарства!
 Что за разныя мытарства
 Суждено переходить,
 Чтобъ Италию посѣтить!
 Вотъ несется кавалькада
 Дезъ Англе! Что за досада!
 Видно ихъ вездѣ найдутъ;
 Какъ грибы они растутъ
 Во всѣхъ уголкахъ Европы;

Право, эти филантропы, много
 Я въ восьмой уже трактиръ,
 Адресуюсь, — нѣтъ квартиръ,
 Заняты! Въ моей судьбинѣ,
 Знать, марке на бабуинъ,
 Ночь мнѣ провести кой-какъ,
 Анъ вуатюръ сюръ ле бивакъ.

Наконецъ въ четвертомъ пьянъ,
 Въ тѣсномъ маленькомъ чуданѣ,
 Я нашла себѣ приютъ.
 Но на сутки не даютъ,
 И найми на всю недѣлю.
 А едва, едва постелю
 Мѣсто есть постановить;
 Что же дѣлать? такъ и быть!
 Я легла бы и въ анбарѣ.

Утромъ рано, Пиферари,
 Прославляя ла Мадоннъ,
 Потревожили мой сонъ;
 На волынкахъ загудили,

Какъ Чухонцы, разбудили
 Такъ, что не могла заснуть.
 Вышивъ дю кафе, я въ путь
 Видѣть рѣдкости пустилась.

Жюскъ о Форумъ дотащилась,
 Взявъ наемный экипажъ;
 Тутъ антиковъ ассамбляжъ:
 Ворота Септимъ Севера,
 Храмъ Тонанто Жюпитера,
 Храмъ большой де ла Конкорды,
 Безъ окошекъ, э санъ портъ;
 Храмъ Фавстины наипаче,
 Славный Темпыо делла Паче
 Обращаетъ ле регаръ,
 Потому что очень старъ!

Здѣсь, когда Французы были,
 Много рѣдкостей отрыли;
 Ме — ле Папъ э санъ аржанъ,
 Какъ ни будь онъ эндюлжанъ, —
 Ужъ теперь не покупаютъ

Не пардонъ, а согрѣшаютъ эти
 Христіане пуръ леръ контъ,
 Не платя за то; кель гонтъ!
 Тутъ еще руинъ юнъ свита;
 А тутъ ворота де Тита,
 Что плѣнилъ Іерусалимъ,
 И Жидовъ отправилъ въ Римъ
 На потребу Веспасьяна.

Волей этого тирана,
 Былъ построенъ Колизей;
 Онъ одинъ, еще во всей
 Древней красотѣ остался,
 И мнѣ очень показался.
 Тутъ театръ былъ въ старину.

Но не вижу, антре ну,
 Становились гдѣ кулисы.
 Тутъ актеры и актрисы
 Были звѣри; гладьтеръ
 Съ ними дрался, — кель орреръ!
 Этимъ Римляне досадны,
 Что ужасно кровожадны;

Болѣ всего на кровѣхъ, любови
 Обращалась ихъ любовь,
 Гладятеры умирали: отъ всѣхъ
 Въ мукахъ; но рукоплескали
 Лишь тому, кто авекъ графа
 Свой встрѣчалъ послѣдній часъ!
 Больше всѣхъ смѣялись дамы,
 Вѣроятно, мелодрамы
 Здѣсь, мусье Гюго Викторъ,
 Первый взяли свой эсортъ,
 Точно, въ нихъ какъ не заколютъ
 Шестерыхъ, не приневолятъ
 Человѣкъ пять выпить ядъ,
 То готовы освищать
 Но что это за руина?

Но что это за руина?
 Безподобная картина
 Вечеромъ, когда луна,
 Молчалива и блѣдна,
 Въ небѣ голубомъ гуляетъ,
 И въ аркады проникаетъ!
 Тутъ шумитъ время рѣка;

Дуновенье вѣтерка,
 О минувшемъ навѣваетъ;
 И какъ будто отдѣляетъ
 Душу отъ земныхъ оковъ!
 Говоръ слышится вѣковъ!
 Это зданье — жертва рока,
 Точно какъ глаголь пророка
 Говорить: не уповай
 На величье, на случай:
 Все погибнетъ, все истлѣетъ!
 И душа, какъ разумѣетъ
 Опустѣлость этихъ мѣстъ!
 И въ середкѣ этотъ Крестъ,
 Побѣдитель разрушенья,
 Предвѣщатель Воскресенья!
 Здѣсь, въ гоненья времена,
 Вся земля обагрена
 Кровью мучениковъ вѣры,
 Разогнались, какъ химеры,
 Какъ при вѣтрѣ облака,
 Тѣ минувшіе вѣка,
 Блескъ диктаторовъ, ликтеры,

Консулы и гладьтеры.
 Пролетѣвшій этотъ сонъ
 Нѣкогда Наполеонъ
 Здѣсь возобновить старался;
 Но и самъ, какъ дымъ промчался!
 Крестъ остался невредимъ!
 И стоитъ непобѣдимъ!

Но взглянуть бы на *Сенъ-Пьера*.
Се матенъ, безъ антикера
 Мнѣ хотѣлось бы туда.
 Антикеры мнѣ бѣда:
 Право, хуже нѣтъ мученій
 Мнѣ, готовыхъ впечатлѣній!
 Это точно, какъ *санъ гу*
 Приготовленный *рагу*;
 Какъ очки съ чужаго носа;
 Какъ Корнельюса Непоса
 Переводъ *данъ лезъ эколь*;
 Это скучно, *ма пароль*!
 Я хочу, чтобы душою
 Было найдено самою,

Что прелестно, хорошо.
 Чтобы крикнулось: *се шо!*
Се сюпербъ! *се* безподобно!
 И тогда уже подробно
 Кликались бы сувениръ.
 Такъ смотрѣть, с'эть энъ plezierъ.
 Но вотъ монументъ гигантскій!
 На подобіе Казанской,
 Вкругъ его ряды колоннъ
 Съ двухъ поставлены сторонъ!
 Двѣ прекрасныя фонтены,
 Плещутъ воду не безъ пѣны;
 Ла фасадъ, и ла террасъ,
 И еще украшенъ пласъ
 Обелискомъ изъ Египта.
 Обелискъ родъ манускрипта.
 Можетъ быть — а бефъ Аписъ,
 Тутъ написано: — молись!
 Апропо бы былъ чудесный,
 Но языкъ намъ неизвѣстный.
 Впрочемъ, какъ войдетъ въ Сень-Пьеръ

Даже самый изувѣръ,
 Тотъ падетъ главой смиренной,
 Предъ Создателемъ вселенной!
 Я сама мечтать хочу;
 Дань восторгу заплачу;
 А тамъ, понесусь душею!
 Антикера нѣтъ со мною!

Я вольна.

Но вдругъ, одинъ
 Незнакомый господинъ
 Подошелъ и поклонился,
 Въ разговоръ со мной пустился,
 Говоритъ мнѣ: «такъ высокъ
 «Этой кирки потолокъ,
 «Что гулять Казанской можно
 «Здѣсь легко; лишь осторожно
 «Нужно въ двери провести,
 «И аршиновъ до шести
 «Еще будетъ разстоянья,
 «Во все время дю гулянья,

«Отъ креста ажъ до ла вутъ; и
 «А алтарь, что видѣтъ тутъ, и
 «Гдѣ горятъ паникадила,
 «Золотыя гдѣ перила,
 «Отъ ступенекъ до вѣнца
 «Выше Зимняго Дворца;
 «Ла куполя отъ фронтона,
 «Въ трое больше Пантеона;
 «По карнизу, гдѣ люнетъ,
 «Пять разъѣдутся каретъ;
 «И перо Евангелиста,
 «Какъ бы вамъ сказать, ну! чисто,
 «Какъ Иванъ Великій нашъ!
 Я весь этотъ ерадашъ
 Слушаю, и уши вянутъ!
 Да когда же перестанутъ
 Насъ морочить? Э пуркуа?
 Потревожимъ ла фуа!...
 Вѣдь всего нельзя жъ измѣрить;
 А на слово какъ повѣрить?
 Это просто де канканъ!
 Же м'анъ везъ о Ватиканъ.

Близъ Сенъ-Пьера онъ построенъ,
 И вниманія достоинъ отъ артефактовъ А
 Пуръ лезъ аръ, э ле сіянсъ, крѣпостъ Т
 И какъ Папскій резидансъ, вытоло
 Аполлонъ тутъ Бельведера, тутъ это
 Мелеагръ, ле торсъ, Венера, э ашнъ
 Ле фамё Лаокоонъ; что алоянъ
 Энъ старикъ э дѣ гарсонъ од зоръ
 Всѣ въ змѣяхъ! Тутъ де Канова, По
 Ле Лютеръ, но это ново; гваръ гтръ
 А здѣсь въ Римѣ же ле тикъ оренъ Н
 Де н'эме ке лезъ антикъ, а гдъ гдъ
 Рафаэлевскія лѣжы. Блгъ Навъ гдъ
 Но вотъ это что за рожы тотъ лезъ В
 Полосатыя? ле Свисъ, м'ушнъ, м'ошнъ
 А вотъ эти экривисъ? онъ эжъ алоянъ
 Ле портёръ дю Папъ; — унъ поко, Н
 Они, кажется, рококо, аминъ алоянъ
 Что же дѣлать, — се ла модъ! а лдъ
 А на слово лавъ повѣрнъ?

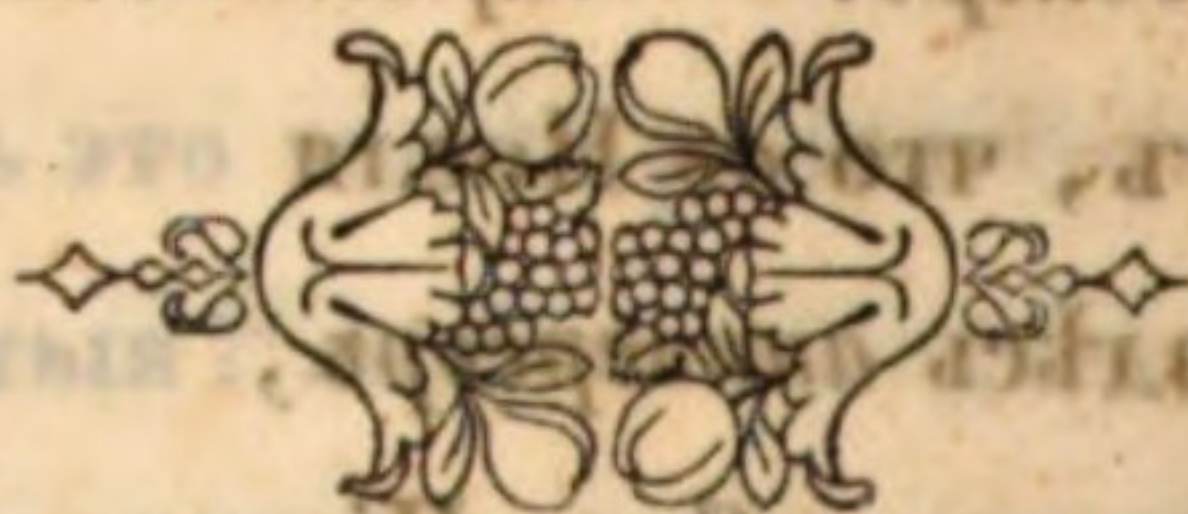
По всей лѣстницѣ народъ; ордъ отъ
 Видно поздно — всѣ выходятъ. Ж

Караулъ ужь *Свисы* сводятъ. *эвонни* А
 Се доикъ *пуръ юнъ: отръ фуа*, *д отэор* П
 А теперь пора *ше муа*, *д вэьнявэ* П
 Отдохнуть и отобѣдать. *ндон арэпэт* А
 Да не худо бы провѣдать, *эвонн ая* И
 Какъ бы Папу повидать, *эпэ от н вД*
 Чтобы не могли сказать: *тр . ондоу* И
 Въ Римѣ, *дискать*, побывала, *д удвэ* Э
 Только Папы не видала! *ввшрүт. отБ*
 Я хочу, чтобъ мой журналъ
 Самъ Наслѣдникъ прочиталъ!

Вотъ *бонёръ!* — *гарсонъ* отеля
 Говорить, что *де Ноеля*
 Завтра здѣсь *аниверсеръ*,
 Папа будетъ а *Сенъ-Пьерръ*
 И тутъ будетъ ходъ церковный!

Календарь у насъ неровный;
 Это путаетъ меня,
 Никогда не знаю дня,
 И кажусь какъ будто дикій. —

А виновенъ Петръ Великій!
 Просто бы сказалъ: *ихъ вишь!*
 И сравнялся бы нашъ стиль.
 А теперь поди-ко, *сдѣлай!*
 Вѣкъ понадобится цѣлый;
 Да и то еще вопросъ:
 Надобно, чтобъ високосъ
 Сряду былъ четыре года.
 Это лучшая метода!
 А кто жь иномъ ждётъ, убохъ
 А *ахъ!* *ахъ!* *ахъ!* *ахъ!*
 Развѣ кто ждётъ — *ахъ!*
 Но вотъ это — *ахъ!*
 Полнѣйшаго *ахъ!*
 А вотъ это — *ахъ!*
 А *ахъ!* *ахъ!* *ахъ!*
 Они, кажется, рады
 Что жь иномъ ждётъ *ахъ!*
 Это вѣдь — *ахъ!*
 По всей *ахъ!* *ахъ!* *ахъ!*
 Видно — *ахъ!* *ахъ!* *ахъ!*

До Трибунальцоу П атаде зрочимемоу

Часовой при. нрѣх. у. нрѣх. глѣжиюу.

Въ Швейцарскѣхъ нрѣхъ зрочимемоу

Только все, днѣхъ и атаде лиу

То есть, камиеръ-юнкеръ Панау.

Х. **Р И М Ъ.**

Всѣ при нрѣхъ сннмнотъ нрѣхъ.

Закрѣпленъ онъ атаде нрѣхъ.

Онъ мнѣ показъ нрѣхъ атаде лиу

До трибунальцоу П атаде зрочимемоу

Но вотъ атаде зрочимемоу

За какою, то, атаде зрочимемоу

Видно, атаде зрочимемоу

Утождѣнъ онъ атаде зрочимемоу

Хотѣнъ онъ атаде зрочимемоу

Такъ атаде зрочимемоу

И вотъ, атаде зрочимемоу

Лишь восьмой ударилъ часъ,

Я одѣлась, прибралась,

И въ десятомъ на исходѣ,

Ужъ была въ толпѣ, въ народѣ,

Сюръ ла паперть де Сентъ-Пьерръ.

Преучтивый кавалеръ,

Монсиньоръ абатъ Проспери,
Дожидалъ меня у двери.
Признаюсь, *се тре галанъ:*
Онъ абатъ и шамбеланъ,
То есть, каммеръ-юнкеръ Папы: —
Всѣ при немъ снимаютъ шляпы,
И въ большой онъ здѣсь чести.
Онъ сначала довести
До трибуны обѣщался,
Но за дамою увязался,
За какой-то, и исчезъ;
Видно, всѣмъ *иль э бьенъ эзъ*
Угодить, но не успѣтъ,
Хоть намѣреніе имѣтъ,
Такъ спасибо и за то.
Шелковый на немъ пальто,
Фиолетоваго цвѣта, *и помалюу анни*
Сверхъ того, еще надѣта, *дэвѣдо*
Пелеринъ *анъ шеншила,*
Въ знакъ того, что онъ Прела. *джѣ*
Кое-какъ я протолкалась *Сюда въ*
Средь толпы, сама добралась *Предъ*

До Трибуны, *о плю вить.*
 Часовой при ней стоитъ,
 Изъ Швейцарцовъ полосатыхъ,
 Только весь въ желѣзныхъ латахъ,
 Совершенно *а л'антикъ.*
 «Дамъ дю коръ дипломатикъ!»
 Закричала я спѣсиво.
 Онъ мнѣ показалъ учтиво
 Лѣстницу. Взбѣжала я;
 Но вотъ тутъ бѣда моя:
 Три трибуны, и три двери.
 Надо бы, по крайней мѣрѣ
 Обозначить ихъ, но мнѣ
 Оставалось *девине.*
 Въ первую войти рѣшилась,
 И вошла, но удивилась:
 Точно я сама сижу,
 Дама толстая, *де жу*
 Прераздутая, въ добавокъ
 Еще пара бородавокъ,
 И такой, какъ мой же *пейнгъ.*
 Мнѣ сказали, *де Сардейнгъ.*

Отставная Королева.
 Я скорѣй кругомъ на лѣво,
 Въ дверь другую: — тутъ съ звѣздой,
 Въ лентѣ, только съ бородой,
 Но въ мундирѣ, Португалецъ;
 Я свой прикусила палецъ,
 Какъ узнала, к'иль с'аппель,
 По фамильѣ донъ Мигель,
 Братъ извѣстнаго донъ Педро.
 Онъ мнѣ предложилъ прещедро
 Стуль; но я ему поклонъ,
 И скорѣй убралась вонъ.
 Вѣдь мы не въ союзѣ съ ними;
 Я знакомствами моими
 Осторожна, же л'аву;
 Либералкой прослыву,
 Чего добраго, пожалуй,
 Шумъ надѣлаю не малый,
 И пойдутъ де коммеражъ.
 Право, са сере домажъ.
 Дверь послѣдняя осталась,
 И вотъ, наконецъ, добралась

Къ нашимъ Русскимъ, *Діе мерси!*
 Сколько ихъ ни есть *иси*,
 Всѣ на вытяжку, въ мундирѣ!
 Ничего я больше въ мірѣ;
 Не боюсь, какъ этикетъ;
 Только всунула *ма тетъ*,
 И назадъ поворотилась.
 Видѣть праздникъ я рѣшилась.
 Просто ужъ *энкогнито*:
 И спустилась *осйто*,
 И пошла въ толпу, съ народомъ,
 Крестнымъ любоваться ходомъ.
 Вотъ идутъ *д'аборъ ле Свисъ*,
 Точно древняя *милісъ*:
 Въ шароварахъ полосатыхъ,
 Но всѣ въ шишакахъ и въ латахъ,
 Съ галебардами къ тому жъ,
 А за ними, *тутъ анъ ружъ*,
 И въ ботфортахъ, и въ лосинѣхъ,
 Гвардья Нобиле: по минѣ,
 Видно, это господа
 Здѣшніе; въ нихъ ни слѣда

Нѣтъ военнаго, и Папы
 Въ угожденіе, только шляпы
 Имъ, лосину и мундиръ
 Надѣваютъ; с'ѣтъ а диръ,
 Это аматеры просто.
 Тутъ монаховъ вѣрно со сто,
 Разноцвѣтныхъ, нуаръ э бланъ;
 Тутъ месье ле шамбелланъ,
 Монсиньеры и абаты,
 А по сторонамъ, солдаты
 Городскіе, де ла виль,
 Уже видно паръ ле стиль,
 Болѣе мастеровые:
 Фраки темноглубые,
 Красные воротники,
 И какіе чудаки!
 На бекрень надѣли шляпу.
 Наконецъ, несутъ и Папу
 Скороходы, на плечахъ,
 Въ красныхъ курткахъ и штанахъ
 Преширокихъ, изъ атласа,
 И идутъ не безъ гримаса.

Папа, видно, не легокъ, —
Скороходъ одинъ, платокъ
Безпрестанно выжимаетъ.
Церемонью заключаетъ
Ле Коллежъ де Кардино.
Наконецъ, вотъ рѣшено,
Съ Папой я теперь знакома,
И дразнить не будутъ дома.
Если бъ онъ взглянулъ, тогда бъ
Я сейчасъ, *бонжуръ монъ Папъ!*
Отпустила бы навѣрно,
И присѣла бъ преманерно;
Онъ бы тутъ меня узналъ,
А пожалуй, и позвалъ,
Можетъ быть, къ себѣ откушать,
Ватиканскихъ пѣвчихъ слушать;
Но онъ не взглянулъ сюръ ну.
Предъ амвономъ, а жену,
Исполняя видно требу,
Обращалъ глаза онъ къ небу.
До Трибунъ весь ходъ достигъ,
Я за нимъ.

— Архистратигъ,
 Русскій ангелъ нашъ прелестный,
 Точно будто гость небесный,
 Нашъ Наслѣдникъ тутъ стоитъ;
 Кроткій, благодатный видъ,
 Любопытство выражаетъ,
 И любовь, лице сіяетъ,
 Той терпимостью, что Богъ,
 Какъ величія залогъ,
 Намъ постановилъ закономъ,
 Древо юное, предъ трономъ,
 Вѣковѣчнымъ онъ Царя,
 Восхищаетъ, какъ заря,
 Нашей будущности славной,
 Русской вѣры православной.
 Торжество онъ здѣсь явилъ,
 Всѣхъ онъ здѣсь обворожилъ.
 Я сама молиться стала
 Отъ души, и замечтала
 Объ отчизнѣ, о своихъ:
 Онъ залогъ блаженства ихъ.

Вотъ и служба началась;
 Но толпа тутъ такъ сперлася,
 Что не стало мочи мнѣ,
 И хотѣлось дежене,
 Шибко въ животѣ бурчало.
 Я отправилась сначала
 Закусить, а-ла мезонъ;
 А тамъ прямо, въ Пантеонъ,
 Кирка странная, безъ крыши,
 Вута круглая, и ниши,
 И колонны, се-тре бо!
 Рафаэля тутъ томбо.
 Были здѣсь, на брегѣ Тибра,
 Боги разнаго калибра;
 Это общій былъ ихъ храмъ.
 Какъ подумать, право срамъ,
 Что за сволочь эти боги!
 Богъ боязни, богъ тревоги,
 Богъ обжорства, мотовства,
 Богъ любви, богъ воровства,
 Прераспутная Киприда,

И съ повязкою Оемида,
 А въ рукахъ ея судьба
 Правосудья.... ба, ба, ба!
 Да не лучше ли про эту
 Промолчать, а то къ отвѣту
 Какъ притянуть за намѣкъ,
 И мнѣ сдѣлають упрекъ,—
 За одну, пожалуй, фразу,
 Карачунъ всему разсказу!
 Да и что мнѣ до Оемидъ?
 Напримѣръ, вотъ былъ Алкидъ
 Молодецъ, о томъ ни слова...
 Но я заболталась снова,
 Я охотница болтать.
 Точно, нѣчего сказать,
 И *транкиль*, *ма тантъ*, бывало,
 Все за это мнѣ пеняла.
 Разскажу про Пантеонъ,
Перистиль и рядъ колоннъ,
 Что фасаду составляютъ,
 Совершенно выражаютъ
 Вкусъ изящный, старины.

При сіяніи луны,
И при солнечномъ сіяньи,
Тутъ найдешь предметъ мечтаній,
Особливо, въ потолокъ,
Въ часъ полудня, какъ потокъ
Свѣта яркаго польется,
Далеко душа несется,
Видя это торжество!
Кажется, что божество,
Какъ въ дни древніе, являетъ
Столпъ огня, само принимаетъ
Всесожженью, и народъ
Свѣтомъ дивнымъ обдаетъ
Въ купинѣ неопалимой,
И молитвѣ приносимой
Лучезарный стелеть путь!
Если трафится взглянуть
Ночью, вамъ на это зданье,
То и лунное сіянье
Вдохновенія полно:
Сердце обдаетъ оно
Думой тайной, неизвѣстной,

Будто бы призывъ небесный
 Отъ друзей и отъ родныхъ,
 Койхъ нѣтъ уже въ живыхъ!
 Въ небѣ, тамъ они ликуютъ,
 Но о насъ еще тоскуютъ,
 Еще молятся о насъ,
 Особливо въ этотъ часъ,
 Какъ природа засыпаетъ,
 И, побѣдная, гуляетъ
 Молчалива и блѣдна,
 Въ небѣ свѣтлая луна!
 Духъ, откинувъ все земное,
 Погружается въ покоѣ,
 Что Богъ уготовилъ тѣмъ,
 Кой крестъ свой, какъ яремъ,
 По словамъ писанья, взяли,
 Вѣрили и не роптали;
 И сподобились вѣнцовъ,
 Въ лонѣ праведныхъ отцовъ,
 И всѣхъ почестей небесныхъ,
 Зане въ ходахъ жизни тѣсныхъ
 Соблюли Его законъ.

Осмотрѣвъ весь Пантеонъ,
 Я отправилась, и вскорѣ —
 Вотъ я à Мари Маджоре.
 Кирка тоже, хотъ куда,
 Только нѣтъ въ ней ни слѣда
 Древности; архитектура
 Новая, изъ пѣстра дура
 Всѣ колонны, и алтарь;
 Итальянецъ пономарь,
 Показалъ мнѣ все подробно,
 И скажу, что неподобно!
 Я хотѣла, анъ рантранъ,
 Посмотрѣть Сентъ Жанъ-Латранъ;
 Но, не знаю какъ, оттолкъ
 Очутилась въ Капитолъ;
 Есть и тутъ что посмотрѣть!
 Посреди двора, анъ мѣдь,
 Маркорела есть статуя
 А шеваль; о ней толкуя,
 Разсказалъ мнѣ лонъ-лакей,
 Будто бы, любуясь ей,

Мишель Анжъ сказалъ: *камина!*

Лошади и точно мина ;

Жизни , бодрости дана ;

Кажется пошла бѣ она ,

Если бы хлыстнули съ форса .

Мраморная , прямо съ Корса .

Лѣстница ведетъ на дворъ ;

А на ней , два льва , Касторъ

И Поллюксъ , примѣры дружбы ,

И доспѣхи бранной службы

Марьюса , трофея два ,

Каменные ; — но едва

Справедливо то названье .

Есть еще одно преданье :

Тутъ Тарпейская скала .

Зазнавался кто , *де ла*

Тотъ всегда швырялся въ Тиберь ,

Чтобъ народъ остался *либеръ* :

Заросла она теперь.
 Хорошенечко измѣрь,
 И сама прыгни, пожалуй,
 Нѣтъ опасности и малой.

Въ этомъ зданьи, говорятъ,
 Римскій засѣдалъ Сенатъ
 Знаменитый. — Тутъ терраса,
 Гдѣ короновали Тасса.
 Духъ въ немъ жизни угасалъ,
 А народъ рукоплескалъ,
 Раздавались клики славы,
 Вторились его октавы,
 Но безсмертія вѣнецъ
 Лишь тогда стяжалъ пѣвецъ,
 Какъ пришла его кончина.

Пѣла тутъ же и Корина,
 По словамъ *мадамъ де Сталь*;
 Мнѣ немножко стало жаль,
 Что и я не нарядилась
 Анъ *шантезъ*, и не явилась

Въ сарафанѣ, и съ фатой,
И съ повязкой золотой,
Съ балалайкой иль съ бандурой.
Можетъ быть, меня и дурой
Назвали бы ле роменъ,
Видя у меня анъ менъ
Этотъ инструментъ казачій;
А быть можетъ и удачей
Кончилась бы л'антрепризъ;
Все таки оно сюрпризъ;
А для славы, нужно часто,
Удивить людей, и баста!

Тутъ еще музея два;
Но ихъ осмотрѣть едва
Я успѣла, пробѣжала,
Ничего не удержала
Въ памяти, и хотъ убей,
Мозаику голубей
Только помню, и Венеру,
И Юпитера, не въ мѣру
Гнѣваго, а юи анъ фонъ

Ружъ антикъ: какъ видно, онъ гинѣ
 Пьянъ пьянехонекъ, хохочетъ,
 Такъ что всякъ смѣяться хочетъ,
 Кто на рожу поглядитъ.
 Гладьятеръ еще стоитъ,
 Вазы, беральефы тоже;
 Ну ни на что не похоже,
 Сколькохлама набрано!
 Позабыть не мудрено.
 А въ другомъ, такъ все картины,
 Тоже множество; — гвертины
 Особливо хороши.
 Любовалась отъ души
 Я прекрасною Сибиллой,
 И Святою Петрониллой,
 Какъ во гробъ ее кладутъ.
 Но мусье Висконти тутъ
 Познакомился со мною,
 И зоветъ меня съ собою,
 Съ башни поглядѣть на Римъ;
 И я поплелась за нимъ,

Римъ онъ какъ карманъ свой знаетъ,
И чудесно объясняетъ.

Вотъ тутъ, дискать, Коллисей,
Я ему въ отвѣтъ, же се,
Я его ужъ записала.

Тутъ вершина Квиринала,
Папы лѣтній тутъ дворецъ,
И тутъ мастерской рѣзецъ
Фидьаса и Праксителя,
Два намъ выставилъ модель,
Двухъ преборзыхъ жеребцовъ,
А при нихъ двухъ молодцовъ
Голыхъ; но ихъ благородья,
Позабыли взять поводья,
Подлѣ лошадей стоятъ,
И руками имъ грозятъ.

Я сказала: знаю, тѣ же,
Что тамъ въ Питерѣ, въ манежѣ
Конной Гвардіи. — Ватиканъ,
Тутъ колонна де Тражанъ,
Тутъ колонна Антонина;

Это длинная руина,
 Древній Кесарей дворецъ;
 Тутъ *Шато Сентъ Анжъ*: хитрецъ
 Папа Боржя, тутъ когда-то,
 Жилъ какъ образецъ разврата;
 Это былъ Нероновъ домъ,
 А тамъ дальше гишподромъ,
 Тутъ извѣстный циркъ Марзелла,
 Тутъ Цецилія Метелла,
 Понте, Ротто, Палатень,
 Монтъ Тестачо, авантенъ,
 А вотъ это что за штуки,
 Знаете ли? *Акедюки*, —
 Весь водой снабжали Римъ.
 Чудный былъ народъ, Богъ съ нимъ,
 Римляне, что ни затѣютъ!
 Тутъ предъ вами зеленѣютъ
 Монте Пинчьо *ле террасъ*,
 Тутъ *д'Эспанъ*, извѣстный *пласъ*,
 А тутъ *Тринита Ди Монти*,
 Вотъ *Сентъ Піеръ*: *Мусье Висконти*
 Столько тутъ ужъ мнѣ напѣлъ,

Что наскучилъ, надоѣлъ,
Только и глядѣла вонъ я.

Къ счастію, мусье Торлонья
Въ этотъ день меня позовалъ.
У него не то что балъ,
А концертъ и угощенье:
Въ немъ есть странное смѣшенье
Барина и торгаша.
Мнѣ знакомыхъ, назъ энъ ша,
Хоть сперлись, какъ сельди въ банкѣ;
Болѣе все Англичанки
Тутъ, въ короткихъ рукавахъ,
Голошей, въ жемчугахъ;
Кавалеры всѣ во фракахъ,
Въ разныхъ орденахъ и знакахъ.
Думаешь, *эпкогнито*
Принцы все, но вѣдь никто
Англичанамъ не укажетъ:
На себя, что ни навяжетъ,
Ни надѣнетъ, все живетъ;
Кто за справками пойдетъ?

И хозяинъ самъ, съ звѣздою,
Да еще и не съ одною,
Въ лентѣ, и въ цѣпочкахъ весь,
Съ крестиками, точно здѣсь,
Князь владѣтельный, посланникъ.
Зала точно передбанникъ,
Такъ нагрѣлась, такъ душна,
И полнѣхонько полна;
Даже мудрено пробраться,
Мнѣ пришлось протолкаться
Межъ народомъ, чтобы сѣсть,
Благо мѣсто еще есть,
Возлѣ Лорда преглухаго,
Аматера записнаго
Всѣхъ концертовъ. — *Сюръ л'эстрадъ*
Музыкантовъ цѣлый рядъ,
Пять артистовъ, и всѣ хоры,
Мнѣ сказали, аматёры.
Дамы всѣ *анъ аби бланъ*,
Въ пукляхъ, просто *а л'афанъ*.
Соблюдая, видно, форму,
Провизжали намъ всю Норму.

Между тѣмъ, толкали насъ
Люди, разнося *де гласъ*,
И напитки, и конфеты;
А въ тѣхъ комнатахъ, буфетъ:
Къ нимъ, ну точно мухи льнутъ
Англичанки, — такъ и жрутъ
Будто три года постились.
Всѣ прекрасно разрядились,
Но я, точно какъ на смѣхъ,
Перещеголяла всѣхъ!
Платье массака съ цвѣтами
Голубыми, все шелками
Вышитыми, анъ рельефъ
Съ золотомъ, *авекъ де шефъ*;
Весь передъ и вся турнюра
Изъ богатаго *гинюра*;
Анъ *маншъ куртъ*, э декольте,
А перчатки *арете*
Аматистовымъ браслетомъ,
Съ цѣпью длинной, и лорнетомъ;
Башмаки *кулеръ писташъ*,
А на головѣ *панашъ*

Изъ пяти пунцовыхъ перій;
Парчевой кусокъ матерьи,
Вкругъ косы моей обвить,
И ихъ держать, и висить
На плечахъ, двумя концами;
Шаль Турецкая, съ хвостами,
Довершаетъ мой туалетъ....
Ужъ браво мамзель Анетъ!

Всѣ шептались, говорили,
И особенно хвалили
Жемчуги, э ме коро:
И Торлоньевъ весь бюро,
Ужъ съ утра толкуютъ нынѣ,
Все о Русской, чай, графинѣ;
И тѣмъ лучше, каръ деменъ,
Всѣ мнѣ будутъ сюръ ла менъ;
И хозяинъ самъ, знакомый,
Общежитіемъ влекомый,
Вѣрно свой банкирскій счетъ,
Баринѣ со мной сведетъ.
Ничего и не бывало!

*

Обсчиталъ какъ нашъ мѣняло:
 Не одной мнѣ солонъ сталъ,
 Чай, его банкирскій балъ!
 Всѣхъ стрижеть онъ какъ овечекъ,
 Ну такой ужъ человѣчекъ!

Чтобъ весь Римъ уразумѣть,
 Мнѣ осталось осмотрѣть

Всѣ паллацы, галлерей,

Дорія, Боргезъ, Мафей,

Барберини, Ватиканъ,

Шьара Русполи, *ме канъ?*

Я не знаю, какъ успѣю:

Я намѣренъ имѣю

На Италию всю взглянуть,

И въ Сицилию завернуть.

Барберини, Форнарина

Только важная картина:

Рафаэль ее писалъ,

И любилъ оригиналь

Булочницу молодую;
Къ ней питалъ любовь такую,
Что все для нея забылъ;
Только что въ ней находилъ?
Наша рыжая чухонка:
Талія совсѣмъ не тонка,
Тонкости нѣтъ и въ чертахъ,
Благородства нѣтъ, — ну страхъ
Какъ похожа на *Алету*!
Страсть я объясняю эту
Только тѣмъ, что слишкомъ онъ,
Какъ изображалъ Мадоннъ,
Высоко парилъ мечтою,
И усталою душою,
Онъ спускался, такъ сказать,
Въ Форнарины отдыхать,
Въ страсть земную погружаясь,
Точно какъ орелъ, спускаясь
Съ неба, въ лѣтній знойный день,
Сядетъ на посохшій пенъ,
Отдохнуть, въ тѣни древесной,
Отъ прогулки поднебесной.

Ченчи есть еще портретъ:
Про нее, сомнѣнья нѣтъ,
И Лафатеръ далъ бы промахъ,
И въ чертахъ ея, знакомыхъ
Только съ нѣжностью страстей,
Вѣрно бѣ онъ прочелъ о ней,
Что ни дать ни взять овечка,
Что такое въ ней сердечко,
Какъ у курицы, — и что жъ?
На отца поднявши ножъ,
Жизни старика лишила!
И юстиця осудила
Эту голову отсѣчь.
Какъ себя предостеречь,
Послѣ этого, на свѣтѣ?
Вы, физиономисты, врите,
Всѣ, по мнѣ, системы вздоръ;
Бога только дивный взоръ
Въ души къ людямъ проникаетъ,
А Философъ надуваетъ,
Такъ сказать, наборомъ словъ,
Только бѣдныхъ простяковъ.

Межъ картинъ Паллаци Шьяра,
Магдалинъ замѣтна пара:
Гвидо Рени э, л'онъ ди,
Магдалина де Ради,
Лучшее его творенье;
Точно, что за выраженье
Несравненной красоты,
И сердечной суеты,
И раскаянья и вѣры,
Убѣжденья, что химеры
Блага здѣшнія, что тамъ —
Суждено блаженство намъ!

Мнѣ войти въ Паллаци Дорья
Цѣлая была исторья:
Ле кустодъ этъ энъ виленъ.
Клодъ-Лорена тутъ муленъ, —
Нѣтъ живѣй предестнѣй вида!

Юнъ Мадонна тутъ есть Гвида:
Надъ дитѣй заснувшимъ бдить,
Всѣ движенія слѣдить

Чада челоѣка Бога,
Какъ священнаго залога,
Небомъ вѣреннаго ей,
Искупленія людей:
Всѣ черты ея вниманье,
И любовь и упованье;
А Христось, какъ бы живой,
Точно дышитъ, и порой
Кажется, что Онъ проснется,
Кровь по жиламъ будто льется,
Оконечности красны,
И его лелѣютъ сны
Неземнаго упоенья,
И какъ будто откровенья
Свѣтлый лучъ, на немъ горя,
Освѣщаетъ, какъ заря,
Ликъ Святѣйшаго Младенца,
И румяныя колѣнца,
Локотки, и какъ къ живымъ
Я бы приложилась къ нимъ!
Копья съ той картины снята

Кистию Сассо Ферато;
 Безподобная, едва ль
 Не равна съ л'оригиналь.
 Мятлевы ей обладаютъ,
 И лампадой освѣщаютъ
 Всякій разъ, когда гостей
 Принимаютъ, и друзей.

У Боргеза, все Альбаны
 И Корреджьо и Тицьяны;
 Но Альбаны всѣхъ важнѣй:
 Года времена, ей ей,
 Совершенная натура!
 Прелесть каждая фигура!

Но музей ле плю марканъ,
 Въ Римѣ, се ле Ватиканъ:
 Ле табло Преображенья
 Совершенство вдохновенья
 Какъ онъ дивно освѣщенъ!
 Славно какъ расположенъ!

Нашъ Спаситель, на Оаворѣ.
И въ Его сіяетъ взорѣ
Откровенья торжество,
Онъ облекся въ Божество!
Въ ризѣ свѣтлой Онъ, блестящей,
Яко снѣгъ, кругомъ свѣтящей!
Въ радугѣ Его лучей,
Илія и Моисей
Господа сопровождаютъ;
Три ученика взираютъ
Съ дола, въ ужасѣ святомъ,
Въ изступленіи нѣмомъ!
Кто же? вѣрою горящій,
Петръ одинъ; другой, любящій
И любимый ученикъ
Іоаннъ, а третій ликъ,
Іаковъ, коего посланья
Дышатъ жаромъ упованья!
Добродѣтелей Святыхъ
Трехъ, Господь являетъ въ нихъ,
Намъ свидѣтелей, чтобъ знали,
И тогда лишь ожидали

За молитву благодати,
Если будемъ заключать
Мы любовь, надежду, вѣру
Въ нашихъ душахъ, и въ ихъ мѣру
Воздавать намъ будетъ Богъ;
Чтобы отъ земныхъ тревогъ
И суетъ освободились,
И душой преобразились,
Прежде нежели Его
Умолять, и для того,
Чтобы мы одѣлись свѣтомъ,
Яко ризой, и обѣтомъ
Укрѣпляясь вѣчныхъ благъ,
Отвергали всякій страхъ,
И съ душою обновленной,
Подъ покровъ Его священный
Повергались. — Что гласить
Тутъ бѣснующій? — Стоитъ
Грѣшная душа, стремится
Тоже къ Богу, но боится!
И его спасетъ Господь!
Умирить земную плоть, —

Истребить въ немъ духъ лукавый,
 Озарить своею славой:
 У родителей его,
 Упованія того
 Въ лицахъ признаки сіяютъ;
 Они вѣрятъ, ожидаютъ,
 И по вѣрѣ будетъ имъ!
 Съ умиленіемъ, какимъ,
 Этотъ юный смотритъ воинъ:
 Онъ ужъ вѣры удостоенъ,
 Духъ любви ужъ въ немъ горитъ!
 Тутъ *табло* еще стоитъ,
 Точно чудное созданье, —
 Это со креста сниманье
 Мишель Анджа; *Сентъ Жеромъ*
 Въ изступленіи святомъ,
 И Мадонна *дель Фолиньо*.
 Но вотъ *Спирито Малиньо*!
 Мой *мусье Висконти* вновь
 Здѣсь присталъ ко мнѣ. Любовь

Къ рѣдкостямъ его съѣдаетъ,
 И какъ видно, онъ желаетъ
 Заманить меня опять,
 С'ет-а-диръ, завербовать
 Осмотрѣть библіотеку.
 Ну охота жъ человѣку
 Черезъ горло угощать!
 Да и то еще сказать,
 Ну къ чему мнѣ эти книги?
 Я въ нихъ не пойму и Фиги,
 Глобусы? да что мнѣ въ нихъ?
 Признаюсь, во мнѣ затихъ
 Крѣпко духъ любопытства,
 Такъ простите жъ, до свиданья:
 Уберусь анъ Тапинуа.
 И повѣрьте мнѣ, ма фуа,
 Какъ собака я устала.
 Ба, ба, ба! я не видала
 Еще здѣшнихъ катакомбъ.
 Въ нихъ святыхъ людей лежатъ
 Первыхъ тружениковъ въры

Были жительствомъ пещеры;
 И обрядъ у нихъ святой,
 Хотя былъ и простой,
 Но торжественъ, отъ гоненья.
 Приносили всесожженья
 Здѣсь Святому Божеству,
 И въ грядущемъ, торжеству
 Православья поклонялись;
 Вѣрили, и не боялись
 Здѣсь сердца Святыхъ отцовъ;
 И сподобились вѣнцовъ
 Мучениковъ, и ликуютъ
 Въ свѣтломъ небѣ, торжествуютъ
 Нынѣ, по Вселенной всей:
 Благолѣпіе церквей!

Странный городъ Римъ! Столицей,
 Метропольею-царицей,
 Суждено, *комъ въ вуле*,
 Этой быть всегда землѣ!
 Лѣтопись возьмемъ любую,
 И сейчасъ я растолкую:

При началѣ, Римъ войной,
Покорилъ весь шаръ земной;
Новой оживляясь цѣлью,
Православья колыбелью
Римъ же былъ; э се мартиръ
Обратили цѣлый міръ.

Нынче, мысли всѣ и чувства
Устремились на искусства,
Что жъ? со всѣхъ концовъ земли,
Здѣсь артисты притекли;
Нашихъ Русскихъ здѣсь не мало
Славилось и процвѣтало.

Напримѣръ, нашъ Карлъ Брюлловъ
Здѣсь учился, и каковъ?
Молодецъ! Его Успенье
Что за чудное творенье!
Что за жизнь, за колоритъ!
Въ композицѣи кель меритъ!
А послѣдній день Помпей, —
Я не знаю эпопей,
Чтобъ могла сравниться съ ней

Жаромъ, смѣлостью идей!
 Ожидаемъ отъ Брюлова
 Мы еще Осады Пскова,
 И ее мы воспоемъ,
 Если только доживемъ.

А нашъ Бруни, — посмотрите,
 Что за живость въ колоритъ!
 Я узнала здѣсь его,
 И не скрою ничего.
 Въ ателье къ нему пустилась;
 И въ то время очутилась,
 Какъ писалъ онъ эту модель.

Юнъ Римлянка, бѣль, си бѣль,
 Что и я въ нее влюбилась,
 И въ помощники просилась,
 Но не принялъ онъ меня.
 Полны мысли и огня
 Всѣ его произведенья,
 Особливо выраженья
 Горести. — Вотъ мать стоитъ,
 Надъ ребенкомъ: какъ убить

Въ ней весь духъ! какое горе,
Преглубокое, какъ море,
Даже не достать и дна!
Какъ задумчиво блѣдна!
Ну, элегія и только.

Но артистовъ нашихъ сколько!
Марковъ, родины Святой
Онъ, въ Италиі, мечтой
Все живетъ, и сосна дышитъ
Точно Русью: сердце слышитъ
Звукъ родимаго рожка,
И волынку пастушка;
Съ дѣвой, нѣ хотя, играешь,
И про Русь ей напѣваешь.

А нашъ Пименовъ, скульпторъ,
Какъ искусень, *к'иль э форъ!*
Что за мягкость, гибкость въ тѣлѣ!

Но я, право, въ самомъ дѣлѣ
Заболталась. Мнѣ пора

Римъ оставить, и съ утра
 Поплетусь я въ путь дорогу:
 Дотащуся по-немногу
 До Неаполя, а тамъ,
 Я опять къ услугамъ вамъ.

НЕАПОЛЬ.

Рахъ оставитъ, и съ утра, въ дні
 Поцѣтує я въ путь дороги
 Дотамуся по-немногу, а тамъ
 До Пелюка, а тамъ, охъ, охъ, охъ
 И опять къ услугамъ пани...

НЕЩОПЪ.

Какъ я въѣхала въ Неаполь! —
 А уныло небо, — А вѣтеръ жёстокъ,
 Нѣтъ подобнаго мнѣ счастья!

XI.

НЕАПОЛЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Точно дѣло! Онъ изъдалъ отъ удивленья гласъ

Въ чепчикѣ ль, не помню, въ шляпѣ ль,

Я пріѣхала въ Неаполь —

Позабыла про туалетъ!

Такъ полна была ма тетя

Антузьясма, восхищенья,

А душа *де* упоенья:
Я мечтала, *же* реве!

Здѣсь природа въ торжествѣ,
Разодѣта, какъ на праздникъ!
Говорилъ одинъ проказникъ:
Видѣть *Напель* э муриръ!
Правда, объѣзжай весь міръ,
Лучше нѣтъ; — во-первыхъ, море,
Точно бирюза въ растворѣ,
И какъ зеркало, *транкиль*!
Смотрится въ него *ла виль*,
Какъ кокетка передъ баломъ,
Изумрудомъ и коралломъ
Разукрасивъ волоса,
Грудь и плечи, э *ту са*
Такъ накинута небрежно!

Ла кокетъ руками нѣжно
Обнимаетъ сонъ *мируаръ*;
Такъ Неаполь, *веръ ле суаръ*,
Освѣщаемый луною,
Показался предо мною,

Какъ я въѣхала въ него. Чистота и небо
 А ужъ небо, — ничего. Нѣтъ подобнаго на свѣтѣ!
 Нѣтъ подобнаго на свѣтѣ! Ужъ не говоря о цвѣтѣ,
 Ужъ не говоря о цвѣтѣ, Но какая чистота,
 Но какая чистота, Благовонье, красота,
 Благовонье, красота, Какъ прозрачно, и какъ ясно!
 Какъ прозрачно, и какъ ясно, Какъ разгульно и прекрасно,
 Какъ разгульно и прекрасно, Плаваешь по немъ луна,
 Плаваешь по немъ луна, И, раздумія полна,
 И, раздумія полна, Въ море спящее глядится,
 Въ море спящее глядится, И серебряной ложится —
 И серебряной ложится — Полосой — протяжный взглядъ
 Полосой — протяжный взглядъ На волнахъ!! Тутъ цѣлый рядъ
 На волнахъ!! Тутъ цѣлый рядъ Бриговъ, шлюбокъ, амбаркацій
 Бриговъ, шлюбокъ, амбаркацій Разныхъ промысловъ и націй:
 Разныхъ промысловъ и націй: Точно *дезъ уазо волажъ*
 Точно *дезъ уазо волажъ* Оживляютъ *неизажъ*.
 Оживляютъ *неизажъ*. Далѣе, прельщаютъ взгляды
 Далѣе, прельщаютъ взгляды Три чудесныя Наяды,
 Три чудесныя Наяды, Искья, Прочида, Капрея
 Искья, Прочида, Капрея Точно, что найдешь *апре*,

Что бы стоило вниманья?
 Но какія описанья —
 Въ силахъ будутъ передать
 Ту любовь, ту благодать,
 Сладострастіе, что дышетъ
 Всюду здѣсь! И кто услышитъ,
 Такъ повѣритъ мудроно!

Непріятно здѣсь одно:
 Что и тутъ, *мементо мори*
 Есть свое, и тоже въ море
 Смотрится. — Старикъ сѣдой,
 Дикій, мрачный, вѣковой,
 Онъ Неаполь караулитъ,
 И ему погибель сулитъ.
 Каждый часъ, угрюмъ, ревнивъ,
 Осѣняетъ онъ заливъ,
 И закутанный въ туманъ,
 Видѣнъ на послѣднемъ планѣ,
Ле Везювъ, его зовутъ.
 Вѣрно онъ поставленъ тутъ
 Для того, чтобы молился

Человѣкъ, и не забылся
 Въ этой нѣгѣ, красотѣ,
 И чарующей мечтѣ
 Всей душой не предавался!

Мнѣ Везувій показался
 Посреди картины всей,
 Точно старый чародѣй.
 Злобою дыша и кровью,
 Самъ томился, и любовью
 Обезсиленъ, оцѣпленъ,
 неподвиженъ, углубленъ
 Въ размышленьяхъ дикой страсти,
 Безъ надежды, и безъ власти,
 На красавицу глядитъ,
 И ревнуя къ ней, слѣдитъ
 Всѣ ея движенья, взоры!!

Огнедышущія горы
 И въ митоложи жадисъ,
 Чародѣями жъ звались,
 Такъ не новая идея!

Полагали Прометея,
 Подъ какою-то горой;
 Полагали, подъ другой,
 То Титана, то Циклопа,
 И старинная Европа
 Вѣрила рассказамъ тѣмъ.
 Такъ бѣдняжка Полифемъ,
 Съ думой страстной и завѣтной
 Говорятъ, лежитъ подъ Этной:
 Къ Галатеѣ ревновалъ,
 И на небо возсылалъ
 Огневые воздыханья!
 Таковы истолкованья
 Старины, про феномень,
 Что теперь поймутъ а не

Очень я люблю методу,
 Такъ одушевлять природу:
 Находить вездѣ романъ.
 Что за дѣло, что обманъ,
 Если весело, пріятно,
 И притомъ душѣ понятно!

Доктора такъ, говорятъ,
И пилюли золотятъ,
Чтобы легче проглотили;
Намъ надоѣдаютъ были,
Но съ приправой небылицъ,
Хоть двѣ дюжины страницъ
Подавай, всякъ прочитаетъ.

Но одно меня смущаетъ:
Это то, что нѣтъ квартиръ.
Кажется, данъ *ле трактиръ*
Вояжеры здѣсь столпились,
И какъ будто сговорились:
Я куда, такъ всѣ за мной.
Правда, здѣсь климатъ такой,
Что хоть на дворѣ остаться;
Но вѣдь надо жъ одѣваться
Иногда, на балъ, за столъ.
Нашъ Посланникъ хлѣбосолъ,
Баринъ Русскій, слава Богу,
Какъ вдругъ сдѣлаетъ тревогу,
Позоветъ меня, — *ке феръ?*

Рѣшено, какъ бы ни *шеръ*,
 А квартиру я достану,
 И приготовляться стану.
 Накуплю я *де рюбанъ*,
 Закажу себѣ *тюрганъ*,
Блѣ барбо, изъ *газъ ириса*,
 Изъ малиноваго *плиса*,
 Закажу я *пелеринъ*,
 Всю подбитую *д'эрминъ*;
 Платье палеваго *цвѣта*,
 Съ *фалболой*, изъ *петинета*,
 И атласныя *кресе*,
 Если я могу *труве*,
 Цвѣтъ зеленый иль *лиловый*;
 Да и здѣшнею *обновой*,
 Цѣпию *де діаметъ*,
 Вкругъ *тюргана*, *сюръ ла тетъ*,
 Я украшусь для *забавы*;
 Да *камея два*, изъ *лавы*,
 Я *прищиплю де коте*;
 Сверхъ того, *юнг кантите*

Этихъ королевыхъ штукъ,
 Ножекъ, и рожковъ, и ручекъ,
 Что зовутъ де гетатуръ,
 Я развѣшу, тутъ о туръ;
 Севинье, изъ магазина,
 На браслетахъ, два антика
 Съ головой Каракалла,
 А ботинки шокола!
 Хоть куда, нарядъ исправный.
 Но теперь мнѣ не о томъ.

Здѣсь туалетъ быть долженъ славный:
 У Посланника жена
 Здѣсь, что на небѣ луна,
 Царствуетъ своею красою,
 И плѣняетъ всѣхъ собою,
 Такъ воздушна, хороша. —
 Глядя на нее, душа
 По неволѣ замечтаетъ!
 Какъ пріятно разливаетъ
 Чай, и сливки подаетъ:
 Облачкомъ она зоветъ
 Каплю сливокъ въ чашкѣ чая,

И сама, какъ неземная,
 Какъ видѣніе небесъ,
 Эта милая *контессъ*;
 Вся окутанная флеромъ,
 Она какъ сестра, тѣмъ *Ерамъ*
 Эркуланскимъ, что подъ стату
 Мнѣ придется описать,
 Съ толкованьемъ лонъ-лакея,
 Среди рѣдкостей музея;
 Но теперь мнѣ не до нихъ,
 А одна, въ глазахъ моихъ,
 Эта милая графиня!
 Роль ея здѣсь, — *ла* богиня!
Напель, древній Партенопъ,
 Просто, весь ея холопъ! —
 Ей одной — сердца и взгляды;
 То пускай хотя наряды
 Отличать меня, и тутъ
 Дю рельефъ и мнѣ дадутъ.
 По совѣту Харитона,
 Сюръ *ла* пъяца Кьятамона,

Я въ *отель де Рюси*,

Помѣстилась, *Die merci*;

Хоть о родинѣ поминка.

Эта *пьяца* въ родѣ рынка:

Устрицы тутъ продають,

И раскинуты все тутъ,

Какъ палатки изъ холстины;

Къ довершенью же картины,

Въ каждой видны фонари: —

Это, какъ ни говори,

Точно актъ второй *Фенеллы*.

Я ждала все *тарантеллы*,

Но никакъ не дождалась.

Всѣмъ вниманьемъ увлеклась,

На чудесное явленье:

Изъ *Везувья*, изверженье

Страшнаго столба огня.

Поразило вдругъ меня!

Ярко въ морѣ отражался

Этотъ столбъ, и тамъ встрѣчался

Съ тихой, свѣтлой полосой,
Серебристой, что луной
Стелется такъ вдохновенно
По морю, и такъ священно
Кажется, въ молитвы часъ,
Будто съ неба дивный гласъ, —
Путь душевнаго спасенья,
Отголосокъ откровенья!
Встрѣчей этихъ двухъ полосъ
То же на волнахъ сбылось,
Что сбывается съ душою,
Съ страстію когда земною
Борется въ ней вѣры свѣтъ,
И къ спокойствію зоветъ
Растревоженные думы,
И съ унылой и угрюмой
Жизнью, снова примиря,
Намъ сіяетъ, какъ заря
Послѣ бурной, мрачной ночи!! —
Но устала я, нѣтъ мочи,
Чувствую, пора мнѣ спать.
Завтра можно досказать

Достальные осязанья;
 Такъ прощайте жъ, до свиданья!
 Дологъ, сладокъ былъ мой сонъ.
 Какъ проснулась, на балконъ
 Чай себѣ подать велѣла;
 Насладиться я хотѣла
 Утромъ лѣтнимъ въ Январѣ;
 Такъ прекрасно на дворѣ
 Здѣсь зимой, что время это
 Лучше, чѣмъ въ Тамбовѣ лѣто;
 Здѣсь не знаютъ про морозъ.

Но Неаполь *отре шозъ*
 Поутру мнѣ показался,
 Чѣмъ вчера, когда являлся
 При сіяющей лунѣ.
 Въ небо не хотѣлось мнѣ,
 А житейское плѣняло,
 Все къ веселью призывало;
 Все такъ живо, такъ кипитъ,
 Солнце ярко такъ горитъ,

Такъ манить къ существованью,
 Что и мѣста нѣтъ мечтанью;
 Полной жизнью ты живешь,
 Съ воздухомъ раздолье пьешь,
 И душою упоенной,
 Ты Создателя вселенной
 Здѣсь за жизнь благодарить,
 И ты жизнью дорожишь.
 Все хотѣлось бы шататься,
 Ротозѣять, любоваться;
 Даже нѣкогда читать,
 Фаръ ніенте благодать.

Муравейникъ настоящій,
 Ле Неаполь: вдругъ гремѣщій
 Пролетитъ кабріолетъ,
 И съ полдюжины везетъ
 Де солда, де лаззарони;
 Тутъ варятся макарони,
 И руками ихъ ѣдятъ;
 Живописно тутъ сидятъ
 Группы, слушая рассказы

Кинтасторья, тутъ проказы
Де мусье полишинель;
Тутъ мальчишки, де мамзель,
Что-то продають у мола,
Тутъ большая акуайола
Съ флагами, э дезъ арбузъ;
Тутъ тащится омнибусъ,
Тутъ кричатъ, поють и свищутъ,
Тутъ бранятся, а тутъ ищутъ
Другъ у друга въ головѣ;
Тутъ на камнѣ, на травѣ,
Спитъ себѣ благополучно
Лаззарони, и нескучно,
Хотя сутки бы не ѣлъ;
А какъ много тутъ Фенелль!
Изъ Везувья, не стремится
Ужъ огонь, а дымъ клубится,
И теряясь въ небесахъ,
Въ выразительныхъ словахъ,
Онъ Неаполь объясняетъ;
Ночью, такъ душа встрѣчаетъ

*

Въ немъ парящую мечту,
А при солнцѣ, суету!

Но пора мнѣ одѣваться,
И немножко прогуляться,
Посмотрѣть *эи не ла виль*.
Говорятъ, *эи омъ абиль*
Лонъ лакей, Антоньо Руффо;
Хоть наружностью на буффо
Театрального похожъ,
Но всегда былъ у вельможъ,
И мѣста довольно знаетъ.

Вотъ онъ плавно выступаетъ,
Въ сѣрой шляпѣ, въ сюртукѣ,
Съ краснымъ зонтикомъ въ рукѣ,
И поклонъ мнѣ — предлагая
Посмотрѣть: сперва *ла Кіаіа*,
Гдѣ всѣ знатные живутъ,
И *шато де л'Ефъ*, а тутъ
Въ *виллу* намъ пойти Реале,
Чтобы тамъ еще застали

Весь гуляющій народъ.
И оттуда данъ за гротъ
Позилипа, а оттолъ
Хоть, пожалуй, и въ Пуцуоли.
Много тамъ антикитъ,
Да и та кюріозитъ,
Что патри Полишинеля.

Добрый, милый пустомеля,
И буянъ и балагуръ,
Онъ кричитъ, шумитъ *тужуръ*;
Никого онъ не боится,
Все поетъ и веселится;
И кому онъ не знакомъ?
Гдѣ теперь, въ краю какомъ,
Онъ съ шарманкой не явился?
И гдѣ всѣмъ не полюбился,
Этотъ милый *тапажеръ*,
Безпрестанный *воajerъ*?
Данзъ энъ сакъ, что въ родѣ ранца,
За спиной у Итальянца:
Всѣхъ дѣтей любви предметъ.

И герой, какихъ ужъ нѣтъ!...
 Что *глюаръ* Наполеона?
 Что поэзія Бейрона,
 Что Сезаръ и что Помпей?
 Хоть они и не глупѣй,
 Но ихъ рѣдко вспоминаютъ,
 Иногда и забываютъ,
 А мусье Полишинель,
 Какъ хотите, *иммортель*!!
 Онъ разшевелилъ впервые,
 Наши думы молодыя,
 Онъ былъ первый нашъ Тальма!
 Какъ смѣялись безъ ума,
 Какъ мы плакали, бывало,
 Отъ него, какъ утѣшало
 Насъ, когда онъ Нѣмца билъ,
 Или артикулъ училъ!
 И съ какою мы тоскою
 Видѣли, какъ съ сатаною
 Улеталъ, и *прямо въ адъ*!
 Нашъ бѣдняжка самъ не радъ,
 Какъ о немъ мы сожалѣли!! —

Молодые пролетѣли
 Наши годы, и съ тѣхъ поръ,
 Разный видѣли мы вздоръ,
 И балеты, и трагедьи,
 Драмы, оперы, комедьи,
 А мусье Полишинель
 Все намъ памятенъ! — Уже ль
 Всѣхъ звучнѣе въ сердцѣ струны
 Вспоминанья жизни юной? —
 И душа не встрѣтитъ вновь
 То, что первая любовь
 Ей восторга подарила,
 Если въ бездну уронила
 Времени ея мечту,
 А съ ней жизни красоту!!

Вотъ, прогулку начиная,
 Я явилась а ла Кьяйя,
 Но особеннаго тутъ
 Я не вижу; да съ истъ гуть:
 Есть дома весьма большіе,
 И трактиры щегольскіе,

Магазины, де бутикъ,
 Гдѣ въ витринахъ дезъ антикъ,
 Де галантери изъ лавы;
 И коралы безъ оправы,
 Какъ находятъ ихъ о фонъ
 Де ла меръ, э де шифонъ;
 Лавки очень здѣсь богаты;
 Тутъ монахи, тутъ солдаты,
 Шумъ, движенъе, суета,
 И такая пестрота,
 Что, времанъ, курьезно взору
 Тутъ идетъ дорога въ гору,
 И премехонько ведетъ
 А ла страда де Толедъ.

Но я ею не пустилась,
 А назадъ поворотилась,
 Посмотрѣть шато де л'Ефъ.
 Тутъ тюрьма, э с'етъ юнъ превъ,
 Какъ хотите, что напрасно
 Небо чисто, небо ясно,
 А въ душѣ все облака,

Все грѣшки, и здѣсь рука
 На чужое посягаетъ,
 Разобидить, обругаетъ,
 Какъ у насъ иной нахалъ,
 Оберетъ, и конченъ балъ.

Но здѣсь странная полицья.

Вотъ какъ дѣйствуетъ юстицья:

Канарейкой нарядить

Арестанта, и сидить

Въ желтой курткѣ, у рѣшетки,

И не думаетъ изъ клѣтки;

А немножко забурлить,

Лишь ружьемъ пошевелить

Косолапый солдатишка,

И утихнетъ, какъ мальчишка,

Если розгой погрозишь.

Le shato de л'Ефъ, какъ шишъ,

Тутъ торчитъ среди залива,

Но я видно несчастлива:

Не пустили въ *л'энттеріеръ*;
Нѣчего смотрѣть *далиеръ*.

Я пойду гулять по *вилль*;
Тамъ *Фриньяно*, *Чимитиле*,
Имперьяли, *мусье Беръ*,
И какой-то кавалеръ
По фамиліи *Пизани*:
Ужъ такіе куртизаны,
Особливо *Русскихъ дамъ*,
Что при нихъ прекрасно намъ;
Все прогулки затѣваютъ,
И всегда насъ угощаютъ;
Кто изъ нихъ, на что гораздъ,
Всякій дань свою ужъ дастъ;
И *чекченсъ* ужъ непременно;
Только встрѣтятъ, совершенно
Какъ старинные друзья.
Прежде все стыдилась я,
И руки имъ не давала,
Но привыкла, перестала,
И сама, бывало, имъ

Протяну. — Что тутъ за кримъ?
Болѣе всего задора
Я у Санта Теодора
Здѣсь нашла: какъ онъ учтивъ,
Какъ любезенъ, *атантифъ!*
Вотъ онъ предложилъ мнѣ руку,
Для прогулки; и въ науку,
Сталъ онъ всѣхъ мнѣ называть,
Трафилось кого встрѣчать.
Позабыла я названья, —
Но знатнѣйшая компанья
Все *де дюкъ, э де марки:*
Щегольскіе сюртуки,
И всѣ въ шпорахъ и съ усами,
И такими молодцами
Выступаютъ — *с'этъ энъ шармъ!*
По аллеямъ, *де жандармъ,*
Часовые для порядка;
Тутъ дѣтей, два, три десятка,
Бѣгаютъ и тамъ и сямъ.
Но какъ хороши *ле дамъ,*
Какъ прекрасно разодѣты,

Точно, право, какъ букеты
 Украшаютъ этотъ садъ,
 И всегда четыре въ рядъ,
 Или больше маршируютъ;
 Кавалеры жъ фланкируютъ,
 И имъ дѣлаютъ эскортъ,
 Начиная *де ла портъ*,
 Вплоть до самой до *ривіеры*.
 Дамы тутъ и кавалеры
 Разстаются, — *се партажъ*:
 Кто верхомъ, кто въ экипажъ,
 Ёдутъ *а ла страда* Ново. —
 Тутъ близъ берега крутого,
 Главный здѣшній променады
 Экипажи ѣдутъ въ рядъ,
 И ряда два, три, четыре;
 Ничего нѣтъ лучше въ мірѣ!
 Щегольство *дезъ экипажъ*,
 Де туалетъ, и неизажъ!
 Весь заливъ, какъ на ладони,
 И на синемъ небосклонѣ

Оттѣнились, какъ экспре,
 И Везувій и Кипре!
 Точно торжество природы!
 И триумфъ богинѣ моды!
 Такъ сказать, *дѣ ку д'юнъ пьеръ*.

Я вернулась *анъ аріеръ*,
 На *шедѣвръ* полюбоваться
 Де Роменъ; могу признаться,
 Удивительный народъ!
 Здѣсь онъ продолбилъ юнъ гротъ,
 Въ двѣ версты почти, сквозь гору,
 И еще въ такую пору,
 Какъ ни порохъ, ни *ваперъ*,
 Ни ихъ даже *энваптѣръ*,
 Ни *ле* гальанизмъ чудесный,
 Еще не были извѣстны,
 А умѣли смастерить,
 Что не только что ходить,
 Даже ѣздить, разъѣзжаться,
 Въ двухъ каретахъ, и встрѣчаться
 Безопасно, въ темнотѣ.

Монъ аферъ э ле коте :
 Но никакъ не понимаю,
 Сколько я ни разсуждаю,
 Для чего? *пуръ кель юзажъ*
 Сетъ Египетскій *увражъ*?
 Въ гору лѣнь было взбираться,
 Такъ и стали ухищряться
 Низомъ провести *ла трупъ*;
 Говорятъ еще, что *глупъ*,
 Кто не выдумалъ *ла пудръ*:
 Трудно, такъ, по мнѣ, *резудръ*,
 Видя Римлянъ чудеса;
 Кто же умникъ *апре са?*
 Грота видъ имѣетъ ада;
 Гдѣ фонарь, а гдѣ лампада,
 Но темно и душно въ ней,
 Точно въ области тѣней;
 Какъ войдешь, такъ духъ стѣснится,
 Что-то тяжкое ложится
 На сердцѣ, что мочи нѣтъ! —
 А вдали, въ отверзть свѣтъ,

Ярко, радостно сіяетъ.
Такъ душа, когда мечтаетъ,
Отягченная тоской,
О наградѣ неземной,
За терпѣнье, за страданья,
Здѣшней жизни испытанья
Переносить, чтобъ опять
Ей свободно ликовать
Тамъ, гдѣ ликовала прежде,
И вѣряся надеждѣ,
Смотрить вдаль, и свѣще тучъ той
Вѣры ей сіяетъ лучъ!!
Разбирая мои ноты,
Нахожу, что возлѣ гроты,
Есть Виргилевъ мавзолей,
Но нельзя, *комъ ву вуле*,
Всѣ ужъ лыки ставить въ строку;
На горѣ *томбо*, и съ боку;
И быть можетъ *апокрифъ*,
Такъ грѣшна ль я пропустивъ?
Мало вижу въ немъ я толка. —

Вотъ несется одноколката, охъ
 Черезъ гроту, во всю прыть,
 Въ одну лошадь, — задавить
 Мудрено ли пѣшехода?
 А какъ много въ ней народа,
 Сзади, спереди, внутри!
 Право, гдѣ ни посмотри,
 Здѣсь вездѣ агломерацья!
 Прекуръезиѣйшая нацья!

Вотъ я вышла де ла гротъ,
 И опять небесный сводъ,
 Солнце и лѣса, и море,
 И опять я на просторѣ, —
 Я вольна; душѣ моей
 Какъ-то стало веселѣй!

Возлѣ берега, Сиреной,
 Вся обрызганная пѣной,
 Низида въ волнахъ сидить,
 И, веселая, глядитъ
 На роскошную природу,

И на небо, и на воду,
Слиться данъ *ле муентенъ*.

Не мѣшало бѣ, *се матенъ*,
Посмотрѣть и на Пуццолі;
Отъ него верста, не болѣ.
Городъ очень нехорошъ;
Весь построенъ *сюръ юнъ рошъ*,
И съ большимъ пренебреженьемъ;
Но ужъ мѣстоположеньемъ
Онъ особенно счастливъ:
Байскій видѣнъ весь заливъ,
Ламартиномъ такъ воспѣтый, —
Лучше нѣтъ картины этой!
Капъ Мисенскій, *де рюинъ*,
Между прочимъ, *д'Агрипинъ*;
Но есть также много вздору.

Напримѣръ: ведутъ васъ въ гору,
И вамъ кажутъ погребокъ,
Гдѣ источникъ — кипятокъ
Натуральный совершенно;

Въ три минуты, непремѣнно,
Можно яицы испечь,
Странно! но, не въ этомъ рѣчь,
А къ чему такія рѣчки?
Кухни есть на то и печки,
Есть еще *ла гротъ дю шьенъ*:
Въ ней угарно, *се не рьенъ*;
Есть еще *ла Солфатара*,
Родъ подземнаго пожара,
Гдѣ ни тронешь, то огонь,
И ужаснѣйшая вонь;
Есть и озеро *Фузаро*:
Тутъ строенье плохо, старо,
И все устрицы ѣдятъ,
А завелъ ихъ, говорятъ,
Тамъ *Лукуллусъ*, *энъ* обжора!
Но для этакого вздора
Ѣздить нѣчего *си муенъ*;
Въ *Наполъ* ихъ ѣшь, *о муенъ*
И другое есть занятъе:
Ты заказываешь платье,
Ты газеты пробѣжишь,

Съ тѣмъ, съ другимъ поговоришь;
Точно, ворочусь въ Неаполь,
И приму я мятныхъ капель, —
Что-то ж'е боку манже,
И желудокъ деранже.

Съ тѣмъ, съ друтиа повороти;

Точно, поворотъ въ Невскѣ, точно

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

И въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ, въ нѣмъ

ХІІ.

НЕАПОЛЬ.

часть вторая.

Я раздѣлась, отдохнула,
 И съ полчаса заснула,
 Тамъ спросила мой обѣдъ,
 А тамъ кликнула Анетъ,
 Начала распоряжаться,
 Холиться и снаряжаться

На вечеръ въ л'Академи.

Дюкъ одинъ, де мезъ ами,

Мнѣ досталъ туда билетецъ.

Тамъ особый этикетецъ,

И не то чтобы воксалъ,

А почти придворный балъ:

Королевская услуга,

И стараются другъ друга

Превзойти, данъ лѣръ туалетъ,

Дамы всѣ; анъ эполетъ

И въ мундирахъ кавалеры,

А почти все каммергеры;

Королева и Король;

А Французы, комъ се дроль!

Всѣ во фракахъ, съ бородами.

Ну, нельзя мнѣ, Русской дамѣ, и

Здѣсь лицомъ ударить въ грязь.

Будетъ нашъ Великій Князь, и

А съ нимъ Русскихъ, тутъ юнъ свита.

Мнѣ не сдѣлали визита

Се Месіе, но такъ и быть!
 А нельзя ихъ не любить!
 Между ними есть пріятель,
 Мой старинный обожатель,
 Дипломатъ и не простой:
 Позабылъ меня; постой,
 Я опять его задѣну,
 И полѣзетъ онъ на стѣну,
 Видя, какъ я хороша!
 Закипитъ опять душа!
 Для него я отличилась,
 Чудо какъ принарядилась;
 Платье *де велуръ серизъ*,
 Башмаки *Мари Луизъ*,
 А по платью кружевные
 Все фалборочки двойные,
 И Торжковскій поясокъ,
 А на головѣ вѣнокъ
 Изъ тюлпановъ и камелы,
 Пара славныхъ букль *д'орельи*,
 Флеши двѣ данъ *ле шиніонъ*,

На цѣпочкѣ мой лоріонъ,
 На рукахъ браслетовъ восемь,
 Какъ всегда теперь ихъ носимъ;
 Дезъ аграфы д'аметистъ,
 И платочекъ анъ батистъ,
 Весь обшитый кружевами,
 Съ бортикомъ и вензелями,
 Окружаетъ мой букетъ:
 Нынче, ужъ сомнѣнья нѣтъ,
 Всѣхъ туалетомъ озадачу:
 И стянулась я въ придачу,
 Въ струночку, пуръ ле седюиръ, —
 Вотъ что значитъ сувениръ!

Я въ Академи явилась,
 Какъ вошла, всѣмъ поклонилась
 Съ ловкостью, де л'елегансъ,
 Дѣлаю ме реверансъ,
 А на нихъ не отвѣчаютъ,
 Даже и не примѣчаютъ;
 Очень стыдно стало мнѣ,
 Я смѣшалась, и къ стѣнѣ

Стулъ подвинула и сѣла,
 И ужасно покраснѣла:
 Здѣсь никто мнѣ незнакомъ,
 Тщетно обвожу кругомъ
 Любопытные я взгляды.
 Какъ разсказъ Шехеразады,
 Зала вся въ огнѣ горитъ;
 Все въ движеніи, все шумитъ,
 Чай, морожено разносятъ,
 Угощаютъ насъ, и просятъ,
 А хозяевъ не видать:
 Короля нельзя назвать
 Здѣсь хозяиномъ, ни сколько;
 Посѣтителъ онъ, и только.

Вотъ оркестръ вдругъ заигралъ,
 Подаетъ ему сигналъ
 Клакомъ, метръ де дансъ проворный,
 Въ башмакахъ, въ одеждѣ черной.
 Мнѣ достался энъ Англе,
 Толстый, низенькій, *тре ле*;
 Мы съ нимъ въ первой парѣ встали,

А *пуръ виз-а-ви* достали
Мятлева, се балагуръ,
Что когда-то мнѣ *ла куръ*
Такъ учтиво, нѣжно строилъ.
Онъ вниманіе удвоилъ,
Какъ узналъ..... *С'етъ энъ* поэтъ,
Ну того гляди, портретъ
Мой напишетъ онъ стихами;
Но вотъ очередь за нами —
Точно, закричалъ *ле сотъ*
Баллетмейстеръ, нашъ чередъ.

Вотъ я руки округлила,
И съ прыжками подскочила
Къ кавалеру, а назадъ,
Отошла *паръ де глицадъ*;
Тутъ *шасе* пошла я бокомъ,
Съ преузорчатымъ прискокомъ,
Тамъ *перле* и *кадансе*,
Сдѣлала я *балансе*,
И какъ пень остановилась —
Ну чуть-чуть не оступилась:

Шпорою меня задѣлъ,
Гвардья *Нобиле*, пострѣлъ,
И опять мнѣ стыдно стало.

А покамѣсть разбирало
Ле Везювѣ; онъ грохоталъ,
Камни, пламя изгергалъ,
И готовилъ разрушенье:
Но, что значитъ просвѣщенье,
Этотъ страшный феномень,
Замѣчаютъ здѣсь *а пенъ*:
Просто въ усъ себѣ не дуютъ,
Веселятся и танцуютъ.
Мнѣ не съѣздить ли туда?
Балъ увижу я всегда,
А на это бы мнѣ чудо
Посмотрѣть вблизи нехудо.

Выбралась анъ *тапинуа*,
Позабыла мой *боа*:
Но къ трактиру дотащилась,
Поскорѣй разоблачилась,

И накинула юнѣ блузу,
 Шляпу съ воалемъ и бурнусъ,
 И отправилась въ Резину:
 Тамъ я наняла скотину
 Длинноухую, энъ анъ,
 И на немъ, ту дусеманъ,
 Подыматься стала въ гору.
 И чѣмъ далѣе, то взору
 Лучше все являлся видъ.

И кого не восхититъ
 Эта чудная картина!
 Торъ дель греко и Резина,
 Ле Камалдули, ла виль,
 Весь заливъ, авекъ сезъ иль,
 И весь берегъ до Сорента,
 Какъ узорчатая лента,
 Освѣщенная луной,
 Тутъ лежать передо мной.
 Плавно по небу гуляетъ,
 И задумчиво сіяетъ

Сладострастная луна,
 Всюду нѣга, тишина!
 А Везувій, разъяренный,
 Гнѣвный, бурный, изступленный,
 Мечетъ пламя и реветъ,
 Точно будто въ небо шлетъ
 Клятву, ропотъ и упреки,
 И, огнемъ клубясь, рѣки
 Изъ жерла его текутъ.
 Мнѣ казалось: страшный судъ!
 Вѣчный огонь, юдоль мученья,
 За грѣхи, за преступленья,
 Ожидающіе насъ;
 И душа моя рвалась
 Къ небу, съ чистымъ покаяньемъ,
 Окрылаясь упованьемъ
 Въ милосердіе Творца.
 Здѣсь всю ночь я, до конца,
 До разсвѣта, простояла —
 И далеко увлекала
 Дума страшная меня.

Этотъ столпъ, весь изъ огня,
 Надъ пылающей горою;
 Мнѣ казался сатаною;
 Свергнутый когда съ небесъ,
 Онъ опять главу вознесъ,
 И надъ бездной разрушенья,
 Полный ярости и мщенья,
 Онъ пятой отважной сталъ,
 И все небо вызывалъ
 На отчаянную битву! —
 И творила я молитву:

Но вотъ солнце, дня восходъ,
 Безпредѣльный неба сводъ
 Свѣтомъ, славой озарился,
 И внезапно превратился
 Столпъ огненный — въ дымъ густой,
 И помчался съ быстротой,
 Блескомъ солнца уstraшенный,
 Точно демонъ пораженный
 Ангела мечемъ въ тотъ мигъ,
 Какъ святой Архистратигъ

Намъ второе Воскресенье
 Возвѣститъ, и возглашенье —
 Да воскреснетъ Богъ, у насъ,
 Какъ въ одинъ сольется гласъ,
 Правые возвеселятся,
 И враги всѣ расточатся,
 И какъ исчезаетъ дымъ,
 Такъ исчезнутъ передъ нимъ!

Воротилась я въ Резину,
 И назадъ всю половину
 Я почти пѣшкомъ прошла,
 А въ Резинѣ, я нашла
 Что всю ночь тамъ люди спали.
 Преспокойно, не мечтали
 Объ опасности ихъ крышъ,
 Дѣло странное — барышъ:
 Англичане пріѣзжаютъ,
 И оловъ ихъ нанимаютъ,
 Такъ имъ больше ничего
 И не надо; а того,
 Что съ Помпеей приключилось,

И не помнятъ, позабылось,
 То есть, нѣтъ, они *паръ кѣръ*
 Это знаютъ. — Вояжеръ,
 Кто къ нимъ въ руки попадется,
 Ихъ рѣчей не оберется;
 Столько ужъ наговорятъ
 Про Помпею, заманятъ, —
 И за блюдо макарони
 Всѣ готовы въ Чичерони.

Я условилась съ однимъ,
 И туда пустилась съ нимъ;
 По дорогѣ намъ встрѣчались
 Мальчики, и кувыркались:
 Обернется колесомъ,
 И намъ ручками потомъ,
 На брюшко и ротъ покажетъ.
 Адамъ Смитъ, пожалуй, скажетъ,
 Что и это ремесло.

Всю дорогу занесло
 Здѣсь золой, отъ изверженья:

Это въ родѣ объясненья.
 Миньятюрнаго *пуръ ну*,
 Какъ Помпея въ старину,
 Съ роскошью ея, со славой,
 Подъ золою, и подъ лавой,
 Здѣсь въ одинъ исчезли мигъ —
 Се пале, э се бутикъ,
 Храмы, бани, гиподромы,
 И аптеки, и хоромы,
 И живущій въ нихъ народъ,
 Дѣвъ веселыхъ хороводъ,
 И триумфы, и трофеи,
 И всѣ прелести Помпеи,
 И *Трибуна*, и налой,
 Все засыпалось золой : —
 И быть можетъ, что застала
 Ихъ бѣда, во время бала;
 Можетъ быть давалъ обѣдъ,
 Въ этотъ день, *мусье Дыйомедъ* :
 На супругѣ обгорѣлой,
 Найдень былъ туалетъ цѣлый,
 Цѣпь и серьги и кольцо,

Но курносое лице
Обгорѣлаго скепета
Не плѣнило бы поэта,
И никто бъ не написалъ
На него энъ мадригалъ.

Но какъ много упованій,
И восторговъ, и страданій,
Плановъ, происковъ, интригъ,
Здѣсь одинъ разрушилъ мигъ!
А кто знаетъ? продолжалось,
Можетъ быть, и приближалось
Понемногу это зло, —
Оно хуже: тяжело
Видѣть, какъ валятся зданья,
Слышать вопли и рыданья,
Трескъ и шумъ, подземный громъ,
Небо мрачное, кругомъ
Точно заревомъ объято.
Какъ съ натуры это снято
У Брюлова, и взгляну ль
Всякій разъ — *ла шеръ де нуль*,

Такъ онъ живо все представилъ,
И намъ памятникъ оставилъ.

Все стремится, все бѣжитъ;
Кто чѣмъ больше дорожитъ,
То схвата съ собой уносить;
Тотъ рыдая, небо проситъ,
Чтобы помогло ему;
Тотъ, не вѣря ничему,
Изступленью предается;
Въ колесницѣ тотъ несется,
Но уже проѣзда нѣтъ,
И пропалъ дороги слѣдъ;
Весь народъ, какъ стадо, бродитъ;
Устрашенная, уводитъ
Мать испуганныхъ дѣтей,
И ихъ мантиею своею
Отъ бѣды укрыть мечтаетъ,
И молиться заставляетъ;
Сыновья отца несутъ
Умирающаго тутъ,
Жрецъ боговъ своихъ спасаетъ,

Имъ уже не довѣряетъ,
И отчаянія укоръ
Дикій выражаетъ взоръ;
А тутъ дѣва молодая,
Вся весной благоухая,
Вся въ убранствѣ, вся въ цвѣтахъ,
Вдругъ низвергнута во прахъ,
И при взорахъ умираетъ
Жениха; а тутъ играетъ,
Птичку ручками схватя,
Беззаботное дитя.
Такъ одинъ, людьми забытый,
Но подъ Божьею защитой,
Ангелъ въ небо улетитъ,
И ребенка не мутитъ
Общій страхъ, земная тризна;
У него своя отчизна!
Плиній силится спасать
Дряхлую, больную мать,
Средь развалинъ, среди труповъ;
Множество еще есть групповъ, —
Всѣмъ имъ видъ особый данъ;

Но Семейство Христіанъ
 Здѣсь вниманія достойно:
 Какъ умильно, и спокойно,
 Оно смотритъ въ небеса,
 И послѣдняго часа
 Безмятежно ожидаетъ —
 Молится и уповаешь.

Но всего не описать:
 А признательно сказать,
 Первые мои идеи
 О гибели Помпей
 Въ древности, я набрала
 У Брюлова; но прочла
 Гдѣ-то, про ея открытѣе
 Прекуръезное событѣе.

Энъ Французъ, энъ дюкъ д'Эльбефъ,
 Дачу строилъ, э юнъ превъ
 Вдругъ нашелъ, въ саду копая,
 Что земля тутъ не пустая,
 А должны быть *де ришесъ*.

Принялся *авекъ адресъ*,
Дальше, дальше дорываться,
И вдругъ стали появляться
Статуи, *де лампъ, де вазъ*.
Вѣсть объ этомъ разнеслась,
И Губернское Правленье
Насылаетъ предложенье,
Что все, что внутри земли,
Получаютъ Короли,
Такъ гласить-де *лексъ регалья*,
И что *дюкъ д'Эльбефъ* каналья,
Если тотчасъ не отдастъ;
Но *д'Эльбефъ* былъ презубастъ,
Споръ завелъ, — его прогнали,
И сейчасъ въ казну забрали
Дачу всю его, и садъ :
А какъ въ Наполѣ Сенатъ
Мастеръ былъ всегда копаться,
Такъ и сталъ онъ заниматься
Этимъ дѣломъ, *авекъ суэнъ*,
Лѣтъ десятка два *о муэнъ*,
И дорылся до Помпей.

Храмы, лавки, мавзолеи,
Улицы всѣ найдены;
Но домовъ сохранены
Только первые этажи,
Гдѣ жъ ѣзжали экипажи,
Узнаешь по колеѣ;
И все это *баліе*
Здѣсь командой инвалидной,
Вояжерамъ преобидной,
Потому что все слѣдятъ
За тобою, и глядятъ,
Чтобъ ты не укралъ фигурки,
Камушка, иль штукатурки,
А къ чему ихъ, с'етъ эгаль!
Но и этого имъ жаль.

Здѣсь въ Помпеѣ, какъ гуляешь,
Точно будто разбираешь —
Рукопись старинныхъ дней,
Въ передѣлѣ у мышей
Побывавшую съ полвѣка,
И не въ силахъ человѣка

Смыслъ найти, и кто пойметъ?
 Тутъ страницъ не достаетъ,
 Тутъ двѣ, три, четыре фразы,
 Тутъ опять мышей проказы,
 Уголокъ отгрызли весь,
 Иль середку: такъ и здѣсь,
 Ты найдешь начало *страды*,
 И тутъ пашни, винограды,
 Поле чистое, а тамъ,
 Гдѣ колона, и гдѣ храмъ;
 Видно, что тутъ люди жили,
 Кто жъ они такіе были,
 Чѣмъ тутъ промышлялъ народъ,
 И какой былъ обиходъ
 Заведенія, порядки, —
 Это просто ужъ догадки.

Правда, что здѣсь найдены
 И провизьи старины,
 Хлѣбъ, и мясо, и бутылки,
 Медъ, и яйца, и вилки,
 Подъ золой: *с'етъ энъ эндисъ*,

Что здѣсь кушали *жадисъ*,
И что ключницы бывали;
Но ужъ это все забрали,
И въ Неаполѣ оно
По шкапамъ разложено,
Среди рѣдкостей въ музей.

А оставили въ Помпеѣ
Одинъ только мозаикъ
Пребольшой и *манификъ*.
Домикъ выстроенъ нарочно
Для него, и также точно,
Какъ рисунокъ для канвы,
Разграфленъ. Двѣ головы
Лошадиныя прелестны,
Но ужъ группы всѣ такъ тѣсны,
Что нельзя и разобрать;
Видно, что въ походѣ рать
Спѣшилась, или дерется,
Но ученымъ достается
Попотѣть *сюръ се сюже*,
И весьма *андоможе*.

Этотъ мозаикъ старинный,
Знать паркетомъ былъ въ гостиной,
Или въ храмѣ гдѣ нибудь.

Но пора мнѣ отдохнуть,
Я довольно погуляла,
И ужасно какъ устала;
Доберусь къ себѣ въ трактиръ,
И поѣсть и подормирь.

Но еще довольно рано,
Такъ заѣхать въ Эркулано;
Тамъ *руины* подъ ключемъ,
Но нельзя понять, о чемъ
Такъ ужъ много прокричали.
Здѣсь мнѣ только показали
Корридоръ одинъ, иль два,
И колодезь, гдѣ едва
Что въ потьмахъ увидѣть можно,
И водили осторожно,
Чтобы шеи не сломить.

Ну нельзя не похвалить :
 Здѣсь ступенекъ *есть* десятокъ,
 Цирка древняго остатокъ ;
 Но не стоило труда
 Бздить *нуръ* села сюда.

Вотъ здѣсь Портича , извѣстный
 По Фенеллѣ интересной ;
 Королевскій тутъ дворецъ ,
 Точно Стрѣльна ; наконецъ
 Вотъ *иль* кармине , меркато ,
 Гдѣ такъ бушевалъ когда-то,
 Мазаньелло либеральъ ,
 И Гиспанцевъ разогналъ ,
 Но самъ царствовать рѣшился ,
 И какъ разъ ума лишился ,
 Потому что всякъ сверчокъ
 Долженъ вѣдать свой шестокъ.

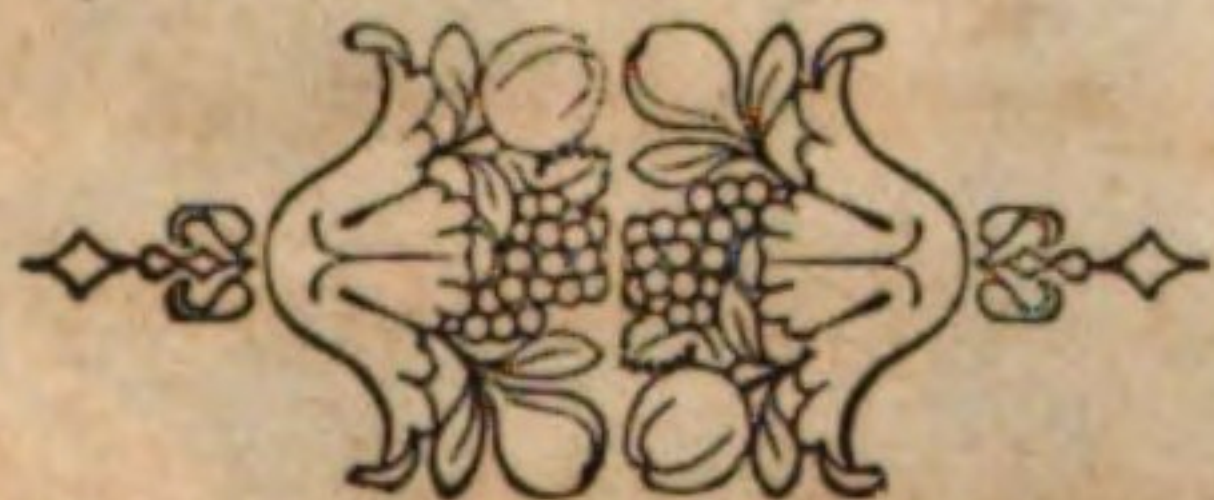
Вотъ *иль* моло , вылѣзаю

Изъ коляски: я желаю
Посмотрѣть энъ не сблизн,
Дѣтство де ла поэзи:
Кантасторьевы рассказы,
И народные эктасы,
Въ пѣсняхъ онъ когда гласить
Про Роланда, говоритъ
О сраженіяхъ бывалыхъ,
О разбойникахъ удалыхъ,
О лихихъ богатыряхъ,
О святыхъ монастыряхъ;
Кантасторья хромоногій,
Въ рубищахъ, старикъ убогій,
Но король и властелинъ
Надъ толпою: ни одинъ
Шевельнуться не дерзаетъ,
Все въ молчаньи, все внимаетъ,
И по бревнамъ размѣстясь,
На ладонь облокотясь,
Лазарони и солдаты,
И монахи, всѣ объаты
Вдохновеніемъ его,

И не слышатъ ничего,
Что кругомъ ихъ происходитъ,
Онъ такой восторгъ наводитъ;
То пугаетъ, то смѣшитъ,
То въ сердцахъ растормошитъ
Сокровеннѣйшія чувства;
И такого я искусства
Не видала: какъ рѣка
Льется рѣчь, — то высока,
Какъ у Тасса и Арьосто,
То легко, забавно, просто,
Онъ поетъ иль говоритъ.
Ме вола ле гранъ меритъ,
Что никакъ онъ не наскучитъ,
И шутя, играя учитъ;
Если жъ про святой предметъ
Рѣчь нечаянно зайдетъ,
Тотчасъ шляпу онъ снимаетъ;
Крестится и повторяетъ
Весь народъ его поклонъ,
И на синій небосклонъ
Взоръ возводитъ умиленный.

Кантасторья вдохновенный
 Солнцемъ , говоромъ валовъ ,
 Чарою затѣйныхъ словъ ,
 Чертитъ разныя фигурки ;
 Не отъ сивки , не отъ бурки
 Начинаетъ свой рассказъ ,
 Такъ какъ водится у насъ ,
 Но картиною прелестной ,
 Иль пословицей извѣстной .
 Пропоетъ сперва юнъ строфъ
 Изъ двѣнадцати стиховъ ,
 А тамъ плюнетъ , и толкуетъ
 Просто въ прозѣ , разрисуетъ
 Содержанье *de se веръ*
 И а торъ и а траверъ ,
 Прибавляетъ прибаутки ,
 И сентенціи , и шутки :
 И все съ нимъ тутъ за одно ;
 Даже море , и оно
 Слушаетъ , кипитъ , трепещетъ ,
 И волной о берегъ плещетъ ,
 Вторя будто бы ему .

Но къ трактиру моему
Я никакъ не доберуся,
А устала признаюся;
Какъ бы только добѣжать,
Поскорѣй домой, и спать.

Ille est spiritus sanctus, qui in
omni homine habitat, et
omni hominem illuminat, et
omni hominem sanctificat, et
omni hominem glorificat.

B. Thunberg

Chapman.

На жеп, аравомъ, амоннаго, а, афой

Съ, афой, афой, афой, афой, афой

XIII.

Не видать, афой, афой, афой, афой, афой

На дю, афой, афой, афой, афой, афой

НЕПОЛЪ.

Экшанъ, афой, афой, афой, афой, афой

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Нѣтъ во мнѣ, афой, афой, афой, афой, афой

На мѣся со всѣхъ, афой, афой, афой, афой, афой

Прохрапѣла прездорово, афой, афой, афой, афой, афой

Я до четверти втораго, афой, афой, афой, афой, афой

Какъ проснулась, тотчасъ мнѣ

Подали монъ дежене, афой, афой, афой, афой, афой

Кофе, въ странномъ самоварѣ,
Фрукти, какъ бишь ихъ, ди маре,
Яица, э де котлетъ,

Дежене а ме фуршетъ;

Недостатка въ апетитѣ

Нѣтъ во мнѣ, но канонети

Тронуть не могла никакъ:

Имажине ву, червякъ

Въ скорлупѣ сидитъ въ неволѣ,

Положи немножко соли,

Онъ и лѣзетъ, э пуртанъ

Ихъ ѣдятъ; се дегутанъ!

Также мало вижу вкуса

Въ устрицахъ я, признаюся;

Но котлетокъ э дезъ ё

Я накушалась пуръ дё.

И пустилась, до обѣда,

Я по улицѣ Толеда,

И куда глаза глядятъ, влѣпехъ **II**

Анъ калешъ. ;отвѣота итѣватер од R

ѣни гѣвртот , дѣвлѣнзодн гѣвѣ

Какъ вдругъ летятъ **II**

На меня два, три гусара, *иномъ* *двѣ*
 Съ саблей на голо! Пожара-*дѣ* *отъ*
 Не видать, такъ видно бунтъ! *идонъ* *и*
 Па дю ту: они во фрунтъ *дѣ* *и*
 Экипажи разставляютъ, *дѣ* *и*
 Объяжать не позволяютъ, *дѣ* *и*
 Аступай-ко *данъ* *ла* *филь* *дѣ* *и*

Здѣсь вся съѣхалась *ла* *вилъ*, *дѣ* *и*
 И толпа народа бездна! *дѣ* *и*
 И попытка бесполезна *дѣ* *и*
 Даже выбратся назадъ; *дѣ* *и*
 Благо я попала въ рядъ, *дѣ* *и*
 Ъхать видно, мнѣ покуда, *дѣ* *и*
 Какъ велятъ. — *дѣ* *и*

Но что за чудо?

На меня со всѣхъ сторонъ, *дѣ* *и*
 Изъ толпы *э де* *балконъ*, *дѣ* *и*
 Вдругъ посыпались большіе *дѣ* *и*
 Шарики, все мѣловые, *дѣ* *и*
 И одинъ изъ нихъ, какъ разъ, *дѣ* *и*

Такъ меня ударилъ въ глазъ, *и* *онъ* *вн*
Что чуть-чуть не окривѣла; *и* *онъ* *вн*
Я поднять *калешъ* велѣла, *и* *онъ* *вн*
И запряталась *о фонъ*. *и* *онъ* *вн*
Вдругъ на встрѣчу, *де буфонъ*, *и* *онъ* *вн*
Въ разныхъ шутовскихъ костюмахъ,
Въ шапкахъ, въ мантияхъ и въ плюмахъ,
Въ шлафрокахъ, *э де тюрбанъ*,
Бдутъ *данъ де шаробанъ*: *и* *онъ* *вн*
И кидаютъ, маски эти, *и* *онъ* *вн*
Тѣ же самыя конфеты, *и* *онъ* *вн*
Тѣ же шарики, — ужель *и* *онъ* *вн*
Я жъ опять ихъ буду цѣль? *и* *онъ* *вн*
Точно такъ! Всю закидали, *и* *онъ* *вн*
И все платье обмарали, — *и* *онъ* *вн*
Ну куда я покажусь?
Но напрасно я сержусь:
Видно здѣсь такая мода; *и* *онъ* *вн*
И довольно бы народа, *и* *онъ* *вн*
Чтобы шалуновъ унять, *и* *онъ* *вн*
Нѣтъ, всѣ селятся кидать, *и* *онъ* *вн*
Другъ на друга и хохочутъ, *и* *онъ* *вн*

Не одну меня морочатъ;
 Такъ, здѣсь правятъ карнавалъ,
 И попала я въ развалъ;
 Нѣтъ причины обижаться.

Но вотъ начало смеркаться,
 И вотъ ѣдетъ ихъ бемеркъ,
 Преогромный фейерверкъ,
 Колесница съ фонарями,
 Съ разноцвѣтными огнями,
 Что зовутъ *фё дю бенгаль*;
 Настоящій сатюрналь:
 Крики, музыка, смятенье,
 И ужасное волненье!
 Вдругъ всю улицу Толедъ
 Озарилъ волшебный свѣтъ,
 Точно адская денница;
 И вездѣ мелькаютъ лица,
 Въ окнахъ, дверяхъ, *сюръ ле туа*,
 На балконахъ; *се пуръ туа*
 Какъ Брамбеуса видѣнья
 Въ Библіотекѣ для чтенья,

Или мастерской эскизъ
Карнаваловъ *де Венизъ* —
Какъ тамъ въ старину бывало.

Но въ желудкѣ забурчало,
Ужасъ, какъ пора *дине!*
Заставляютъ *промене*
Пять часовъ здѣсь по неволѣ;
Нѣтъ терпѣнія ужъ болѣ:
Иль фетъ энъ фруа де му,
Я устала, вся въ мѣлу,
И туалетъ совсѣмъ измятый,
А, я чай, ужъ часъ десятый,
Прогуляла я обѣдъ, —
Ну ужъ этотъ мнѣ Толедъ!

Но Толедъ я обвиняю,
Будто бы сама не знаю
Что тутъ не его вина;
Ужъ такая здѣсь страна,
Можно видѣть и иную
Тутъ картину: вотъ въ Страстную,

Начиная де жедити, таи ондур, эдэрдэм
 Здѣсь уже пѣшкомъ ходи, црэнной йэзЯ
 Экипажей не пускаютъ; ваз гявт отР
 Всѣ такъ чинно тамъ гуляють, аэ И
 Мало такъ народъ шумить, и ваяянИ
 Что и муха пролетитъ, рп лрон оизя И
 Такъ услышишь, — нѣтъ ни крика, И
 Ни тревоги, лишь музыкан үтс в отР
 Полковая, и Корольди оюлодүлтэрП
 Даже тутъ имѣеть роль: тэиrX йэишдО
 Съ непокрытой головою гдѣлэи гявтЯ
 Ходить, окруженъ толпою, ж йонрЯ
 Царедворцевъ. — Въ эти дни, оуинвД
 Точно общаго родниэдрэи и вдопэО
 Всякъ кончины ожидаетъ, мон гявт И
 И наслѣдства; наблюдаетъ,
 Чтобъ онъ умеръ въ тишинѣ; мортУ
 Даже, вы повѣрьте мнѣ, эо нідүтС гЯ
 Не залаетъ и собака, вэятяиенрп, оИ
 Не задѣнетъ забіяка идв гив отот вгД
 На Толедѣ. — По церквамъ ээя гдотР
 Раздается, здѣсь и тамъ, — йонвэа гивТ

Мизерере, чудно пѣтой
 Всей консерваторьей этой,
 Что такъ хвалить цѣлый свѣтъ,
 И съ которой, слова нѣтъ,
 Никакая не сравнится:
 И всю ночь прогулка длится,
 И я точно вамъ скажу,
 Что я эту нахожу
 Преглубокою идею!
 Общей Христіанъ семьею,
 Какъ наслѣдство почитать
 Вѣчной жизни благодать,
 Данную намъ и мученьемъ
 Господа и Воскресеньемъ,
 И такъ поминать тотъ день.
 Утромъ встала я и пеню:

Утромъ встала я и пеню,
 Въ Студіи сходить рѣшилась,
 Но, признаться, нарядилась
 Для того анъ аби д'омъ,
 Чтобъ все осмотрѣть кругомъ;
 Тамъ какой-то кабинетъ,

По названію *секрето*,
 Гдѣ для дамъ и хода нѣтъ;
 Мы вошли *авекъ Анетъ*,
 Но сейчасъ отворотились,
 И ужасно устыдились!
 Совершенно просто срамъ! —
 Козы и сатиры тамъ,
 И еще другія штуки
 Нехорошія, — я руки
 Опустила, и ушла
 И подумала: *вола*
 Любопытство не у мѣста!
 Ахъ, я *теста, теста, теста!*
 Тутъ напротивъ кабинетъ,
 Ужъ гораздо *плюзъ онетъ*;
 Все тутъ рѣдкости Помпей:
 Цѣпь, которая на шеѣ
 У Дьомедши найдена;
 Видно, что была она
 Щеголиха пребольшая,
 Цѣпь чудесная какая!

Серьги съ камнемъ, перстенецъ;
 Рядомъ меду тутъ раекъ,
 Тутъ лежитъ яицъ десятокъ,
 Пара древнихъ тутъ пернатокъ,
 Тутъ говядина, дю бёфъ,
 Стклянокъ и бутылокъ нёфъ,
 Хлѣба черстваго краюшка,
 И старинная ватрушка,
 Но всего не осмотрѣть. —

Въ комнатѣ другой, анъ мѣдъ
 Все старинная посуда:
 Чайники, шандалы, блюда,
 Рукомойники, де жатъ,
 И статуйчики стоятъ,
 Мельницы, э де машины,
 Люстры, де тряпье, кувшины,
 Шпаги э де кокемаръ,
 С'етъ-а-диръ, де самоваръ,
 Какъ у насъ въ употребленьи;
 И бычки тутъ, и олени,
 Мѣдные, и цѣлый рядъ

Сорта разнаго лампадъ,
 Канделабры и кровати,
 — Эти-то кѣкакой ужъ стати? —
 Де курильницъ пуръ ле мюскъ.
 Далѣ, де вазы Этрюскъ,
 Пять шесть залъ, и въ цѣломъ свѣтѣ
 Вы подобныхъ не найдете,
 Богатѣйшіе! десенъ
 Точно сдѣланъ а ла менъ;
 Эти-то горшки, едвали
 Что не боги обжигали,
 И теперь не перенять,
 Хоть пядей имѣй и пять
 Ты во лбу! и по ранжиру
 Всѣ стоятъ, на диво міру,
 Разныхъ видовъ, разныхъ формъ;
 Даже иль ѣ анъ а д'енормъ.

Въ нижній я этажъ спустилась,
 Въ залѣ бронзовъ очутилась;
 Среди залы, пьяный Фонтъ

На скалѣ лежитъ, буфонъ,
 Что творить онъ за гримасы!
 Онъ годился бы въ паясы.
 Тутъ старинный бюстъ стоитъ
 Данте, — преугрюмый видъ,
 Но навѣрное похожій,
 Съ натуральной его рожей;
 Что за мысль, кель верите
 Въ этой дряхлой ветюсте!
 И какъ выраженъ весь геній
 Его чудныхъ пѣснопѣній: —
 И какъ видно, что старикъ,
 Въ души глубоко проникъ:
 Какъ онъ грустно увлекался
 За Франческой, какъ ругался
 Съ Уголино, местию злой
 Надъ Руджери головой.

Голова тутъ съ гривой длинной
 Лошади, какъ гербъ старинный
 Партенопа, найдена
 Гдѣ-то подъ землей она.

Тутъ статуя Купидона
 И Меркурія, тутъ колонна,
 Барельефъ, а тутъ лезъ *Ерѣ*
 Д'Эркуланумъ, анъ кулѣръ:
 Богатѣйшіе рисунки;
 Пляшутъ, точно какъ на стрункѣ
 Баллерине, — хороши
 Какъ мечтанія души
 Пылкой, юной и влюбленной,
 Неба жаромъ одаренной,
 Прежде нежели нашъ свѣтъ
 Все подъ общій приведетъ
 Здѣсь холодный знаменатель!
 Только *эри* эти кстати ль,
 Я не знаю; между бронзъ,
 Штукъ ихъ десять или *онзъ*.

Въ лѣвой сторонѣ музея,
 Мраморовъ есть галлерей,
 И *кустоде* показалъ
 Сряду нѣсколько мнѣ залъ,
 Корридоровъ и чулановъ,

Гдѣ коллекція истукановъ,
 То есть статуи, *Жюль Сезаръ*
 Балбуса два, Амилькаръ,
 Цицеронъ и Агриппина,
 Кесарей еще *додзина*,
 То есть дюжина. По мнѣ,
 Всѣхъ прелестнѣй, — *девице*,
 Что? *Фрагманъ де ла Псишея!*
 Что за талья, что за шея!
 Что за грудь, а кель *профиль!*
 Грецыи весь изящный стиль,
 Только жалко, что обломокъ;
 Вѣрный въ немъ нашла я съемокъ
 Той восторженной мечты,
 Нѣжности и красоты,
 Что такъ сладостно бывало
 Богдановича внушала.

Безподобная *анкоръ*
 Тутъ статуя *де ла флоръ*,
 Колоссальная съ цвѣтами,
 Что сравнить съ ея чертами?

Какъ роскошная весна, что гдѣ
Улыбается она! —
Платья такъ легки, такъ гибки,
Соотвѣтствуютъ улыбкѣ.

Тутъ ораторъ Аристидъ,
А съ нимъ рядышкомъ стоитъ
Терпсихоръ, богиня пляса;
Тутъ ни рыба ни мясо
Съ щучіимъ хвостомъ амуръ
Выдумалъ же балагуръ
Ваятель, такую штуку!
Людямъ, можетъ быть, въ науку
Этимъ онъ замѣтитъ далъ,
Что любви такъ богъ удалъ,
Что лишь дай ему свободу,
Онъ готовъ въ огонь и въ воду.

Гладьтеровъ штуки три
Тутъ стоятъ, анъ симетри
Съ Адонисомъ и Діаной;

Бахусъ богъ дитя, ужъ пьяный
 При рожденіи. — Но вотъ
 Въ кучу собрался народъ
 Передъ статуей Венеры:
 Дамы тутъ и кавалеры,
 И мамзелей и ребятъ
 Множество, и всѣ глядятъ,
 Какъ шалуня подымаетъ
 Са шемизъ, и выставяетъ,
 Что должно бы быть секретъ.
 Неприлично, э се беть!
 Но здѣсь и мамзель и дама
 Смотритъ просто и безъ срама,
 На Венеру Калипиджъ —
 Такъ зовутъ ее, — поди жъ,
 Древніе что представляли
 Ихъ за это не ругали,
 А напротивъ: похвала
 И теперь имъ пуръ села;
 А у насъ такъ толки, рѣчи,
 Ежели раскроешь плечи,
 Перейдешь немножко грань,

Осужденіе и брань,
А ее не осуждали.

Тутъ мнѣ залу показали
Гдѣ стоитъ л'Эркюль Фарнезъ:
Признаюсь, *же сви бьенъ эзъ*,
Что при людяхъ смотрѣла;
Я бы слыхъ какъ покраснѣла.
Русскій, Волжскій нашъ бурлакъ,
На разшивѣ, точно такъ,
Выкупавшись, отдыхаетъ,
И весь голый ожидаетъ,
Чтобъ Богъ высушилъ его.

Вотъ ужъ въ группѣ ничего
Въ этой я не понимаю,
Дю Торо Фарнезъ: я знаю,
Что когда-то лютый быкъ,
Изступленный, скокъ и прыгъ,
Устремясь за Прозерпиной,
Ей во слѣдъ бѣжалъ долиной;
Что Полюксъ *авекъ* Касторъ

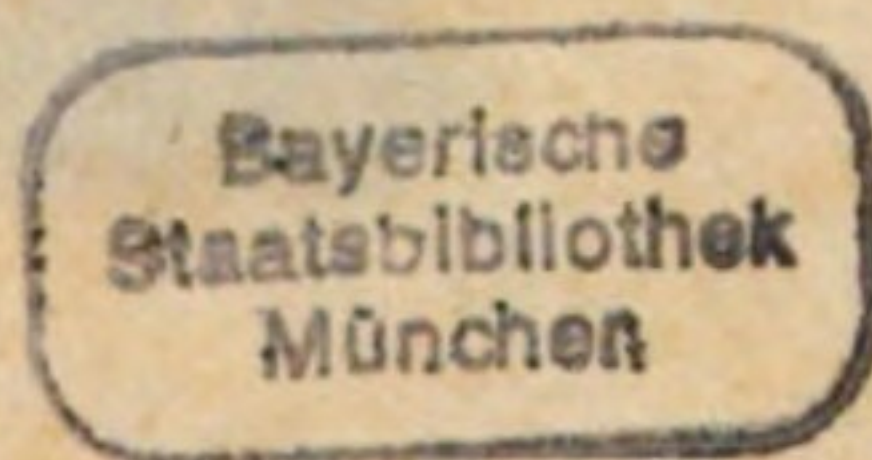
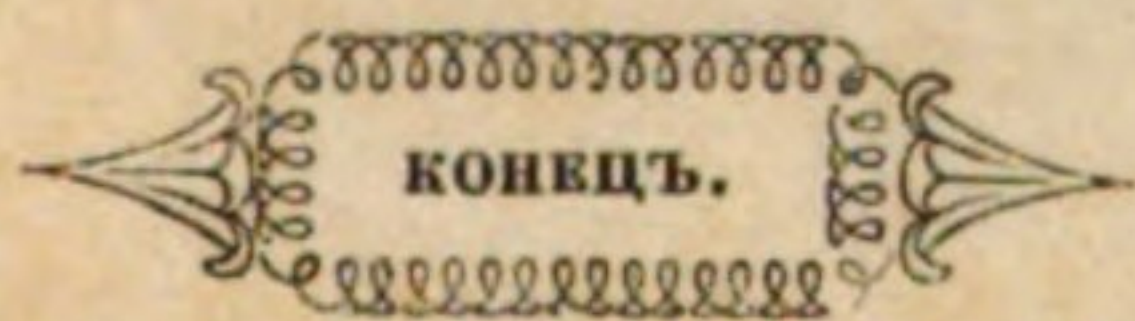
Выручили *де ла моръ*
 Прозерпину, дочь Цереры.
 Но престранныя манеры
 Здѣсь поставленныхъ фигуръ,
 Особливо этихъ дуръ,
 Что спокойно отдыхаютъ,
 Пока люди выручаютъ
 Ихъ, схватившись за рога.
 А вѣдь группа дорога!

Есть здѣсь два картинъ собранья,
 Но не стоятъ описанья:
 Хоть и цѣнятся *тре шеръ*,
 Но довольно *ординеръ*;
 Главное межъ ними мѣсто
 Дю Лука Жордамъ Фа-Престо.

Есть еще *ле Папиросъ*.
 Для меня оцѣ хаосъ,
 Толку въ нихъ не понимаю,
 И молчаньемъ пропускаю.

Да мнѣ и домой пора:
Завтра хочется съ утра
Мнѣ съ Неаполемъ разстаться.
Трудно здѣсь не заболтаться,
А нетрудно надоѣсть.
Завтра же рѣшилась сѣсть
Я на пароходъ Велоче;
И оно всего короче.
Тѣмъ закончится, какъ разъ,
Мой Неапольскій рассказъ.

Чтобъ зѣвующій читатель
Не сказалъ, *кандѣ финишатъ эль?*
Чего Боже сохрани, —
Знайте же, *ке се фини.*

Да мнѣ и доной порѣ:
 Завтра зорится съ утра
 Мнѣ съ Невномъ развѣстается.
 Трудно здѣсь не забывается,
 А петрухно надобно.
 Завтра же рѣшится съ братомъ
 И на парозодѣ Велозе;
 И оно всего дороже.
 Тѣмъ законится, какъ развѣ,
 Мой Невномъ расквѣтъ.

Чтобы арваній рѣшится
 Не сказать, какъ рѣшится
 Что Боже сохрани —
 Знайте же, въ се рѣши.
 Главною же рѣши
 До Луизъ Жордана Фа-Престо

Для меня дни зоры
 Току въ рѣшится
 И жолчю рѣшится

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I. Введеніе.	7
II. Боромейскіе острова и Комо. .	13
III. Миланъ (часть первая).	51
IV. Миланъ (часть вторая).	79
V. Венеція (часть первая).	105
VI. Венеція (часть вторая).	129
VII. Флоренція (часть первая).	149
VIII. Флоренція (часть вторая).	181
IX. Римъ (часть первая).	199
X. Римъ (часть вторая).	237
XI. Неаполь (часть первая).	277
XII. Неаполь (часть вторая).	309
XIII. Неаполь (часть третья).	337

ОТЪЯВЛЕНІЕ

Стр.	
7	I. Введеніе
13	II. Разомненіе островъ и Копи
51	III. Миланъ (часть первая)
79	IV. Миланъ (часть вторая)
105	V. Бенедикъ (часть первая)
129	VI. Бенедикъ (часть вторая)
149	VII. Флоренція (часть первая)
181	VIII. Флоренція (часть вторая)
199	IX. Римъ (часть первая)
237	X. Римъ (часть вторая)
277	XI. Неаполь (часть первая)
309	XII. Неаполь (часть вторая)
337	XIII. Неаполь (часть третья)

ВЪ ТИПОГРАФИИ JOURNAL DE ST.-PÉTERSBOURG.

Mjatlev, Ivan P.

Sensacii i zaměčanja gospoži Kurdjukovoj za graniceju dan l'Étranže

Bd.: [3]. Italija. - 1844. - 355 S. : Ill.

Tambov 1844

P.o.russ. 63 u-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610101-3